

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. № 6(126)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council
Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);
Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 От главного редактора

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 **КУЗНЕЦОВ С. В., МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций
- 19 **КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Электронная демократия и гуманистические принципы
- 32 **КУГАЙ А. И.**
Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая
- 41 **АЛЁХИНА И. С.**
Законодательство о статусе парламентариев государств — участников СНГ: перспективы совершенствования
- 50 **БУТАКОВА Н. А.**
Столкновение судов в море: проблемы ответственности и подсудности

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 54 **КОКШАРОВА М. Я., КРУГЛОВ Д. В., ПЛОТНИКОВ В. А.**
Проблемы регулирования региональных рынков труда в России
- 67 **КОЛОБОВА Е. Ю.**
Развитие российского медиарынка и цифровой разрыв
- 79 **ЕРМИШОВ К. В., КОНЯГИНА М. Н.**
Современные подходы к оценке эффективности инновационных проектов в области утилизации газовых выбросов нефтехимических производств
- 91 **РУКИНОВ М. В.**
Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 102 **ЛИПАТОВА Л. Н., ГРАДУСОВА В. Н.**
Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период
- 114 **НГУЕН ДИН ТАНЬ, НГУЕН ЦАН ТОАНЬ, ДАНГ АНЬ ТУЕЙТ**
Push-pull факторы в исследовании миграции этнических меньшинств Вьетнама

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 121 **АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Рабство как форма человеческого бытия (видение античных авторов в свете идей русских философов)
- 131 **ГРИДНЕВ В. П.**
Помогаю фронту: помощь местного населения в битве под Курском. Часть 1

A LINEA

- 140 РУКАВИШНИКОВ Д. С.**
Компетентностный метод формирования проектной и интеграционной команд при реализации сделки слияния в банковском секторе
- 147 АЮШЕЕВА Д. А.**
Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности
- 154 БОЙКО Е. И.**
Отражение культурной политики в бизнесе на примере Австрии

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10 SERGEI V. KUZNETSOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Strategy of Spatial Development of the Russian Federation and Prospect of Seaside Agglomerations Development
- 19 VIKTOR P. KIRILENKO, GEORGY V. ALEKSEEV**
E-democracy and Humanistic Principles
- 32 ALEXANDER I. KUGAY**
Muscles of the Dragon: Modern Geopolitical Doctrine of China
- 41 IRINA S. ALEKHINA**
Legislation on the Status of Parliamentarians of CIS Countries: Prospects for Improvement
- 50 NADEZHDA A. BUTAKOVA**
The Collision of Ships at Sea: Problems of Responsibility and Jurisdiction

POWER AND ECONOMY

- 54 MARIA Ya. KOKSHAROVA, DMITRY V. KRUGLOV, VLADIMIR A. PLOTNIKOV**
Problems of Regulation of Regional Labor Markets in Russia
- 67 EVGENIA Yu. KOLOBOVA**
Development of the Russian Media Market and Digital Divide
- 79 KIRILL V. ERMISHOV, MARIA N. KONYAGINA**
Modern Approaches to the Innovative Projects Effectiveness Evaluation in the Field of Utilization of Gas Emissions from Petrochemical Plants
- 91 MAKSIM V. RUKINOV**
Anti-Russian Sanctions: Structure and Strategies of Counter-Action

SOCIETY AND REFORMS

- 102 LYUDMILA N. LIPATOVA, VALENTINA N. GRADUSOVA**
Main Trends and Problems of Human Development in Russia in the Post-Soviet Period
- 114 NGUYEN DINH TAN, NGUYEN CANH TOAN, DANG ANH TUYET**
The Push-Pull Factors in the Study of the Ethnic Minority's Migration of Vietnam

HISTORY AND CULTURE

- 121 ALEKSANDROV V. B.**
Slavery as a Form of Human Life (Vision of Antique Authors in the Light of the Ideas of the Russian Philosophers)
- 131 VALERY P. GRIDNEV**
Helping the Front: Help of the Local Population in the Battle of Kursk. Part 1

A LINEA

- 140** **DMITRIY S. RUKAVISHNIKOV**
Competence Method of Forming Project and Integration Teams
in the Implementation of a Merger Transaction
in the Banking Sector
- 147** **DARIMA A. AYUSHEEVA**
Participation of Youth in Protest Actions in Modern Russia
as Way of Self-identity
- 154** **EKATERINA I. BOIKO**
Reflection of Cultural Policy in Business on the Example
of Austria

От главного редактора

23-й Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ-2019) — знаковое событие, имеющее прямое отношение не только к политической, но и академической жизни России. Не самый благоприятный ситуационный фон, проблемы правоохранительной системы и банковского регулирования отвлекли внимание от событий, произошедших на форуме. Давайте вспомним, что ПМЭФ-2019 собрал почти 19 тыс. гостей из 145 стран мира. Самыми большими делегациями стали китайская (что не удивительно) и американская, что обращает на себя внимание. Обсуждались актуальные вопросы глобальной, российской и региональной (Северо-Западной) повестки дня.

В пленарном заседании ПМЭФ участвовали глава КНР Си Цзиньпин, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, главы Болгарии, Словакии и Армении. Конечно же, открывал это заседание Президент Российской Федерации Владимир Путин. Это не была «мюнхенская речь», журналистская метафора некорректна. Ключевой обсуждаемый вопрос — мировая экономика.

По сути, Президент России поставил вопрос о перспективах глобальной экономики с позиций «теории экономики развития», которая не советует нам ориентироваться на количественный рост, а предлагает учитывать качество экономического развития и роста. «Существующая модель экономических отношений находится в кризисе. Этот кризис носит глобальный характер»¹. В. В. Путин указал на проблемы модели, основанной на абсолютизации «западной либеральной традиции». Эта уверенность сформировалась к середине XIX в. и после Второй мировой войны, к 60–70-м гг. прошлого века, достигла какой-то мессианской силы. «Европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и вероятно оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе — в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формами»². Мучительное прощание с этими идеями в присутствии китайской делегации — один из смыслов прошедшего форума.

¹ Речь Президента Владимира Путина на пленарном заседании ПМЭФ-2019.

² Western state-making and theories of political transformation // The formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. Princeton: Princeton univ. press, 1975. P. 637.

На форуме заключено рекордное количество сделок — 650 соглашений на сумму 3,1 трлн руб. Однако рекорд не выглядит убедительным в контексте 2013 г. (9 трлн 600 млрд руб.). Впрочем, измерение внешнеполитических решений исключительно через экономический контекст — ошибка и с позиций теории, и с точки зрения практики.

Конечно же, не каждое соглашение и сделка дойдут до стадии реализации, о чем не забыли написать журналисты. Но укажу на то, что даже далеко не каждый редакционный план реализуется и вообще реализуем. Не каждая задуманная статья доходит до читателя. Аналогично и с многомиллионными соглашениями.

Назовем некоторые: ВЭБ, Сбербанк и Газпромбанк договорились о совместном финансировании, причем на сумму около 1,7 млрд долл., проекта группы «Акрон», «Газпромнефть» и «Новатэк» подписали соглашение о создании совместного предприятия по разведке и добыче нефти и газа в Арктике.

МТС подписал с правительством Москвы соглашение о развитии 5G на сумму более 20 млрд руб. Газпромбанк и «Дом.РФ» договорились выпустить ипотечные облигации на сумму до 350 млрд руб. в 2020–2021 гг.

На форуме прозвучал ряд значимых политических заявлений и экономических оценок. Председатель Счетной палаты Алексей Кудрин спрогнозировал рост российской экономики на 1%, в отличие от прогноза в 1,3% — так считают в Правительстве России. Разумеется, основной спор касался не «0,3%», а механизмов роста, а точнее, причин его торможения.

Большой политический и медийный эффект произвело заявление главы «Роснефти» Игоря Сечина. По его мнению, США с помощью санкций получили контроль над компанией «Русал» Олега Дерипаски и, соответственно, над алюминиевой промышленностью России.

Меньше внимания привлекло важное заявление губернатора Пермского края Максима Решетникова. Он считает, что реальные доходы бюджетов регионов России с 2012 г. выросли на 5%, при том, что федеральный бюджет вырос на 77%. О проблемах бюджетного федерализма и финансов местного самоуправления мы в изданиях РАНХиГС писали неоднократно, однако на таком высоком административном уровне вопрос давно не поднимался.

Всех, от бюджетников до энергетиков, порадовало заявление главы Минэнерго Александра Новака. Министр отметил, что Россия и Саудовская Аравия договорились координировать действия на рынке энергоносителей.

Петербургский международный экономический форум становится не только крупнее, но и интереснее. Россия убедительно демонстрирует свой международный престиж и статус. Риторика коллективного Запада о том, что экономика России изолирована и «порвана», не убеждает даже сам «Запад».

Большое внимание на ПЭМФ уделялось проблемам образования, хотя это было не так замечено журналистами.

Очень выгодно, позитивно выглядел российский Северо-Запад, с положительной динамикой в промышленности, достойным ростом сельского хозяйства, мощными инфраструктурными проектами. Проекты Санкт-Петербурга, Ленинградской области пользовались заслуженным вниманием российского и международного бизнеса.

Научное и экспертное осмысление итогов ПМЭФ-2019 будет одной из задач российского академического сообщества на ближайшее время.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы развития приморских агломераций*

Кузнецов С. В.¹, Межевич Н. М.², Шамахов В. А.^{3, *}

¹Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Эффективность пространственного развития представляет собой сложную теоретическую задачу, при этом на практике «на месте» эта проблема приобретает междисциплинарный характер. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р, создает определенные предпосылки для использования эффекта агломерирования для задач регионального развития. Санкт-Петербургская и Калининградская агломерации представляют интереснейший объект исследования, а их сравнительный анализ никогда не проводился ранее. В статье сделана попытка сформулировать некоторые теоретические и практические подходы к данной проблеме.

Ключевые слова: пространственное развитие, агломерация, приморское положение, транспортная инфраструктура, экономический рост, Калининградская область, Ленинградская область, Санкт-Петербург

Strategy of Spatial Development of the Russian Federation and Prospect of Seaside Agglomerations Development

Sergei V. Kuznetsov^a, Nikolay M. Mezhevich^b, Vladimir A. Shamakhov^{c, *}

^aInstitute of Regional Economic Problems of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

^bSt. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

^cRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; shamakhov-va@ranepa.ru

ABSTRACT

The efficiency of spatial development represents a difficult theoretical task, at the same time in practice “on the place” this problem gains cross-disciplinary character. The strategy of spatial development of the Russian Federation until 2025 which was approved by the order of the Government of the Russian Federation on February 13, 2019 N 207-r. and creates certain prerequisites for use of effect of agglomeration for problems of regional development. The St. Petersburg and Kaliningrad agglomerations represent the most interesting object of a research, and their comparative analysis was never carried out earlier. In the article the attempt to formulate some theoretical and practical approaches to this problem is made.

Keywords: spatial development, agglomeration, seaside situation, transport infrastructure, economic growth, Kaliningrad region, Leningrad Region, St. Petersburg

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-05-00083 «Приморский фактор» конкурентного потенциала российского региона-эксклава: стратегии и механизмы реализации в условиях геополитической и геоэкономической турбулентности».

Проблемы пространственного развития приоритетны для средних и крупных государств мира. Анализу этих проблем адресовано значительное количество отечественных и зарубежных исследований, авторы которых не только описывают региональные различия, но и объясняют их на основе различных теорий и концепций. Проблема в том, что большинство этих теорий были актуальны в условиях индустриального общества и в настоящее время они не могут быть в полной мере использованы. Эпоха индустриального развития закончилась, а на современном этапе постиндустриального развития нужны новые подходы к пространственному развитию. Традиционная форма пространственной организации общества — город — оценивается по-новому. К примеру, с позиций «умный город, цифровой город». Относится это и к России.

Пространственные различия в обеспеченности ресурсами и уровне экономического развития, качестве жизни населения характерны практически для всех государств и, особенно, для России, являющейся самой крупной страной в мире и отличающейся в силу этого уникальными природными и значительными социально-экономическими диспропорциями в территориальном плане. Объективный характер территориальных различий, необходимость воздействия на них с целью достижения общественно значимых целей достаточно давно изучается экономико-географами и экономистами. Исследование процессов агломерирования неотделимо от анализа факторов формирования и развития систем расселения, уклада экономики. Важен уровень развития транспорта, связи. Особо следует отметить роль исторических предпосылок в процессах формирования агломерации, степень укорененности главного города агломерации в окружающем социальном ландшафте. Расселенческие структуры, создаваемые под влиянием какого-либо градообразующего фактора и не имеющие вековых корней, как правило, не долговечны и быстро угасают в кризисный период или с исчерпанием градообразующего ресурса.

Пространственное развитие общества и государства не может быть равномерным. Последние несколько тысяч лет человеческой цивилизации показали, что город и система городов (к примеру, афинские полисы) являются центрами экономической жизни, обеспечивающими эффективное развитие. При этом по мере исторического развития все чаще ставится задача сбалансировать экономический прорыв одних территорий помощью аутсайдерам. Для этого государства ведут активную пространственную политику, в том числе используя возможности городов и агломерационный эффект. Дилемма «эффективность или равенство», известная как минимум 90 лет, продолжает оставаться ограничителем любых форм оптимизации пространственного развития.

В современной экономической географии сложилось немало подходов к определению явления агломерации. Общим для всех подходов является то, что агломерация представляется как некая общность территорий с явно выраженным ядром или несколькими ядрами (конурбации), а также некой прилегающей территорией (корона — города и поселения-спутники). Объединяют эту территорию активные экономические, трудовые и социальные связи, транспортная инфраструктура, трудовая, социально-бытовая, рекреационная миграции. Так формируется система расселения, являющаяся частью любой агломерации. «Система расселения понимается как пространственная организация группы населенных мест различной величины и народнохозяйственного профиля в природно-ландшафтной среде, основанная на постоянно возрастающем их взаимодействии, разнообразных связях населения, совместном комплексном использовании межгородских территорий и общности планировочной структуры» [9, с. 11].

В данной статье под городской агломерацией подразумеваются компактные скопления территориально сосредоточенных городов и других населенных мест, которые в процессе своего роста сближаются (иногда срастаются), и между которыми уси-

ливаются многообразные хозяйственные, трудовые и культурно-бытовые взаимосвязи. В состав агломерации, как правило, входит одно или несколько ядер, окруженных периферией, представленной городами-спутниками, тяготеющими к ядру. Городская агломерация является естественным результатом городского развития и несет в себе определенные экономические последствия. Так, повышается конкурентоспособность экономики, создается приток ресурсов для ее развития, возникает возможность выхода агломерации на мировой уровень и, как следствие, агломерация становится ключевым экономическим, транспортным, финансовым центром. Таким образом, все города, входящие в данную агломерацию, могут получать экономическую прибыль, которую не могли бы получить поодиночке¹.

Исследования новой роли городов, процессов агломерирования широко ведутся в мире, Европе и, в том числе, у наших соседей в Балтийском регионе. По прогнозам ООН, доля городского населения с 55% в текущем году увеличится до 63% к 2030 г. Это увеличение будет обеспечено по большей части за счет крупных городов с численностью населения 500 тыс. человек и более. В таких странах, как США, Канада, Бразилия уровень урбанизации достигает 80%, а, например, в Бельгии и Японии — 90%. Что касается Российской Федерации, то с 2010 г. численность населения в городских агломерациях увеличилась почти на пять миллионов человек. При доле населения 55% города генерируют более 80% мирового ВВП. При этом на 600 городов приходится более 50% вклада в мировой ВВП². Беглый взгляд на эти города свидетельствует о том, что абсолютное большинство из них относятся к приморским и обладают признаками агломерации. Развитие экономики и социальной сферы, обеспечение эффективности пространственного развития тесно связаны с проблемами городов. Понимание этого характерно и для современной России.

Россия вступила в новый этап развития, связанный со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., которая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Важно отметить, что Стратегия разработана в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Учтены все положения Указа Президента России от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Методологическая база документа основана на предложениях о совершенствовании системы расселения на территории России и приоритетных направлениях размещения производительных сил, утвержденных постановлением Правительства от 20 августа 2015 г. № 870.

Новая «Стратегия» имеет прямое отношение к проблематике российских агломераций, являющейся предметом данной статьи. Документ открывается разделом «Концентрация экономического роста в ограниченном числе центров, рост социально-экономической роли городов». Программным тезисом «Стратегии» можно считать следующую: «Общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации. В Российской Федерации сформировалось около 40 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций, в большинстве из

¹ Подробнее: [5].

² Журнал «Бюджет» о том, как развиваются агломерации в стране, о методах их управления, а также о законодательном регулировании со ссылкой на разработки ИЭГ и комментарием генерального директора А.С. Пузанова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbaneeconomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/zhurnal-byudzheta-o-tom-kak-razvivayutsya-aglomeracii-v-strane-o>

которых численность населения с начала 2000-х годов устойчиво возрастает и в настоящее время превысила 73 млн человек»¹.

В настоящее время формируется государственная поддержка развития на территории России новых регионов и новых агломераций. Важный вопрос: каковы будут их очертания? Новым условием является изменение экономического пространства современной России. В начале XXI в. оно подвержено значительным внешним и внутренним трансформациям и инверсиям, что, впрочем, характерно для разных макрорегионов мира и крупнейших государств — Канады, Китая, США, Бразилии, Австралии, ЕС, Индии и т. д., не говоря уже о менее крупных из них.

За последние 25 лет социально-экономические показатели жизни в России качественно изменились. Как минимум полтора десятилетия прошли под знаком адаптации общества к новым условиям. Экономика не просто разрушалась, она деградировала. «Справедливости ради нужно отметить, что деградация экономики — это тоже качественное изменение экономики, возможность которого нужно учитывать. <...> Деградация в таком случае становится завершающей стадией развития — той стадией, на которой прежняя структура прекращает существование и уступает место для новой структуры, не обязательно лучшей объективно, но соответствующей новым условиям развития региона» [1, с. 21]. Эти новые условия не означают абсолютной победы урбанизма как образа жизни и модели организации экономики. Боязнь прийти к России 25 городов действительно есть. «Дихотомия „центр — провинция“ на протяжении вот уже нескольких веков российской истории воспроизводит расщепленный тип общественного развития: с одной стороны, модернизирующий центр, с другой — противостоящий ему мир провинции, подвергающийся модернизации». Как обеспечить модернизацию? Развивать города — считают авторы Стратегии» [10, с. 24]. Подобный путь тоже критикуем, однако лучшего варианта предложить не смог никто, даже критики «Стратегии».

Мы исходим из того, что необходимый для эффективной экономической деятельности размер пространства определяется характером и масштабом территориального разделения труда. Пространство уже не выступает в качестве только пассивной формы развития производства, в настоящее время оно оказывает активное влияние на характер, масштабы и пропорции развития экономики, на специфические особенности хозяйственной деятельности людей, заселяющих отдельные части территории. Произошедшая переориентация части экономических связей регионов страны на внешнеэкономические является дополнительным фактором уменьшения межрегиональной торговли, а это меняет характер территориального разделения труда, в результате чего пространство претерпевает своего рода «сжатие» внутри страны. Чем меньше необходимый для экономической деятельности размер пространства, тем медленнее реализуется экономическое развитие страны, т. е. замедляются темпы экономического роста. С другой стороны, внешние связи втягивают в экономическое пространство страны-территории «под чужим флагом». Под этот «флаг» может уходить и развитие агломераций, как это произошло с Гонконгом.

Сказанное имеет прямое отношение к Санкт-Петербургской и Калининградской агломерациям. В РФ одной из главных целей Стратегии пространственного развития является создание единого экономического пространства внутри страны и организация внешних коридоров развития. Это подразумевает создание развитой и сбалансированной транспортной сети, однако следует учитывать региональную специфику. Развитие агломерации и транспортной инфраструктуры является ключевым фактором и в стратегии социально-экономического развития Северо-Западного

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/>

региона. С помощью реконструкции существующих и корректировки проектируемых транспортных путей и оптимизации рамок стратегирования возможен выход СЗФО на новый уровень в системе глобализированных мирохозяйственных связей [6].

Внешние трансформации связаны, в первую очередь, с активной интеграцией ее отдельных пространств и регионов в мировое глобализированное пространство. Они во многом обусловлены геоэкономическим фактором, который стал движущей силой в новой архитектуре мирового глобализированного пространства. Одной из основных характеристик экономико-географического положения является его изменчивость как во времени, так и в пространстве. Экономико-географическое положение (ЭГП) объекта не может быть одинаковым на различных этапах развития как самого объекта, так и его окружения. Не сложно заметить, что ЭГП Санкт-Петербурга и Ленинградской области сильно и волнообразно изменялось за период с 1913 по 1991 г. и продолжает меняться. К 1913 г. порт Санкт-Петербурга и прилегающая инфраструктура пришли в упадок. При этом динамично развивались порты Риги и Ревеля. Примерно с 1924 г. Ленинградский порт реконструируется, задействованы возможности Кронштадта. В 1930-е гг. возникает проект Усть-Лужского порта, впрочем, реализован он будет только через 80 лет. Изменение границ СССР привело к свертыванию проектов в РСФСР и мощным вложениям в инфраструктуру советских Эстонии и Латвии. В 1992 г. опять выяснилось, что транзитно-транспортная инфраструктура Санкт-Петербургского порта недофинансирована, и ЭГП города опять нуждается в реконструкции. С 1997 г. началось проектирование и строительство адекватной потребностям российской торговли инфраструктуры. Город и область вернули утраченный еще в петровские времена статус «окна в Европу».

Однако для Калининградской области эта задача после 1991 г. оказалась нереализуемой. Область стала эксклавом, соответственно эффективность развития ее агломерации предполагает переоценку экономико-географического положения. Это предпосылка, без которой исследование агломераций всего Северо-Запада не эффективно. Местонахождение — важнейшая качественная характеристика конкретного пространства. Удачное местонахождение, облегчающее интенсивное использование его человеком, повышает ценность данного пространства. В виде примера можно сослаться на то, что участки на границе между сушей и морем, как правило, ценнее, чем внутриконтинентальные, так как они более интересны, прежде всего, для транспортного использования.

Вышесказанное объясняет стремление любой страны (разумеется, имеющей для этого достаточную мощь) продвинуться к морскому побережью. Не была исключением из этого правила и Россия, осуществлявшая в течение столетий движение к морю. Интенсивное использование пространства (сухопутного и морского) вдоль бывшего советского побережья Балтики и Черного моря всеми видами транспорта может наглядно продемонстрировать хозяйственную ценность этого региона [2, с. 6–7].

Для Северо-Западного региона существует ряд особенностей, определивших развитие его инфраструктуры. Во-первых, как уже отмечалось, это резкий контраст субъектов, входящих в Северо-Западный федеральный округ (СЗФО). Это касается различных географических, социальных, экономических параметров, что влияет и на разный уровень инфраструктурного развития.

Северо-Западный федеральный округ включает в себя две агломерации: Санкт-Петербургскую и Калининградскую. СЗФО является репрезентативной территорией для изучения процессов трансформации экономического пространства и агломерирования. Отличительной особенностью данного макрорегиона является ключевое значение Санкт-Петербурга как экономического, культурного и политического центра данного макрорегиона. Особенностью Петербурга является его возникновение, связанное с четкими управленческими решениями, главная цель которых — налаживание экономических и культурных связей с Западной Европой.

Ключевой позицией, определяющей сходство модели развития Санкт-Петербургской и Калининградской агломераций, является их приморское географическое положение. В том и в другом случае выход к морю является стратегическим ресурсом, решающим развитие транспортной инфраструктуры, ориентированным на работу в «Большой Евразии» [11].

Общие в масштабах Северо-Запада России цели реализуются в различных условиях, и прежде всего это относится к строительству портовых сооружений. Независимо от масштаба планов российских железнодорожных, автомобильных и судоводных компаний, только Санкт-Петербургская агломерация является полноценным «окном в Европу». Проблемой для российских логистов, транспортников, экономистов является осознание текущей и перспективной внешнеполитической ситуации. Польша и, тем более, Литва не заинтересованы в любых формах развития путей на Калининград [7].

Развитие Санкт-Петербургской и Калининградской городских агломераций не может рассматриваться с позиций теоретического единства и, тем более, существующих практик. Огромное количество экономических и географических различий «лежит на поверхности», эффект масштаба и эксклавное положение усугубляет дифференциацию и делает совместный анализ практически невозможным.

Столь очевидные различия заставляют нас обратить внимание на общее в развитии. Единство предпосылок развития связано с идентичными задачами в экономической и политической сфере. Вместе с тем развитие приморских регионов не может не давать значимый стимул для формирования каркаса инфраструктурного развития. Так же, как Санкт-Петербург, Калининград, благодаря своему местоположению и особому статусу, является одним из основных центров внешней торговли. Однако при этом можно отметить слабую развитость горизонтальных связей с соседними внутренними периферийными территориями, они имеют слабые экономические и социальные связи. Развитие Санкт-Петербургской и Калининградской городских агломераций зависит от безопасных, эффективных, удобных и экономичных транспортно-логистических услуг. Интеграция транспортной инфраструктуры и строительств единой логистической системы не только могут значительно улучшить способность координировать развитие городских агломераций, но и стимулировать внутреннее потребление и защитить экономический рост.

Несмотря на большое количество элементов, формирующих агломерацию, таких, как природно-экологический каркас, инженерная инфраструктура, культурно-историческое развитие и пр., в общей структуре развития городской агломерации ключевое значение имеет транспортная сеть, соединяющая разрозненные города в единую систему. Требуется провести оценку влияния Санкт-Петербурга и Калининграда на прилегающие к ним города, это необходимо для определения их социально-экономической взаимосвязи, а также выявления агломерационных поясов с помощью анализа транспортной инфраструктуры. Ввиду того, что транспортный каркас представляет собой одну из ключевых составляющих агломераций, «отдаление на 60 км от центра Санкт-Петербурга соответствует изохроне двухчасовой транспортной доступности до центра города, которую обычно определяют как границу агломерации. Обычно эту изохрону проводят примерно в 120–130 км от центра города, руководствуясь средней скоростью движения автомобиля по дороге с твердым покрытием. Но в этом случае исключаются дорожные пробки и остановки в пути следования при движении на автомобиле, ожидание транспорта и переходы между остановками при перемещении на общественном транспорте» [4, с. 34]. В этом случае территория Калининградской области практически равна территории агломерации, чего, разумеется, нельзя сказать о Санкт-Петербургской агломерации. С нашей точки зрения, последняя охватывает не более 20% площади Ленинградской области, т.е. 15–17 тыс. км².

Система расселения Калининградской области носит однополярный характер, т.е. в западной части области, на территории Калининградской агломерации, занимающей более четверти территории области, сосредоточено 70% жителей региона. Плотность населения здесь 262 чел. на км² [3, с. 130]. Для Санкт-Петербургской агломерации, конечно же, характерны иные показатели. Численность населения Санкт-Петербургской агломерации составляет примерно 6,1 млн человек, плотность населения не может быть адекватно посчитана, так как с востока эти показатели от эффективной субурбии к «сибирским» параметрам переходят в интервале 40–50 км.

Санкт-Петербургская агломерация, вторая по величине в России и самая крупная севернее Лондона, является одним из наиболее ярких и одновременно специфических примеров российских процессов урбанизации. Ввиду особенностей исторических событий, ее экономическое развитие также тяжело поддается сравнению с другими городами России. Санкт-Петербургская агломерация является мощным ядром притяжения для всего СЗФО, производя около 45% ВРП и занимая первое место в региональной структуре инвестиций в основной капитал (около 35%) [8, с. 66]. Доля Калининградской области меньше почти в пять раз, но иного варианта не может быть для эксклавного региона. «Калининградская агломерация является полюсом сосредоточения хозяйства и населения области. Она концентрирует 88% всех хозяйствующих объектов области и обеспечивает 89% производства промышленной продукции области» [3, с. 126]. В масштабах СЗФО Калининградская агломерация, тем не менее, напоминает Санкт-Петербургскую своей несбалансированностью и смещением центра на северо-запад.

Исследование пространственного развития Санкт-Петербургской и Калининградской агломераций, взаимосвязи и взаимозависимости их частей позволяют определить ключевые характеристики их пространственной структуры, направление развития агломерации. В случае с Санкт-Петербургской и, в меньшей степени, Калининградской агломерациями, одним из наиболее эффективных способов решения проблемы сбалансированного взаимодействия города и области является рост социально-экономической самостоятельности городов-спутников без разрыва связей с ядром.

Подведем итоги:

1. Изучение приморских агломераций следует вести сопряженно. В этом случае более рельефно выглядит как совокупность общих черт, так и значимые различия.
2. Санкт-Петербургская и, в меньшей степени, Калининградская агломерации — это сопряжение экономических и политических задач.
3. Стабильность — цель развития всех регионов, однако для приморских регионов, находящихся на стратегических направлениях, рядом с враждебными соседями, качество развития становится параметром национальной безопасности.
4. Существует ряд направлений, предполагающих совместное развитие двух агломераций. Речь идет о налаживании высокоэффективного скоростного круглогодичного морского сообщения между регионами, развитии транзита, производственной кооперации.
5. Санкт-Петербург и Калининград располагают мощным потенциалом вузовской, академической, отраслевой науки. Очевидно, что пришло время для более глубокой интеграции исследований развития агломераций как в теоретической, так и в практической сферах.

Литература

1. Агафонов Н.Т., Исляев Р.А., Литовка О.П. Государственная стратегия регионального развития России: смена парадигмы территориальной организации общества. СПб., 1998.

2. *Актуальные проблемы коммуникаций России с внешним миром в свете геополитических изменений в постсоветском пространстве.* М. : ИМЭМО РАН, 1996.
3. *Белова А. В.* Роль малых и полусредних городов в решении проблем регионального развития // Балтийский регион. 2011. № 1. С. 126–133.
4. *Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е.* Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 19–40.
5. *Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Лачининский С. С.* Пространственные возможности и ограничения модернизации российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3. С. 25–38.
6. *Межевич Н. М.* Региональное внешнеэкономическое сотрудничество: проблемы и тенденции развития // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 2–3. С. 9–20.
7. *Межевич Н. М., Тарасов И. Н.* Геополитический потенциал развития российского региона-эксклава: поиск ключевой стратегии и механизмов ее реализации в новых условиях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 95–103.
8. *Михайлюк М. А.* Исследование влияния транспортной инфраструктуры на маятниковую миграцию (на примере Санкт-Петербургской агломерации) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 1. С. 66–79.
9. *Смоляр И. М.* Формирование системы группового расселения и совершенствование окружающей среды // Градостроительство и окружающая среда. Киев, 1973.
10. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 19–27.
11. *Шамахов В. А.* Геоэкономическая стратегия развития СЗФО в контексте проекта «Большая Евразия» // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник ИНИОН РАН. 2018. С. 451–452.

Об авторах:

Кузнецов Сергей Валентинович, директор Института проблем региональной экономики Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; info@iresras.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Agafonov N.T., Islyaev R.A., Litovka O.P. State strategy of regional development of Russia: paradigm shift of the territorial organization of society. SPb., 1998. (In rus)
2. Current problems of communications of Russia with the outside world in the light of geopolitical changes in the former Soviet Union. M. : IMEMO RAS, 1996. (In rus)
3. Belova A.V. The role of small and semi-medium-sized towns in solving the problems of regional development // Baltic region [Baltiiskii region]. 2011. N 1. P. 126–133. (In rus)
4. Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E. Geodemographic features of a residential suburb of St. Petersburg // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10, N 3. P. 19–40. (In rus)
5. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Lachininsky S.S. Spatial opportunities and restrictions of modernization of the Russian economy: example of the Northwest macroregion // Economy of region [Ekonomika regiona]. 2015. N 3. P. 25–38. (In rus)
6. Mezhevich N.M. Regional external economic cooperation: problems and trends of development // Northwest Economy: problems and prospects of development [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2016. N 2-3. P. 9–20. (In rus)
7. Mezhevich N.M., Tarasov I.N. Geopolitical potential of development of the Russian region exclave: search of key strategy and mechanisms of its realization in new conditions // Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant. Series: Humanitarian and social sciences [Vestnik

- Baltiiskogo federal'nogo universiteta im.I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2019. N 1. P. 95–103. (In rus)
8. Mikhaylyuk M. A. A research of influence of transport infrastructure on pendular migration (on the example of the St. Petersburg agglomeration) // Northwest Economy: problems and prospects of development [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2017. N 1. P. 66–79. (In rus)
 9. Smolyar I. M. Formation of a system of group resettlement and improvement of the environment // Town planning and environment. Kiev, 1973. (In rus)
 10. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. The strategy of spatial development of the Russian Federation until 2025: economic opportunities and administrative restrictions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 4. P. 19–27. (In rus)
 11. Shamakhov V. A. The geoeconomic strategy of development for the Northwestern Federal District in the context of the Big Eurasia project // Big Eurasia: Development, safety, cooperation. Year-book Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 2018. P. 451–452. (In rus)

About the authors:

Sergei V. Kuznetsov, Director of Institute of Regional Economic Problems of Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; info@iresras.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@ranepa.ru

Электронная демократия и гуманистические принципы

Кириленко В. П. *, Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Имплементация цифровых технологий в работу политико-правовых институтов современного общества оказывает комплексное воздействие на систему традиционных социальных ценностей. Несмотря на очевидность угроз, исходящих от обезличения труда и конкуренции между человеком и искусственным интеллектом за рабочие места, технический прогресс в современном мире не имеет рациональных альтернатив. Исследование методами дискурсивного и метатеоретического анализа политико-правовых вопросов развития электронной демократии преследует своей целью разработку предложений по государственному регулированию участия институтов гражданского общества в политической жизни современного правового государства. Очевидно, что цифровые технологии, с одной стороны, способствуют дегуманизации политического общения, с другой стороны, они делают процедуры прямой демократии более доступными. Последствием экономии времени и средств в процессе проведения электронного голосования может стать снижение уровня доверия между политическим классом и рядовыми членами общества, которые подвержены маргинализации в условиях цифрового разрыва. Гуманистические принципы требуют от публичной власти защиты интересов личности в процессе взаимодействия с социальными институтами, такими как профсоюзы и профессиональные ассоциации, поскольку цифровое неравенство выражается в системной экономической дискриминации прекариата. Гуманизм при представительной демократии защищен действенными правовыми гарантиями и должен оставаться концептуальным принципом для политических решений, принятых демократическим путем.

Ключевые слова: либерализм, свобода, государство, права человека, гуманизм, равноправие

E-democracy and Humanistic Principles

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

The implementation of digital technologies in to the political and legal institutions of modern society has a complex effect on the system of traditional social values. Despite the obvious threats posed by the depersonalization of labor and the competition between man and artificial intelligence for workplaces, technical progress in the modern world has no rational alternatives. The study of political and legal issues of e-democracy development by methods of discursive and meta-theoretical analysis aims to develop proposals for state regulation of the participation of civil society institutions in the political life under the rule of law. Obviously, digital technologies, on the one hand, contribute to the dehumanization of political communication, on the other hand, they make direct democracy procedures more accessible. The consequence of saving time and money in the process of conducting electronic voting can be a decrease in the level of trust between the political class and ordinary members of society who are subject to marginalization in the context of the digital divide. Humanistic principles require public authorities to protect the interests of the individual in the process of interaction with civil society institutions such as trade unions and professional associations, since digital inequality is

expressed in the systemic economic discrimination of the precariat. Humanism in a representative democracy requires effective legal guarantees and should remain the main paradigm at the heart of political decisions taken in a democratic way.

Keywords: liberalism, freedom, state, human rights, humanism, equality

Введение

Середина 70-х годов XX в. ознаменовала цифровую революцию, и уже тогда известный японский социолог Енэдзи Масуда (Yoneji Masuda) предвидел, что развитие институтов информационного общества в постиндустриальную эпоху неизбежно [47]. Однако изначально было неясно — какие именно социальные структуры будут предопределять направление устойчивого развития. В поле глобальной политики сформировалась значительная политико-правовая неопределенность вокруг тех целей, во имя которых общество переживает революционную трансформацию форматов общения и меняет способы производства социальных благ. В результате предопределенности потребления — «макдональдизации» [49] всякие проявления выбора (в том числе политического) были поставлены в зависимость от навязанного авторитетом «негуманных технологий» (non-human technologies) набора вариантов. При этом далеко не всегда обеспечиваются разумность и справедливость политических решений, так как существует пропасть между потребностями рядовых членов общества и интересами политического класса, в рамках которого отдельные его представители склонны воспринимать народ не как носитель суверенитета, а как средство достижения собственных политических целей. Превращение народа и закона в социальные артефакты (инструменты) позволяет элитам игнорировать интересы гражданского общества, предлагая в рамках демократических процедур несколько в разной степени неприемлемых и несправедливых альтернатив с предсказуемым результатом голосования.

Исследования глобальных процессов, которые осуществляет западный ученый Джонатан Кейр (Jonathan Keir), показывают парадоксальное противопоставление гуманизма и вельфаризма. С одной стороны, в условиях сильно дифференцированных и все более глобальных рынков труда, следует по общепринятому неолиберальному принципу оставить людей в покое, чтобы они следовали своим собственным представлениям о хорошей жизни при условии, что они проявляют минимум уважения к правопорядку и организациям, где они работают. С другой стороны, если этическая ответственность ограничена «рамками минимального соответствия закону», общество становится беззащитным перед излишествами самых влиятельных его членов и транснациональных корпораций [44, p. 139]. Высока вероятность того, что бизнес-элита и ангажированный ею политический класс под воздействием глобальной конкуренции откажутся от части гуманистических принципов в пользу вельфаризма [43]. При этом альтернативу вельфаризму образует идеология экономического равенства (economic egalitarianism), которая также в значительной степени игнорирует естественные потребности и интересы индивида [28, p. 748].

В постиндустриальном обществе цифровая медиакратия и квантовая политика [17] обуславливают дегуманизацию управления, которая, как метод принятия политических решений, полагается на математические алгоритмы без характерных человеческих эмоций и чувств. Основу механизма дегуманизации составляют цифровые технологии, позволяющие по ряду принципиальных вопросов изолировать политический класс от реальных потребностей прекариата [24], маргинальных групп и других проблемных социальных структур. В результате дегуманизации государственного и корпоративного управления интересы и потребности рядовых членов общества ставятся под контроль технологий искусственного интеллекта, и электрон-

ная демократия в некоторой степени становится частью этого механизма политико-правового регулирования.

Известный французский юрист Жорж Ведель (Georges Vedel) справедливо полагал, что «законность — это качество того, что соответствует закону» (*legalidad es la cualidad de aquello que es conforme a la Ley*) [50, p. 99]. В этом контексте рассмотрение вопроса о соответствии электронной демократии принципу гуманизма носит принципиальный характер в части влияния цифровых технологий на качество демократии и политического выбора. Если исходить из того факта, что для демократии принципиальное значение имеет оппозиция и участие [33], то с одной стороны, цифровое пространство дает оппозиции большие возможности для выражения собственной политической программы и упрощает доступ избирателей к политической дискуссии и голосованию, а, с другой стороны, в результате внедрения сложных информационных технологий возникает эффект цифрового разрыва между политическим классом и электоратом. Медиаобщество, используя современные информационные технологии, формирует политическую повестку дня и создает мифологемы в политическом и правовом сознании не только рядовых граждан, но и институтов власти.

Формально информационные технологии всегда остаются в рамках правового поля, однако качество той социальной реальности, которая актуализируется под воздействием электронной демократии, оценивается при помощи тех же цифровых технологий, что последовательно приводит к деградации человеческого капитала. В то время как кантианские идеи относительно влияния Просвещения (*Aufklärung*) на власть во многом сводятся к тому, «что только объединенная воля людей может сделать власть легитимной» [46, p. 168], авторитет умных машин может оказаться в значительной мере проявлением ригидного тоталитаризма бюрократических алгоритмов, положенных в основу работы государственной власти и искусственных нейронных сетей. Движение навстречу искусственному интеллекту представляется основным трендом технического прогресса, который угрожает самой идее незаменимости человека и ставит под сомнение некоторые фундаментальные аспекты гуманизма.

Рациональность электронной демократии

Американский политолог Джеффри Джонсон (Jeffrey Alan Johnson) последовательно отстаивает идею ограниченности возможностей информационных технологий в развитии общества и характеризует диктатуру как одну из основных угроз демократии, исходящих от цифровых технологий и их разработчиков. Далеко не всякие усилия по созданию электронной демократии обязательно укрепляют либеральную демократическую политику, они также могут быть направлены на легитимацию нелиберальных политических практик посредством использования электронной демократии. Технологии — это не нейтральные по отношению к ценностям артефакты, а социальные практики, в которых ценности и смыслы являются центральными элементами [42, p. 85]. В аксиологическом плане современное информационное общество парадоксально. С одной стороны, в нем индивидуализм продвигается как социальный идеал, и люди поощряются к благосостоянию и эгоизму, а с другой стороны, в политическом и правовом сознании индивидов власть стремится воспитывать патриотизм, сострадание и позитивную политическую ответственность. Однако все больше людей надеются только на себя и покидают традиционные сообщества: общины (*communities*), профсоюзы и общественные движения, разрушаются основы государства [39].

Электронная демократия в практике борьбы за власть отражается в административных решениях и влияет на планы и прогнозы политического развития государства. Математическое моделирование демократии создает впечатление, что по-

литические решения вырабатываются демократическим путем, однако это не совсем так. Например, «построенная динамическая модель показала, что при более высокой продуктивности демократия позволяет выработать более близкий к оптимальному экономический курс, а значит, дает меньше экономических поводов для дестабилизации» [4, с. 106]. В современной политической реальности очевидно, что «повышение уровня жизни увеличивает шансы на выживание» [4, с. 106] не только демократии, но абсолютно любого политического режима, однако экономические успехи и политический режим отражают достижения в разных сферах жизни общества. Представляется не совсем корректным рассматривать демократию как средство достижения благосостояния, в то время как демократические процедуры определяют правила борьбы за власть. Основу демократических процедур составляет актуализация реальных политических настроений граждан и качество конституционного правопорядка, а не экономические успехи при всей их важности.

В то время как демократические идеалы могут иметь национальный колорит, гуманизм универсален. В отличие от политического моделирования демократии правовые гарантии политических прав и свобод практически всегда ограничиваются текстуальным описанием режима и по своей природе не имеют квантовых или дискретных цифровых значений. Декларируемые в международном праве демократические принципы в практиках различных политических систем могут приводить к диаметрально противоположным последствиям. В истории широко известны факты, когда под влиянием общественного мнения формально демократические практики способны приводить к несправедливым и иррациональным решениям.

Демократические решения, основанные на мнении большинства, как правило, не подлежат проверке и, если представить себе автоматизированную систему постановки вопросов на голосование, то результат такой электронной демократии будет во многих случаях иметь неправоподобный характер. Цифровизация также не способствует единообразному пониманию демократии. По авторитетному мнению Президента Института Ближнего Востока Е. Я. Сатановского, «Хантингтон оказался прав, Фукуяма — нет. Война цивилизаций идет полным ходом, а „конца истории“ и окончательной победы либеральной западной демократии нет и не предвидится» [22, с. 15]. В контексте анализа последствий электронной демократии заслуживает внимания и мнение российского специалиста в области международных отношений Д. В. Суслова о том, что «руководимый Соединенными Штатами либеральный международный порядок в его традиционном американском понимании не состоялся» [23, с. 14]. Причина несостоятельности неолиберальных политических режимов состоит в несправедливости значительной части политических решений, многие из которых принимаются демократическим путем [18].

По авторитетному мнению профессора Д. З. Мутагирова, «демократия — это характер общественных отношений, складывающихся в процессе реального участия каждого члена социума, или по меньшей мере большинства, в коллективном решении общих проблем, которые невозможно решать в одиночку» [20, с. 177]. Виртуальность участия избирателей в политическом процессе при электронной демократии может способствовать юридически значимому волеизъявлению того меньшинства, которому доступны цифровые технологии. У политического класса есть возможность навязывать индивидам негуманные технологии, что предопределяет кризис гуманизма. Справедливо мнение Н. А. Красавиной относительно «кризиса гуманизма», который вызван отчужденной экзистенцией, «фиксирующей разочарование философской мысли XX в. в гуманистических идеалах» [14, с. 33]. «Выпадение человеческого существования из его экзистенциальной подлинности» [27, § 76] оказывает влияние на развитие демократии «по пути внедрения электронных делиберативных механизмов управления, которые, в принципе, не противопоставляются существующей системе представительной демо-

кратии, а логично ее дополняют и совершенствуют» [21, с. 331]. В результате демократия становится ориентирована на понимание рациональности, подчиненное не столько потребностям конкретного человека, сколько медиадиалогике, отражающей рейтинги и популярность политических лидеров [17].

Электронная демократия и цифровой разрыв

Развитие политических процессов в виртуальном пространстве связано с угрозами концептуальных ошибок в оценке влияния информационных технологий на традиционные социально-политические институты. С одной стороны, оптимизация процессов государственного управления достигается за счет внедрения наиболее современных технологий в общественную жизнь, с другой стороны, принцип гуманизма требует от нас максимального внимания к влиянию электронной демократии на реализацию прав человека. Справедливо мнение академика С. Ю. Глазьева о том, что «моментом начала информационно-цифровой революции следует считать появление электронно-вычислительных машин, которые без участия человека совершают операции с числами, получая, преобразовывая и передавая информацию. Хотя человек задает им программу и ставит задачи, ЭВМ самостоятельно оперируют с цифрами, генерируя, накапливая и передавая новую информацию» [11, с. 70]. При этом компьютеры как объект гражданско-правовых отношений мало отличаются от счетов и арифмометров, однако современное программное обеспечение машин способно самостоятельно ставить и решать даже творческие задачи, что позволяет искусственному интеллекту, если не претендовать на правосубъектность, то конкурировать с человеком во многих областях общемирового хозяйства.

Цифровые технологии не привели к большей демократизации жизни постиндустриального общества. Британские ученые Джайлс Мосс (Giles Moss) и Стефен Коулман (Stephen Coleman) отмечают, что наряду с отдельными примерами успеха, эксперименты в области электронной демократии «были в целом разочаровывающими, особенно по сравнению с амбициозной риторикой, которая окружала стратегию использования Интернета для поддержки демократии» [48, р. 410]. Доминирование цифровой инфраструктуры определяет тревожную социальную динамику, при которой «деградация человеческого потенциала лишает российское общество возможности даже простого воспроизводства, не говоря уже о способности к устойчивому развитию» [12, с. 591]. Успех проектов электронной демократии, таким образом, возможен только при двух условиях, во-первых, ориентированность на защиту прав человека, и, во-вторых, нацеленность на устойчивое развитие.

Цифровые технологии электронной демократии в различной степени доступны для социальных групп и классов. Проблема цифрового разрыва затрагивает не только доступность информационной инфраструктуры, но и отражает отличия в культурном капитале между политическими и социальными институтами [1]. В результате цифрового неравенства вокруг электронной демократии сформировалось значительное число гипотез и предположений, которые не поддаются верификации на универсальном уровне и принимаются за аксиому в рамках социальных структур с близким по содержанию культурным капиталом. В этом контексте показательно исследование южнокорейских ученых о влиянии Интернета на демократию, которое демонстрирует, что при всем разнообразии глобальной сети читатели газет используют сетевые ресурсы, предпочитая их чтению в «автономном режиме» [37, р. 388]. Американское общество имеет несколько другие привычки, связанные с верой в «основные человеческие свободы» (essential human freedoms), которые Президент США Франклин Рузвельт (Franklin Delano Roosevelt) надеялся привить по всему миру, однако для американцев эти идеалы были тесно связаны с абстрактным понятием «технологический прогресс» [45, р. 8]. Понимание взаимосвязи свободы

и технического процесса в американском обществе можно строить через литературное наследие Ральфа Эллисона (Ralph Waldo Ellison) [45], однако есть все основания сомневаться в рациональности этой логики в масштабах всего мира.

Глобальное информационное общество изначально предполагает неравенство между теми, кто разрабатывает информационные технологии, и теми, кто следует в русле доминирующих технологических корпораций. Пристальное внимание к культурным различиям между народами и социальными группами может сглаживать эффект цифрового неравенства, однако практика электронного правительства идет принципиально иным путем, стремясь внедрить одинаковые административные регламенты и протоколы электронной демократии. Американский ученый Ася Кули (Asya Cooley), утверждая, что «электронная демократия, самый высокий уровень электронного правительства» доказывает, что «хотя Россия и Китай достигли высокого уровня развития электронного правительства, ознаменованного высоким уровнем доступности и интеграции услуг электронного правительства, и не смогли достичь электронной демократии» [32, р. 899]. Однако правительство Китайской Народной Республики не планировало достичь электронной демократии в том смысле, который очевиден для американских ученых. В Китае существует собственная административная парадигма цифровизации общественной жизни.

Решая именно проблему качества современной демократии, российские ученые акцентируют внимание на электронном участии, которое определяется как «комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении, при принятии политических решений» [26, с. 15]. Фактически признается необходимость электронного взаимодействия субъектов и повышения «уровня участия граждан в политике» [6, с. 84], однако такой подход не направлен на улучшение качества жизни населения, гуманизацию административных практик и поиск более справедливых и рациональных политических решений. Профессор В. В. Комарова, анализируя электронную демократию, справедливо отмечает актуальность вопросов организационного и технического обеспечения, а также проблему психологической подготовки граждан к осуществлению народовластия в электронной форме [19, с. 48].

Электронная демократия, равноправие и правовое государство

Исследование влияния цифровых технологий на реализацию правовых гарантий народовластия достаточно сложная задача в методологическом плане. Математические методы измерения демократического участия будут неизбежно приводить к выводу о более широком участии в результате расширения форматов общения политиков с избирателями, однако качество такого участия может оказаться угрожающе низким. Дискурсивный и метатеоретический анализ неизбежно влечет сравнение парадигмы электронной демократии с представлениями об угрозах, порожденных к жизни цифровыми технологиями. В условиях поступательного развития политики в виртуальном пространстве ключевой проблемой является модель политической и правовой коммуникации, которая способна обеспечить безопасность институтов правового государства и гражданского общества на национальном и универсальном уровнях. Моделирование современной демократии имеет политико-правовую форму, поскольку конструкция всякой современной легитимной власти отражена в документах и фактически имеет легально-бюрократическую природу.

Очевидна взаимосвязь электронной демократии со всеми глобальными процессами, где «элементом обеспечения равного, эффективного и прозрачного доступа к информации о правовом статусе является разрешение проблемы „информационного разрыва“, которая наблюдается не только в рамках одного государства, но и в целом

на всем пространстве СНГ. Особенно ярко проблема проявляется в среде мигрантов» [2, с. 106]. Формирование системы общения политического класса с избирателями через особые информационные технологические системы предполагает обеспечение равноправия между всеми элементами этой социально-технической системы. Проектирование гуманитарных технологий, к числу которых относится электронная демократия, основано на различии «гуманных» и «манипулятивных» [10, с. 5] методов взаимодействия человека и технических систем обработки информации. Принципы сложного мышления и «многомерная логика» необходимы для обеспечения гуманистического содержания демократического общения [10]. Если редуцировать демократию к электронному волеизъявлению, то будет не только утрачено социально-психологическое содержание политики, но возникнет угроза технологической диктатуры производной от формата волеизъявления.

Можно согласиться с Я.В. Антоновым в том, что «электронная демократия, как и электронное голосование, берет свое начало в конституционных идеях народовластия и выборности, в частности в идее непосредственного осуществления народом принадлежащей ему власти» [3, с. 101], однако при таком подходе придется условно признать электронные системы частью понятия «народ». Учитывая тот факт, что электронные системы не являются в рамках данного тезиса средством реализации активного избирательного права, информационные технологии могут выступать самостоятельной формой господства. Народовластие здесь превращается в цифровую абстракцию, где технологии положены в основание реализации власти и авторитета.

Расширение понятия «народ» за счет включения в него элементов искусственного интеллекта и «негуманных» технологий рассматривается в том контексте, что «электронная демократия — это новое международное явление и один из возможных способов модернизации традиционной демократической системы» [29, р. 19]. В классической представительной демократии наблюдается «невозможность реализации глобальных международных структур, которые бы заменили национальные правительства и органы управления» [13, с. 32], однако предложенное направление модернизации системы поддержания авторитета власти посредством внедрения электронной демократии способно обеспечивать легитимность глобальных структур власти. Эту политическую логику подтверждает тот факт, что «негативная сторона использования технологий мобильного (политического — В.К., Г.А.) маркетинга заключается в возможности организации „цветных революций“» [5, с. 40]. Отечественные специалисты полагают, что «Россия находится в рамках общемировых трендов, когда безоговорочным лидером медиарынка является телевидение, которое постепенно переходит в Интернет, а прочие виды медиаактивов постепенно теряют свою привлекательность и также смещаются в виртуальную область» [7, с. 88], создавая именно там базис электронной демократии.

Даже если согласиться с тем, что «электронное голосование более эффективно в борьбе не только с подкупом, но и с многими иными видами электоральных махинаций» [25, с. 209], что далеко небесспорно, то этот положительный эффект может нивелироваться за счет снижения активности личного участия избирателей в электоральном процессе при расширении географии электоральных процедур. Фактически влияние электронного голосования оказывает комплексное воздействие на качество демократии, расширяя число избирателей, которые способны принять участие в голосовании, однако снижая при этом активность живого общения по вопросам предвыборной повестки. Проникновение технологий голосования через интернет (Web) неизбежно переносит в виртуальное пространство Сети значительную часть предвыборной агитации, где алгоритмы искусственного интеллекта в определенной мере контролируют общение политического класса и избирателей.

Словенский юрист Боян Бугарич (Bojan Bugarič) справедливо полагает, что «для либеральной демократии крайне важно, чтобы конституционный либерализм поль-

зовался тем же престижем и важностью, что и „электоральная демократия“. Только тогда, когда оба элемента либеральной демократии работают в унисон, мы можем говорить о зрелых и консолидированных либеральных демократиях. Граждане в Центральной и Восточной Европе имеют низкую степень доверия к политике в целом и к политическим партиям в частности, и этим странам необходимо вкладывать больше времени и энергии в преодоление этой тенденции» [31, р. 219]. Создание посредника, наделенного искусственным интеллектом, между политическим классом и избирателями может вызвать обратный эффект в результате того, что волеизъявление народа будет мало понятно всем участникам политического процесса, но будут подчиняться логике искусственного интеллекта.

Логика народовластия при электронной демократии неизбежно подчиняется законам больших данных (big data) [36; 41]. Принципы обработки и использования больших данных структурно противоречат принципам законодательства о защите тайны частной жизни, персональных данных и другой закрытой информации [30]. В условиях глобальных сетей оперирующих большими данными, по точному замечанию американского аналитика Тимоти Харфилда (Timothy D. Harfield), «постгуманизм бросает вызов примату эмпирически-дедуктивного мышления и выступает за восстановление легитимности риторики как способа мышления» [34, р. 264]. Политическому классу будет гораздо сложнее управлять социальными институтами в условиях развитой электронной демократии, так как медиаструктуры будут использовать харизматическое господство в процессе борьбы за власть. При этом потребуются принципиально новые законодательные решения для превращения технологических процессов больших данных в общественную ценность [38; 40; 41].

Европейские ученые Джэнс Хофф (Jens Hoff) и Кристиан Эллинг Шееле (Christian Elling Scheele) отмечают, что «цифровая демократия (digital democracy) фокусируется на том, как конкретные возможности Интернета транслируются в определенные политические и / или административные практики, и как эти практики создаются посредством взаимодействия между дискурсами, участниками и технологиями» [35, р. 241]. Таким образом, очевидно, что стремление редуцировать электронную демократию к процессам машинной обработки данных с избирательных участков отражает крайне узкое понимание взаимосвязи между демократией и цифровыми технологиями. В самом начале XXI в. было широко признано значение «Интернета как нового средства политической коммуникации, способного значительно улучшить качество политической дискуссии» [8, с. 69], однако именно сетевые технологии в политическом плане создали цифровое неравенство, которое выражается в низком уровне информационной культуры и угрожает правовому государству [9].

Гуманистические ценности и демократия взаимосвязанные понятия в том плане, что политический режим призван защищать интересы граждан государства. Политические гарантии плюрализма не дают общественным движениям права злоупотреблять свободой слова, совершая деликты экстремистского характера [15] или дестабилизируя политическую обстановку в конкретном регионе [16]. Равноправие может быть обеспечено в условиях электронной демократии только за счет активного участия институтов гражданского общества в создании политических инициатив и проектов, отвечающих интересам всех слоев населения. Качество демократии в информационном обществе определяется соответствием гуманистическим идеалам тех политических альтернатив, что предлагаются на демократический выбор.

Заключение

Трансформация политического рынка активно задействует средства электронной демократии в процессе производства политических решений, обусловленных всеми цветами политического спектра. Средства электронной демократии не ограничива-

ются электронными технологиями голосования и внедрением электронных делиберативных механизмов управления, так как в политических практиках широко используется цифровое моделирование повестки дня и реакций электората. В современных условиях последствия решений политического класса, легитимированных в процессе плебисцита, как правило, известны заранее, что снижает доверие избирателей к демократии как инструменту социального контроля за деятельностью государственной власти.

Принципиальное значение имеют формы участия населения в институтах цифровой демократии, а также место и качество политической оппозиции в виртуальном пространстве. Поскольку гуманистические принципы запрещают нам использовать человека как средство достижения политической или экономической цели, постольку правовые императивные нормы призваны исключить возможность подмены традиционных идеалов и интересов «негуманными технологиями», которые исключают не только известные человеческие слабости, но и социальную ответственность, человечность и доверие из политических коммуникаций. Гуманизм предполагает оценку качества демократии через востребованность личных качеств политических лидеров и активистов институтов гражданского общества в политической жизни страны.

Принцип гуманизма тесно связан с понятием «народ» в конституционном праве и политических процессах. Представляется, что народовластие возможно только при условии консолидации интересов политического класса и рядовых членов общества, реализующих активное избирательное право. В этом смысле дополнение системы традиционных и тактических медиа технологическими системами электронной демократии, основанными на цифровых технологиях, способно затруднить формирование у народа его суверенной воли и может приводить к созданию виртуальной картины жизни общества в политическом сознании представителей власти. Таким образом, гуманизм требует от нас прямого и непосредственного общения представителей власти с народом в рамках институтов гражданского общества, как в процессе предвыборной агитации, так и в процессе оценки результатов деятельности органов власти.

Литература

1. *Алексеев Г. В.* Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 8–19.
2. *Антонов Я. В.* Концепция системы электронной миграции // Управленческое консультирование. 2018. № 8. С. 106–115.
3. *Антонов Я. В.* Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5 (110). С. 101–113.
4. *Ахременко А. С., Петров А. П., Филиппов И. Б.* Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 87–112.
5. *Байков Е. А., Байкова И. А., Морщагина Н. А.* Актуализация использования инновационных маркетинговых технологий в экономической и политической сферах деятельности современного общества // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 33–43.
6. *Балашов А. Н.* Электронная демократия в России: состояние и особенности развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2 (25). С. 84–91.
7. *Барсуков Д. П., Качук В. Н., Климин А. И.* Медиаэкономика и основные тенденции развития современного телевидения // Петербургский экономический журнал. 2017. № 4. С. 84–93.
8. *Быков И. А.* «Электронная демократия» VS «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1. № 3. С. 69–79.
9. *Быков И. А., Халл Т. Э.* Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.

10. *Галажинский Э. В., Ключко В. Е.* Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией // Психология обучения. 2010. № 12. С. 5–21.
11. *Глазьев С. Ю.* Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70–83.
12. *Глазьев С. Ю., Локосов В. В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
13. *Демидов Д. Г.* Космополитические основания интеграционных процессов современных государств // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2. С. 29–34.
14. *Касавина Н. А.* Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 33–43.
15. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571.
16. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38.
17. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Современная демократия и политические лидеры // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 17–31.
18. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54.
19. *Комарова В. В.* Электронная демократия — мифы и реальность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3. С. 44–52.
20. *Мутагиров Д. З.* Столкновение взглядов на демократию // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 175–188.
21. *Россошанский А. В., Цаплин А. Ю.* Пути развития современных демократий в информационном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 331–336.
22. *Сатановский Е. Я.* Между кризисом и катастрофой // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5. С. 13–23.
23. *Суслов Д. В.* Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 5. С. 13–21.
24. *Тощенко Ж. Т.* Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 25–45.
25. *Чимаров Н. С.* Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской Республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 204–210.
26. *Чугунов А. В.* Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 14–20.
27. *Яннарас Х.* Избранное: Личность и Эрос. М. : РОССПЭН, 2005. 480 с.
28. *Achterberg P., Houtman D., Derks A.* Two of a Kind? An Empirical Investigation of Anti-welfarism and Economic Egalitarianism // The Public Opinion Quarterly 2011. Vol. 75. N 4. P. 748–760.
29. *Antonov Ya. V.* The Role of International Organizations in the Formation of the Legal Framework of E-Democracy // Czech Yearbook of International Law. 2018. P. 19–46.
30. *Boehme-Nebler V.* Privacy: A Matter of Democracy. Why democracy needs privacy and data protection in International Data Privacy Law // International Data Privacy Law 2016. Vol. 6. Is. 3. P. 222–229.
31. *Bugarič B.* A Crisis of Constitutional Democracy in Post-Communist Europe: “Lands in-between” Democracy and Authoritarianism // International Journal of Constitutional Law 2015. Vol. 13. Is. 1. P. 219–245.
32. *Cooley A.* Examining Development of E-Government in Russia and China: A Comparative Approach // International Journal of Public Administration 2018. Vol. 41. Is. 11. P. 899–908.
33. *Dahl R. A.* A Democratic Dilemma: System Effectiveness Versus Citizen Participation // Political Science Quarterly 1994. Vol. 109. Is. 1. P. 23–34.
34. *Harfield T. D.* Exposing Humanism: Prudence, Ingenuity, and the Politics of the Posthuman // Journal of Historical Sociology 2013. Vol. 26. Is. 2. P. 264–288.
35. *Hoff J., Scheele C. E.* Theoretical Approaches to Digital Services and Digital Democracy: The Merits of the Contextual New Medium Theory Model // Policy & Internet 2014. Vol. 6. Is. 3. P. 241–267.

36. *Hollis L.* Weapons of Maths Destruction: How big data increases inequality and threatens democracy. An interview with Cathy O'Neil // *IPPR Progressive Review* 2017. Vol. 24. Is. 2. P. 108–118.
37. *Hong S., Kim N.* Will the Internet Promote Democracy? Search Engines, Concentration of Online News Readership, and E-democracy // *Journal of Information Technology & Politics* 2018. Vol. 15. Is. 4. P. 388–399.
38. *Ingrams A.* Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // *Policy & Internet* 2018.
39. *Isaac J. C.* Liberal Democracy in Question? // *Perspectives on Politics* 2017. Vol. 15. Is. 1. P. 1–5.
40. *Janssen M., Kuk G.* The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Technocratic Governance // *Government Information Quarterly* 2016. Vol. 33. Is. 3. P. 371–377.
41. *Janssen M., Van den Hoven J.* “Big and Open Linked Data (BOLD) in Government: A Challenge to Transparency and Privacy?” // *Government Information Quarterly* 2015. Vol. 32. Is. 4. P. 363–368.
42. *Johnson J. A.* The Illiberal Culture of E-Democracy // *Journal of E-Government* 2007. Vol. 3. Is. 4. P. 85–112.
43. *Kaplow L., Shavell S.* *Fairness versus Welfare.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2002.
44. *Keir J.* Two Hearts Believing in Just One Mind? The Humanistic Management Network and the Global Ethic Project // *Humanistic Management Journal* 2016. Vol. 1. Is. 1. P. 139–147.
45. *Lieberman J. L.* Ralph Ellison's Technological Humanism // *MELUS* 2015. Vol. 40. Is. 4. P. 8–27.
46. *Marey M.* A Political Defence of Kant's Aufklärung: An Essay // *Critical Horizons* 2017. Vol. 18. Is. 2. P. 168–185.
47. *Masuda Y.* *The Information Society as Post-industrial Society.* Institute for the Information Society. Tokyo. 1980.
48. *Moss G., Coleman S.* Deliberative Manoeuvres in the Digital Darkness: eDemocracy Policy in the UK // *The British Journal of Politics & International Relations* 2014. Vol. 16. Is. 3. P. 410–427.
49. *Ritzer G.* *The McDonaldisation of Society.* Pine Forge Press. 1993.
50. *Vedel G.* *Derecho administrativo.* Aguilar, 1980.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

References

1. *Alekseev G. V.* Expansion of scopes of information technologies and information security of the state // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2017. N 5. P. 8–19. (In rus)
2. *Antonov Ya. V.* Concept of a system of electronic migration // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2018. N 8. P. 106–115. (In rus)
3. *Antonov Ya. V.* Electronic democracy and electronic vote: constitutional and legal measurement // *Russian juridical journal [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal]*. 2016. N 5 (110). P. 101–113. (In rus)
4. *Akhremenko A. S., Petrov A. P., Filippov I. B.* Stability and survival of democracies: from Lipset hypothesis to economy productivity // *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of policy) [Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)]*. 2018. N 3 (90). P. 87–112. (In rus)
5. *Baykov E. A., Baykova I. A., Morshchagina N. A.* Updating of use of innovative marketing technologies in economic and political fields of activity of modern society // *St. Petersburg economic journal [Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal]*. 2017. N 3. P. 33–43. (In rus)

6. Balashov A. N. Electronic democracy in Russia: state and features of development // Messenger of the state and municipal administration [Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2017. N 2 (25). P. 84–91. (In rus)
7. Barsukov D. P., Kachuk V. N., Klimin A. I. Mediaeconomy and top trends of development of modern television // St. Petersburg economic journal [Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal]. 2017. N 4. P. 84–93. (In rus)
8. Bykov I. A. "Electronic democracy" VS "electronic government": conceptual opposition? // Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2005. V. 1. N 3. P. 69–79. (In rus)
9. Bykov I. A., Hull T. E. Digital inequality and political preferences of Internet users in Russia // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 5. P. 151–163. (In rus)
10. Galazhinsky E. V., Klochko V. E. High humanitarian technologies in education: between humanity and manipulation // Training Psychology [Psikhologiya obucheniya]. 2010. N 12. P. 5–21. (In rus)
11. Glazyev S. Yu. Information and digital revolution // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. N 1. P. 70–83. (In rus)
12. Glazyev S. Yu., Lokosov V. V. Assessment of extremely critical values of indicators of a condition of the Russian society and their use in management of social and economic development // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2012. V. 82. N 7. P. 587–614. (In rus)
13. Demidov D. G. Cosmopolitan bases of integration processes of the modern states // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2016. N 2. P. 29–34.
14. Kasavina N. A. Social state: between humanity and pragmatism // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2018. N 10. P. 33–43. (In rus)
15. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Current problems of counteraction to crimes of extremist orientation // All-Russian criminological journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2018. V. 12. N 4. P. 561–571. (In rus)
16. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Political technologies and international conflict in information space of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10. N 4. P. 20–38. (In rus)
17. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Modern democracy and political leaders // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 7. P. 17–31. (In rus)
18. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural law and crisis of the liberal law and order // Messenger of the St. Petersburg university. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. N 1. P. 38–54. (In rus)
19. Komarova V. V. Electronic democracy — myths and reality // Scientific notes of the Khujand State University of the academician B. Gafurov. Series of humanitarian and social sciences [Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk]. 2016. N 3. P. 44–52. (In rus)
20. Mutagirov D. Z. Collision of views of democracy // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2013. N 1. P. 175–188. (In rus)
21. Rossoshansky A. V., Tsaplin A. Yu. Ways of development of modern democracies in information society // News of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political sciences [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya]. 2017. V. 17. N 3. P. 331–336. (In rus)
22. Satanovsky E. Ya. Between crisis and accident // Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir]. 2016. N 5. P. 13–23. (In rus)
23. Suslov D. V. Goodbye, former America? // Russia in global policy [Rossiya v global'noi politike]. 2016. V. 14. N 5. P. 13–21. (In rus)
24. Toshchenko Zh. T. The new phenomenon in social structure of society: precariate // Society and economy [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. N 11. P. 25–45. (In rus)
25. Chimarov N. S. Legal standards of new technologies of vote in electoral process of the Republic of Estonia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 5. P. 204–210. (In rus)
26. Chugunov A. V. Electronic participation in a context of transformation of the concept of democracy // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 8. P. 14–20. (In rus)
27. Yannaras Ch. Favourites: Person and Eros. M. : ROSSPEN, 2005. 480 p. (In rus)
28. Achterberg P., Houtman D., Derks A. Two of a Kind? An Empirical Investigation of Anti-welfarism and Economic Egalitarianism // The Public Opinion Quarterly 2011. Vol. 75. N 4. P. 748–760.

29. Antonov Ya. V. The Role of International Organizations in the Formation of the Legal Framework of E-Democracy // *Czech Yearbook of International Law*. 2018. P. 19–46.
30. Boehme-Neßler V. Privacy: A Matter of Democracy. Why democracy needs privacy and data protection in International Data Privacy Law // *International Data Privacy Law* 2016. Vol. 6. Is. 3. P. 222–229.
31. Bugarič B. A Crisis of Constitutional Democracy in Post-Communist Europe: “Lands in-between” Democracy and Authoritarianism // *International Journal of Constitutional Law* 2015. Vol. 13. Is. 1. P. 219–245.
32. Cooley A. Examining Development of E-Government in Russia and China: A Comparative Approach // *International Journal of Public Administration* 2018. Vol. 41. Is. 11. P. 899–908.
33. Dahl R. A. A Democratic Dilemma: System Effectiveness Versus Citizen Participation // *Political Science Quarterly* 1994. Vol. 109. Is. 1. P. 23–34.
34. Harfield T. D. Exposing Humanism: Prudence, Ingenuity, and the Politics of the Posthuman // *Journal of Historical Sociology* 2013. Vol. 26. Is. 2. P. 264–288.
35. Hoff J., Scheele C. E. Theoretical Approaches to Digital Services and Digital Democracy: The Merits of the Contextual New Medium Theory Model // *Policy & Internet* 2014. Vol. 6. Is. 3. P. 241–267.
36. Hollis L. Weapons of Maths Destruction: How big data increases inequality and threatens democracy. An interview with Cathy O’Neil // *IPPR Progressive Review* 2017. Vol. 24. Is. 2. P. 108–118.
37. Hong S., Kim N. Will the Internet Promote Democracy? Search Engines, Concentration of Online News Readership, and E-democracy // *Journal of Information Technology & Politics* 2018. Vol. 15. Is. 4. P. 388–399.
38. Ingrams A. Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // *Policy & Internet* 2018.
39. Isaac J. C. Liberal Democracy in Question? // *Perspectives on Politics* 2017. Vol. 15. Is. 1. P. 1–5.
40. Janssen M., Kuk G. The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Technocratic Governance // *Government Information Quarterly* 2016. Vol. 33. Is. 3. P. 371–377.
41. Janssen M., Van den Hoven J. “Big and Open Linked Data (BOLD) in Government: A Challenge to Transparency and Privacy? // *Government Information Quarterly* 2015. Vol. 32. Is. 4. P. 363–368.
42. Johnson J. A. The Illiberal Culture of E-Democracy // *Journal of E-Government* 2007. Vol. 3. Is. 4. P. 85–112.
43. Kaplow L., Shavell S. *Fairness versus Welfare*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2002.
44. Keir J. Two Hearts Believing in Just One Mind? The Humanistic Management Network and the Global Ethic Project // *Humanistic Management Journal* 2016. Vol. 1. Is. 1. P. 139–147.
45. Lieberman J. L. Ralph Ellison’s Technological Humanism // *MELUS* 2015. Vol. 40. Is. 4. P. 8–27.
46. Marey M. A Political Defence of Kant’s Aufklärung: An Essay // *Critical Horizons* 2017. Vol. 18. Is. 2. P. 168–185.
47. Masuda Y. *The Information Society as Post-industrial Society*. Institute for the Information Society. Tokyo. 1980.
48. Moss G., Coleman S. Deliberative Manoeuvres in the Digital Darkness: eDemocracy Policy in the UK // *The British Journal of Politics & International Relations* 2014. Vol. 16. Is. 3. P. 410–427.
49. Ritzer G. *The McDonaldization of Society*. Pine Forge Press. 1993.
50. Vedel G. *Derecho administrativo*. Aguilar, 1980.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru

Мускулы Дракона: современная геополитическая доктрина Китая

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья, опираясь на известную притчу о бессмертном Драконе — символе китайской нации, обращается к китайской культуре, позволяющей Китаю, сохраняя свой культурно-цивилизационный стержень в течение тысячелетий, при падениях возрождаться, обретая новую энергию и силу на различных этапах исторического развития. Суть идеологии современного Китая — в величии китайской нации, посредством осуществления долгосрочного стратегического проекта «китайская мечта», предусматривающего: создание достойных условий жизни гражданам; развитие творческой инициативы широких народных масс в овладении тенденциями современной эпохи («Выигрывает не тот, кто играет хорошо, а тот, кто играет лучше»), расширение «жизненного пространства» за пределами национальной территории; экспоненциальный рост влияния на окружающий мир через интегральную мощь страны; извлечение мудрости и силы в традиционной культуре; не подстраиваясь под ценности западной цивилизации в соответствии с принципом «ладить со средой, не отождествляясь с нею», распространяя собственную культуру и взгляды по всему миру. Судя по всему, никогда еще Дракон не обладал столь внушающей уважением и трепет мускулатурой, и никогда китайский народ так не гордился своей страной.

Ключевые слова: Китай, символ бессмертного Дракона, культура Китая, геополитика Китая, «Великий шелковый путь», «Великая стена», «Пояс и путь», «Китайская мечта»

Muscles of the Dragon: Modern Geopolitical Doctrine of China

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article, based on the well-known parable of the immortal Dragon — the symbol of the Chinese nation, refers to the Chinese culture, which allows China to preserve its cultural and civilizational core for thousands of years, when falling to revive, gaining new energy and strength at various stages historical development. The essence of the ideology of modern China is in the greatness of the Chinese nation, through the implementation of the long-term strategic project “Chinese dream”, which provides: the creation of decent living conditions for citizens; the development of the creative initiative of the masses in mastering the trends of the modern era (“the Winner is not the one who plays well, but the one who plays better”), the expansion of the “living space” outside the national territory; the exponential growth of influence on the world through the integral power of the country; the extraction of wisdom and power in traditional culture; not adapting to the values of Western civilization in accordance with the principle of “getting along with the environment, not identifying with it”, spreading their own culture and views around the world. Apparently, the Dragon had never possessed such an impressive and awe-inspiring musculature, and the Chinese people had never been so proud of their country.

Keywords: China, the symbol of the immortal Dragon, Chinese culture, Chinese geopolitics, “The Great Silk Road”, “Great Wall”, “Belt and Path”, “Chinese Dream”

Очевидно, вся история Китая может быть воплощена в притче о бессмертном Драконе. Злой коварный Дракон правит неким государством, облагая непосильными налогами его население. Время от времени приходят богатыри, чтобы вызвать деспота на смертный бой. Но всегда побеждает Дракон. Впоследствии выясняется, что на самом деле Дракон стар, изнеможен, и в бою каждый раз побеждает богатырь. Но, войдя во дворец чудовища, окруженный заботой тысяч слуг и любовью сотен прекрасных наложниц, не замечая золотых молний, сверкающих из его багровеющих глаз, не обращая внимания на то, как тело покрывается чешуей и вырастают крылья и он в пылу ярости выдыхает огнем, рыцарь превращается в нового, полного энергии, молодого Дракона.

В либеральной традиции эта древняя легенда трактуется как предупреждение о коварстве власти: как она затягивает и развращает, превращая героев революций в тиранов и авторов новых диктаторских династий.

Но недаром ни одно существо, будь то реальное или мифическое, не пользовалось таким почтением в Поднебесной, как Дракон. Поскольку *Дракон есть символ силы и могущества китайской нации*. Посему сказание выходит о том, как великое множество врагов со всех сторон света, приходивших покорять Поднебесную, плененные древней культурой, роскошью, негой и удивительным гостеприимством китайского народа, утрачивая свою самобытность, обычаи и воинскую доблесть, обращалось в китайцев.

Китай — единственный в своем роде пример непрерывного развития государства-цивилизации на протяжении четырех тысячелетий. Его истоки, этапы становления и развития сокрыты под завесой семи тысячелетий. Китайская, или даосско-конфуцианская цивилизация уникальна. О китайцах ничего не сказано в Библии, нет упоминаний о них в истории строительства Вавилонской башни, о них безмолвствуют египетские фараоны. Однако это цивилизация, давшая человечеству столь возвышенную культуру, оригинальную и устойчивую письменность, бумагу, бумажные деньги, шелковый путь, порох, шелк, фарфор, компас, игральные карты и многое другое.

Китай — родина госслужбы. Правитель в срединном Китае — ученый в области управления, в принятии решений опирающийся на мнение сююзя. Созданная в Китае экзаменационная система замещения чиновничьих должностей эцзэюй просуществовала (с перебоями) 1300 лет: от создания в 605 г. (династия Суй) и до 1905 г. (закат династии Цин). Ее существование было неотъемлемой частью существования сильной централизованной империи. По мнению Бенджамина Элмана, после 1400 и вплоть до отмены в 1905 г. она представляла собой центральный элемент в культурной истории Китая [9]. Показательно, в системе эцзэюй для поступления на госслужбу сдавалось четыре экзамена: по истории Китая, искусству церемониала, искусству рассуждения и стихосложению. И как только в различные периоды китайской истории осуществлялся переход к сдаче экзаменов по предметам, имеющим более практическую направленность, происходило снижение уровня государственного управления. Но главное — вопреки классическим историческим и геополитическим теориям, Китай сохранил и пронес свой культурно-цивилизационный стержень через тысячелетия.

У китайцев отсутствует Бог, как единое верховное существо, управляющее миром, как Личность — персонификация Абсолюта. Единым, всеобщим и безличным признается Небо. Китай располагается между Небом и Землей (Поднебесная, Срединная империя). Мировоззрение китайца китаецентрично. Китайцы смотрят на мир свысока, из Поднебесья, центра мира. Они — не Восток и не Запад, не Юг и не Север, как в нашем понимании, они — Центр.

У китайцев свои особые, не свойственные другим народам законы жизни: закон перемен, закон циклов, закон поколений. Время воспринимается ими не так, как

остальными народами — не в виде прямой линии прогресса, а как наматывающиеся витки повторяющихся циклов. Поэтому, подъемы и упадки в обществе китайцы считают такими же естественными и предопределенными, как суточные циклы восхода и захода солнца, смену четырех фаз луны, годовые циклы смены сезонов и т. д. Это позволяет китайскому обществу жить с оптимизмом, верой в будущее. Как заметил Джон Ф. Кеннеди: «Слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность» [10].

Путь к истине китайцы видят в истории (Конфуций, Сунь-Цзы, Лао-Цзы). Хочешь знать будущее — ищи в прошлом: жест устремлен вперед, но голова повернута назад. История — циркуляция трех стадий: хаос (цвет — синий); преодоление хаоса и малое процветание (цвет — красный); великое единение и гармония (цвет — желтый).

Особую роль в китайской традиции играют числа. В начале появилось число, а затем слово. Китайская нумерология уникальна, числа разделены на три аспекта: величину, номер по порядку следования и чет/нечет. Нуля нет.

«Для китайцев все остальные народы — дикость и окраина (так у них сложилось исторически). Господствующий класс Китая относился и к соседним странам, и к покоренным иноземцам как к варварам, которым империя несет свет культуры. Небесный мандат выдавался императору не затем, чтобы он эксплуатировал весь мир, но чтобы он просвещал человечество»¹. В отношениях с другими народами традиция требует проявлять невозмутимость духа. Их следует не завоевывать, но побеждать своей мудростью, сложностью игры. Мао Цзэдун: «В стратегическом плане — презирать противника, а в тактическом отношении — относиться к нему серьезно» [8]. «Невозмутимость» — первостепенный принцип поведения китайских руководителей во внешней политике.

В библейско-христианской традиции образ победы требует зримой картины поверженного противника. Закон восприятия европейского сознания: триумф, либо поражение. Ногой попирает труп убитого врага римский легионер. С позиции срединно-земельной китайской традиции поражение означает унижить достоинство врага. Для победы достаточно «потери лица» противником. Унижение достоинства врага и есть его поражение. Как говорится, зачастую смелость берет не то, чтобы города, а оставшиеся от них руины. Отсюда, согласно китайской военной стратегии, основы которой изложены в книге Сунь-Цзы «Искусство войны»: «По правилам ведения войны, наилучшее — сохранить государство противника в целостности, на втором месте — сокрушить это государство... Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию не сражаясь... Идеальная победа — подчинение других государств дипломатическими методами, без вступления в военные действия. Поэтому необходимо вести активную дипломатию, разрушать союзы противника и ломать его стратегию... Необходимо собирать информацию о местности и действиях противника, и при этом скрывать свои действия. Любая оплата деятельности шпионов обойдется дешевле, чем содержание армии. Поэтому нельзя жалеть денег на шпионаж и подкуп». Сунь-Цзы неоднократно подчеркивает необходимость дисциплины в войсках и поддержания духа (*ци*). Необходимо создавать ситуации, в которых дух войска крепнет, и избегать таких, где армия теряет волю [7, с. 96].

В системе китайского общества сложилась своеобразная иерархия приоритетов: а) старшие и младшие; б) начальники и подчиненные, в) мудрый правитель; г) воля

¹ Юваль Ной Харари. Sapiens. Краткая история человечества [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.info/book/yuval-noi-harari-sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva> (дата обращения: 12.02.2019).

неба. Эпицентром китайской цивилизации всегда выступает мудрый правитель, Сын Неба, не избираемый, непререкаемый, непогрешимый авторитет (будь то император или генсек ЦК КПК), он же — центр и главный хранитель китайской традиции «Править, заботясь о народе и охраняя его, тогда никто не сможет оказать противодействие... Если вы будете человеколюбивы в управлении, то все чиновники Поднебесной пожелают служить при вашем дворе; землепашцы пожелают возделывать ваши поля, все купцы пожелают торговать на ваших рынках, все путешественники пожелают странствовать по дорогам вашего царства... Мудрый правитель определяет народу различные занятия, чтобы он непременно имел средства для обеспечения родителей и для содержания детей» [6, с. 212–214].

Даосско-конфуцианская цивилизация — морально-этическая система, разработанная Конфуцием еще в пятом веке до нашей эры, основана на принципе человеколюбия, которую образует свод правил ритуального поведения [3]. Поэтому все решения Си Цзиньпина в Китае воспринимаются как сакральный ритуал, который невозможно не выполнить. Китайский тип сознания органично приемлет приоритет государства над личностью, общего над индивидуальным. В то же время знаменитый конфуцианский принцип гласит: «Необходимо, чтобы Сын Неба рассматривал благо Поднебесной как благо собственного дома, для остальных достаточно, если благо собственного дома они будут рассматривать как благо Поднебесной». Это, очевидно, и есть сравнение, подходящее для опознания роли местного самоуправления в китайском обществе. Согласно учению Лао-Цзы, есть принцип, который объединяет приготовление блюда из мелкой рыбешки и управление многомиллионной провинцией. Он выражен глаголом — «не мешать» [5]. Смысл этого выражения заключается в том, что управление большим государством требует такой же тщательности и осторожности, как жарка мелких рыб, когда необходимо следить за огнем, правильно использовать приправы, но в то же время нельзя без конца переворачивать рыбу на сковороде¹.

Через символы китайцам открывается то, чего не способен понять европейский ум. Европейцам, например, совершенно недоступна китайская классическая поэзия. В свою очередь, китайцам недоступен европейский юмор, анекдот. В отличие от «черно-белой» европейской бинарной логики (либо-либо), в китайской логике утверждается, что «черное» станет «белым», а «белое» станет «черным».

Поскольку у китайца нет Бога в душе, ему несвойственно чувство угрызения совести (в его христианском понимании). Если он вас обманет, то — просто обыграет, как в бридж. По крайней мере, так он будет считать. Тело китайца не обожествлено, отсюда, к примеру, большинство экспонатов освеженных тел на выставках известного немецкого художника-анатома Гюнтера Фон Хагенса составлено из трупов китайцев².

Цивилизационная автономия Китая — ядро его геополитической доктрины.

Геополитический потенциал китайской устойчивости — в твердости духа, национальной самобытности, в преемственности, социальной гармонии и справедливости, в почтенном отношении граждан к китайскому государству. Поколения людей появляются и уходят, а китайское государство живет тысячелетиями, вы-

¹ Си Цзиньпин в марте 2013 г. в интервью бразильской газете отметил, что лидер государства должен глубоко понимать сложности ситуации в своей стране и разнообразные потребности народа. Он должен ощущать себя так, как будто «ступает по тонкому льду и у бездны глубокой стоит», управлять обществом так, как будто «жарит мелкую рыбу», не давая себе ни малейшего послабления, не допуская ни малейшей небрежности, должен и днем и ночью помнить о своем служении и трудиться с полной отдачей.

² Патологоанатом от искусства. Шокирующие выставки скульптур Гюнтера фон Хагенса (Gunther von Hagens) [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/210411/14352/> (дата обращения: 12.02.2019).

ступая гарантом преемственности. В отличие от многочисленных идеологических режимов советского типа, разрушенных в 80-х годах прошлого столетия, Китай сохранил верность коммунистическим идеалам, осуществив крупные реформы. Этому способствовало, во-первых, то, что марксизм, как конфуцианство и даосизм, ориентирован на достижение социальной справедливости. Во-вторых, китайский режим избрал «центральный» курс развития, направив его против консервативной оппозиции к изменениям, с одной стороны, и либеральному вызову системе, с другой [12, р. 319–338]. Заметим, в этой связи, очевидно наиболее эффективной идеологией России, наиболее адекватно отвечающей вызовам времени — есть идеология неоконсерватизма, предполагающая сочетание как консервативных, так и либеральных социальных решений и практик [4].

Если лидеры США и других крупных государств мира рассматривают мировую политику как партию на шахматной доске [1], на которой фигуры и пешки образуют геополитический политический потенциал той или иной страны, то Китай воспринимает геополитику как расклад сил Большой Игры за карточным столом истории. Игра в бридж была любимым видом отдыха Дэн Сяопина. Люди, которые хорошо разбираются в различных играх, знают, что бридж на высоком уровне и на подступах к нему является наиболее треплющим нервы занятием, когда-либо придуманным человечеством, — поразительно для игры, предназначенной для отдыха¹. По легенде, статус в политбюро Коммунистической партии Китая не в последнюю очередь определялся успехами за бриджевым столом. В последние годы жизни Дэн Сяопин сохранил себе единственный официальный пост — почетного председателя Всекитайской ассоциации бриджа².

Китайцы не рассматривают геополитику, как остальные школы, с позиции двоичности (дихотомии): суша — море, атлантизм — евразийство, черные — белые (в шахматах), социализм — капитализм и т. д. В китайской картине мира цивилизации делятся по сторонам света: восток, запад, юг, север. Как и в картах — четыре масти. В геополитике китайцы исповедуют троичную систему игры: я сам, союзники (или партнеры), соперник. Китайцы не играют по схеме: один против одного [2, с. 211]. Лучшая иллюстрация — притча об обезьяне, которая наблюдает с вершины холма за тиграми, дерущимися в долине³.

Геополитическая стратегия Китая опирается на философию Великого китайского порядка, сочетающего открытость внешнему миру с защитой китайской культуры от экспансии внешних воздействий. Великий шелковый путь и Великая стена — символы этой геополитики. Если Великий шелковый путь демонстрирует открытость Китая миру, овладение его рынками, то Великая стена является историческим

¹ *George Boehm*. Большой бридж [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bridgeclub.ru/tran/rubinchik/boehm.htm> (дата обращения: 16.04.2019).

² Знаменитые бриджисты [Электронный ресурс]. URL: <http://vanteev.narod.ru/glorybridge.htm> (дата обращения: 16.04.2019).

³ В КНР во время холодной войны была популярна притча: пока два тигра дерутся в долине (СССР и США), умная обезьяна (Китай) сидит на холме и попросту ждет, пока оба тигра ослабят друг друга, после чего обезьяна станет победителем. А вот ее новая версия. 2 октября 2018 г. в интервью агентству Reuters посол КНР в Германии Ши Мингде выразил готовность китайского бизнеса заменить европейские предприятия на российском рынке. «Мы хотим улучшения отношений между Россией и ЕС. Но когда появляются возможности, почему мы не можем ими воспользоваться?». По замечанию Reuters, немецкие промышленники уже предупреждали правительство о том, что китайские предприятия быстро займут места, оставленные в результате ухода с российского рынка европейских компаний. Такой сценарий они видят нежелательным: под ударом окажется около 6 тысяч фирм, многолетней деятельности которых может быть нанесен «непоправимый ущерб» [Электронный ресурс]. Притча о двух тиграх и мудрой обезьяне на новый лад [Электронный ресурс]. URL: <https://sharij.net/2916> (дата обращения: 16.04.2019).

памятником закрытости цивилизации. В этом состоит двойственный вектор китайской геополитики, проявляющий себя по сей день.

«Путь» (выход за пределы) — это: 1) поддержка диаспор («основного экспорта» Китая), создаваемых ими организаций, лоббирующих интересы КНР за рубежом; 2) внедрение в экономику и политику других государств, овладение их рынками; 3) поглощение знаний, посредством направления граждан КНР на обучение, стажировки, международные форумы в различные страны мира.

«Стена» фиксирует границы китайской цивилизации («Земли драконов»), способствуя консолидации единой нации; является принципом, воплощающимся в защите своей финансовой системы от экспансии мировой финансовой олигархии, символизирует сохранность духовно-нравственных ценностей и традиций; защищает своих граждан и каждого китайца в любой стране мира, чьим бы гражданином он ни являлся.

Китайцы сегодня — это крупнейшая группировка мирового этнического бизнеса, образующая, пожалуй, самый эффективный противовес транснациональному финансово-экономическому сообществу. Пекин эффективно развивает Большой Китай, включающий в себя триаду: Китай — Континент, Китай — Остров (Тайвань), Китай — Диаспора¹. По экспертным оценкам, китайская диаспора полностью контролирует экономику Гонконга, Индонезии на 90%, Таиланда на 75%, Малайзии и Филиппин на 60–65%.

Экономика Китайской Народной Республики объемом 13,5 трлн долл. — вторая в мире после США. Китай по-прежнему богатеет невиданными для развитых экономик темпами, несмотря на то, что в условиях развернувшейся торговой войны с США прирост в 2018 г. несколько замедлился до 6,6% с 6,8% годом ранее. В описании Китая основное определение — «крупнейший». Крупнейший экспортер в мире, крупнейший импортер сырья, крупнейший автомобильный рынок. Этот список можно продолжать. Китай располагает самыми крупными золотовалютными резервами в мире (около 3 трлн долл.) и вкладывает их в реальные активы по всему миру. Пекин осуществляет и финансирует множество самых разных проектов по всему миру, к примеру, в Африке — строительные и энергетические, транспортные. Одним из наиболее крупных является строительство железной дороги East Africa Railway Masterplan на востоке Африки, которая соединит несколько восточноафриканских стран². Отсюда вполне оправданным является утверждение Си Цзиньпина о том, что «Китай является прирожденным добрым другом, хорошим братом и славным партнером стран Африки, а китайско-африканское сотрудничество — это классический пример сотрудничества Юг-Юг»³. Показательно заявление президента Бразилии Жаира Болсонару: «Китай ничего не покупает у Бразилии. Он покупает саму Бразилию»⁴.

США для Китая не только конкурент, но и партнер. В отношении США Пекин использует стратегию «поглощения чужой активности», добиваясь бескровной победы методом обволакивания в китайское присутствие с различных сторон, в том числе изнутри. На примере интернет-индустрии видно, что является заблуждением

¹ Китайская мафия: что триада делает в России [Электронный ресурс]. Об этом сообщает Рамблер: URL: https://news.rambler.ru/other/39421937/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 16.04.2019).

² Китай крепко держит Африку [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2016/05/18/dragon-krepko-derzhit-afriku/> (дата обращения: 15.04.2019).

³ Си Цзиньпин принял участие в бизнес-форуме БРИКС и выступил с важной речью [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zewlzdxt/t1581330.htm> (дата обращения: 15.04.2019).

⁴ Смена курса. Какой будет политика Бразилии после избрания Болсонару [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/5736591> (дата обращения: 16.04.2019).

представление о том, что сегодняшний Китай является сугубо «имперским конкурентом» США. В условиях расширения глобального географического рынка интернет-индустрии, учитывая, что поисковая индустрия в Китае в значительной степени поддерживается транснациональным капиталом — и, в частности, капиталом США, очевидна реинтеграция Китая в глобальный экономический рынок [11, с. 591–605]. В США насчитывается более 13 млн китайцев — граждан США, но живущих единой диаспорой. Пекин поощряет и всячески лоббирует расселение китайцев в других странах, встраивание их в политическую и экономическую жизнь, проявляет заботу об их образовании. В политической и военной стратегии китайцев весьма популярен метод просачивания.

Среди ведущих мировых держав современности пока только Китай смог определить долгосрочную стратегию развития до середины XXI в. Ее возвышенное название, сформулированное делегатами XIX съезда Коммунистической партии Китая (18–24 октября 2017 г.) — «китайская мечта».

Съезд констатировал наступления конца эпохи Дэн Сяопина на мировой арене — «сокрытия своих возможностей и пребывания в стороне», невмешательства в международные дела, не имеющих прямого отношения к Китаю. Современный Китай намерен использовать в международной политике подход, характеризующийся как «сильный, но не жесткий». Китай в ближайшие десятилетия не будет стесняться предлагать «китайскую мудрость и китайский подход к решению проблем, стоящих перед человечеством».

Китай намерен добиться этого посредством инициативного продвижения своего флагманского международного проекта развития — «Пояса и Пути», призванного интегрировать страны «сообщества единой судьбы». Конечная цель проекта — превращение Евразии в экономический и стратегический регион, который сможет не только противостоять евроатлантическому региону и соперничать с ним, но и превзойти его. «В отличие от Вашингтона, который хотел бы видеть мир XXI в. однополярным (во главе с США), но многополярной — Азию; Пекин видит многополярный мир с однополярной китаецентричной Азией» [2, с. 209].

В выступлениях на церемонии открытия ежегодного Азиатского экономического форума в Боао (10 апр. 2018 г.) Си Цзиньпин подтвердил приверженность Китайской Народной Республики новому выбору. Отметив, что сегодняшний мир является открытым и волну экономической глобализации уже нельзя остановить, лидер КНР обратил внимание на необходимость овладения тенденциями развития эпохи. «Течение истории грандиозно, плывущий по нему процветает, плывущий против него гибнет. Сегодняшний свет представляет собой свет мирного сотрудничества, свет открытого обращения, свет радикальных перемен и инноваций. Необходимо твердо придерживаться своего собственного пути. Любой путь слепого копирования модели развития другой страны не может быть успешным. Его реализация зависит от интенсивности продолжающегося углубления реформ, от процесса осуществления модернизации социализма с китайской спецификой»¹.

В условиях развернувшейся «холодной войны» по принципиальным вопросам, связанным с внутренней и внешней политикой России, Китай выступил на ее стороне. При этом он занял такую позицию с заметным энтузиазмом, поскольку геополитический потенциал России позволяет ей, сохраняя суверенитет, принимать на себя удары США — главного противника Китая на международной арене. Выбор за нами. Сыграем убедительно в противоборстве с Западом — Китай признает нас

¹ Китайский опыт и исторические откровения политики реформ и открытости [Электронный ресурс] // Пекинский центр исследований идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. URL: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201807/t20180731_366227.shtml (дата обращения: 15.04.2019).

равным братом. Пойдем на уступки, расплатимся суверенитетом — потеряем лицо, значит — окажемся на обочине китайских интересов.

Таким образом, суть идеологии современного Китая — в величии китайской нации, посредством осуществления долгосрочного стратегического проекта «китайская мечта», предусматривающего: создание достойных условий жизни гражданам; развитие творческой инициативы широких народных масс в овладении тенденциями современной эпохи («Выигрывает не тот, кто играет хорошо, а тот, кто играет лучше»), расширение «жизненного пространства» за пределами национальной территории; экспоненциальный рост влияния на окружающий мир через интегральную мощь страны; извлечение мудрости и силы в традиционной культуре; не подстраиваясь под ценности западной цивилизации в соответствии с принципом «ладить со средой, не отождествляясь с нею», распространяя собственную культуру и взгляды по всему миру.

Очевидно, ни один китайский лидер за последние два десятилетия не играл столь видной роли «под небесами». И судя по всему, *никогда еще Дракон не обладал столь внушающей уважение и страх мускулатурой, и никогда китайский народ так не гордился своей страной.*

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1998.
2. Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015.
3. Конфуций. Суждения и беседы. М. : Рипол-классик, 2017.
4. Кугай А. И. Неоконсерватизм как идеология существования и развития России в XXI веке // Материалы Второй международной научно-практической конференции по вопросам государственного управления и общественного развития «Горчаковские чтения» (28 февраля 2017 г.) : в 2-х т. Т. 2 / под ред. А. И. Балашова. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2017. С. 110–117.
5. Лао-Цзы. Книга о пути жизни. Постигание гармонии. Сер.: Власть: искусство править миром. М. : АСТ, 2018.
6. Мудрецы Поднебесной. Мэн-Цзы, XIV–XIII вв. до н. э. Симферополь, 1998.
7. Сунь-Цзы. Искусство войны. Основы китайской военной стратегии. СПб. : Диля, 2016.
8. Цитаты Мао Цзэдуна. Пекин : Правительство Китайской Народной Республики, 1967.
9. Elman B. A. A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. 2000:xxiii.
10. Speeches by President Kennedy at United Negro College Fund fundraiser, Indianapolis, Indiana, 12 April 1959, and Valley Forge Country Club, Valley Forge, Pennsylvania, 29 October 1960.
11. Shin Joung Yeo. Geopolitics of search: Google versus China? // Media, Culture & Society. 2016, Vol. 38 (4) 2016. P. 591–605.
12. Yan Sun. Ideology and the Demise or Maintenance of Soviet-type Regimes Perspectives on the Chinese Case // Communist and Post-Communist. Vol. 28, N 3. University of California. Printed in Great Britain, 1995. P. 319–338.

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; Kugay3@yandex.ru

References

1. Brzezinski Z. Great chessboard. M. : International relations, 1998. (In rus)
2. Ivashov L. G. Geopolitics of the Russian civilization /ex. edition of O. A. Platonov. M. : Institute of the Russian civilization, 2015. (In rus)
3. Confucius. Judgments and conversations. M. : Ripol-classic, 2017. 360 p. (In rus)

4. Kygay A.I. Neoconservatism as ideology of existence and development of Russia in the XXI century // Materials of the Second international scientific and practical conference on questions of public administration and social development "Gorchakovskiy readings" (on February 28, 2017): in 2 vol. V. 2 / under the editorship of. A.I. Balashov. SPb. : NWIM of RANEPa, 2017. P. 110–117. (In rus)
5. Lao-Zi. The book about a life. Comprehension of harmony. Series: Power: art to run the world. M. : AST, 2018. (In rus)
6. Wise men of Celestial Empire. Mencius, the 14-13th centuries BC. Simferopol, 1998. (In rus)
7. Sun Tzu. The Art of Wa. Bases of the Chinese military strategy. SPb. : Dilya, 2016. 96 p. (In rus)
8. Mao Zedong quotes. Beijing: Government of People's Republic of China, 1967. (In rus)
9. *Elman B. A.* A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. 2000:xxiii.
10. Speeches by President Kennedy at United Negro College Fund fundraiser, Indianapolis, Indiana, 12 April 1959, and Valley Forge Country Club, Valley Forge, Pennsylvania, 29 October 1960.
11. *Shin Joung Yeo.* Geopolitics of search: Google versus China? // *Media, Culture & Society.* 2016. Vol. 38 (4) 2016. P. 591–605.
12. *Yan Sun.* Ideology and the Demise or Maintenance of Soviet-type Regimes Perspectives on the Chinese Case // *Communist and Post-Communist.* Vol. 28, N 3. University of California. Printed in Great Britain, 1995. P. 319–338.

About the author:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor Kugay3@yandex.ru

Законодательство о статусе парламентариев государств — участников СНГ: перспективы совершенствования

Алёхина И. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; i.s.alehina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Автором предпринята попытка исследовать регламентацию посредством конституционных норм статуса парламентария в государствах — участниках Содружества Независимых Государств.

В работе соотнесены понятия «депутат» и «парламентарий», присущие различным конституционным системам. Проведено исследование свойств «свободного», «императивного», «партийного», «профессионального» мандатов парламентария (депутата); основания досрочного прекращения полномочий парламентария. Предложена оптимальная, по мнению автора, модель документа, устанавливающего основы правового статуса парламентария (депутата Парламента (палаты Парламента), члена палаты Парламента) государства — участника СНГ.

Ключевые слова: парламентарий, депутат, член Парламента (палаты Парламента), статус парламентария (депутата), парламентский (депутатский) мандат, несовместимость парламентского (депутатского) мандата, индемнитет, парламентский иммунитет / неприкосновенность, свободный мандат, императивный мандат, партийный мандат, профессиональный мандат, отзыв парламентария (депутата)

Legislation on the Status of Parliamentarians of CIS Countries: Prospects for Improvement

Irina S. Alekhina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; i.s.alehina@yandex.ru

ABSTRACT

The author has attempted to investigate the regulation through constitutional norms of the status of a parliamentarian in member states of the Commonwealth of Independent States.

In this paper, the concepts of “deputy” and “parliamentarian” are inherent in various constitutional systems. The study of the properties of “free”, “imperative”, “party”, “professional” mandates of parliamentarians (deputies); grounds for early termination of parliamentary powers. An optimal, in the author’s opinion, model of a document establishing the foundations of the legal status of a member of the CIS member state (Member of Parliament (chamber of parliament), member of chamber of parliament) is proposed.

Keywords: parliamentarian, MP, Member of Parliament (Chambers of Parliament), the status of a parliamentarian (deputy), parliamentary (deputy) mandate, incompatibility of parliamentary (deputy) mandate, indemnity, parliamentary immunity/immunity, free mandate, imperative mandate, party mandate; professional mandate, recall of the parliamentarian (deputy)

Правовой статус парламентария (депутата Парламента (палаты Парламента), члена палаты Парламента) связан с его особой деятельностью и определяется выполняемой функцией представительства народа, регламентированной соответствующими специальными нормами, наделяющими парламентария кругом обязанностей, которые он должен выполнять в период осуществления своих полномочий, и накладыва-

вающими на него определенный уровень ответственности, который на сегодняшний день не регламентирован ни международными правовыми актами, ни международными стандартами.

Правовой статус парламентария, элементы конституционно-правового статуса, включая политико-правовую природу депутатского мандата, правовое положение депутата, взаимосвязь правового статуса депутата и депутатского мандата, классификацию депутатских мандатов анализировали в своих трудах как в советское, так и в современное время, ученые-конституционалисты: К. А. Абдукадыров [1], С. А. Авакьян [2], М. В. Баглай [3; 4], В. А. Туманов [4], А. А. Безуглов [5], О. Н. Булаков [18], М. В. Варлен [6], Н. В. Витрук [7], Л. Б. Ескина [14], А. В. Фомичев [14], А. В. Зиновьев [8; 9; 10; 11], А. Т. Карасев [12; 13], О. О. Миронов [15], Н. А. Нудненко [16; 17], а также другие авторы. Можно согласиться с А. Т. Карасевым, что «в теории конституционного права, тем не менее, нет единого мнения относительно структуры конституционно-правового статуса депутата, содержательного наполнения его элементов» [15, с. 21].

Следует также отметить, что в отношении названия и определения содержания терминов «депутат» и «парламентарий» в доктрине не существует единого мнения. Большинство авторов употребляют термин «депутат», в то время как некоторые авторы, например О. Н. Булаков [18, с. 542], употребляют термин «парламентарий». Согласно словарю: парламентарий [нем. *Parlamentarier*] — член парламента¹, депутат (лат. *deputatus* — посланный) — лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган государственной власти или местного самоуправления². Не исследуя в данной работе проблематику соотношения указанных понятий, кратко отметим, что основы, определяющие название данного термина, лежат в политико-правовой природе мандата и, прежде всего, в представительной природе мандата.

Представительная природа депутатского мандата, прежде всего, находит отражение в порядке его получения, а затем в его отношениях с избирателями. Порядок получения депутатского мандата неразрывно связан с избирательной системой, под которой следует понимать условия признания кандидата избранным, списков кандидатов — допущенными к распределению мандатов с соблюдением принципа прямого избирательного права, что применяется при формировании однопалатного парламента. В зависимости от примененной избирательной системы депутат более самостоятелен в принятии решений, если он избран как независимый депутат (мандат определяется как «свободный»), и менее самостоятелен, если при избрании он связан наказами избирателей и предусмотрена возможность отзыва (мандат определяется как «императивный»), а также если он избран от политической партии (мандат определяется как «партийный мандат»). Партийный мандат может быть обременен обязательством вступления в партийные фракции и голосованием согласно партийной дисциплине, а также утратой мандата при прекращении членства в политической партии или прекращении деятельности политической партии.

В государствах с двухпалатным Парламентом формирование парламента происходит по смешанной системе: определена избирательная система, по которой избираются депутаты одной из палат Парламента, при этом часть мандатов или все мандаты другой палаты Парламента могут быть получены путем проведения косвенных выборов, делегированием либо наделением полномочиями иным способом, как правило, с учетом территориального представительства. В этом случае можно отметить определенную зависимость члена Парламента от органа или лица, возложившего на него эти полномочия.

¹ Большой юридический словарь. М., 1997. С. 416.

² Большой юридический словарь. С. 151.

В государствах — участниках СНГ регламентация статуса парламентария осуществляется прежде всего посредством норм конституций государств, устанавливающих представительную природу мандата. Например, «право представлять народ» — ст. 4 Конституции Азербайджанской Республики, «власть в Республике Армения принадлежит народу» — ст. 2 Конституции Республики Армения, «единственным источником государственной власти является народ» — ст. 3 Конституции Республики Казахстан, «при исполнении мандата депутаты находятся на службе у народа» — ст. 68 Конституции Республики Молдова, «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» — ст. 3 Конституции Российской Федерации.

В некоторых государствах конституционными нормами определена избирательная система, по которой избираются депутаты Парламента (палаты Парламента), а также определены основы избрания, делегирования либо наделения полномочиями члена палаты Парламента, возрастной ценз, профессиональный мандат, определены срок полномочий, а также основания досрочного прекращения полномочий.

Например, в Республике Азербайджан депутаты Милли Меджлиса Азербайджанской Республики (однопалатного парламента) избираются на основе мажоритарной избирательной системы (согласно ст. 83 Конституции Азербайджанской Республики).

В государствах с двухпалатным парламентом определены основы формирования палат — обычно избрание депутатов одной палаты и наделение полномочиями члена палаты Парламента. Например, согласно ст. 91 Конституции Республики Беларусь «Совет Республики является палатой территориального представительства. От каждой области и города Минска тайным голосованием избираются на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и города Минска по восемь членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются Президентом Республики Беларусь». Согласно ч. 2 ст. 50 и ч. 2 ст. 51 Конституции Республики Казахстан «Сенат образуют депутаты, представляющие в порядке, установленном конституционным законом, по два человека от каждой области, города республиканского значения и столицы Республики Казахстан. Пятнадцать депутатов Сената назначаются Президентом Республики с учетом необходимости обеспечения представительства в Сенате национально-культурных и иных значимых интересов общества». «Избрание депутатов Сената осуществляется на основе косвенного избирательного права при тайном голосовании». Согласно ч. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации «В Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации — по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации — представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно ст. 77 Республики Узбекистан «Сенат Олий Мажлиса Республики Узбекистан является палатой территориального представительства и состоит из членов Сената (сенаторов).

Проанализировав конституции и законодательство государств — участников СНГ о статусе депутата и члена палаты Парламента, можно отметить, что не во всех конституциях употребляется термин «депутат» (в частности в государствах с двухпалатными парламентами)¹, различна правовая природа мандата, что обусловлено

¹ В России Парламент — Федеральное Собрание — является двухпалатным и состоит из Государственной Думы и Федерального Собрания. Интересным фактом является то, что 12.12.1993, одновременно с референдумом, на котором была принята действующая Конституция РФ, были проведены выборы депутатов Государственной Думы и депутатов Совета Федерации, при этом

прежде всего условиями получения мандата. В связи с этим предлагается использовать различные термины: парламентарий, депутат (депутат Парламента (палаты Парламента)), член палаты Парламента, более точно отражающие политико-правовой статус.

Представляется, что можно использовать дефиниции предлагаемых терминов.

Парламентарий — депутат Парламента (палаты Парламента), член палаты Парламента — представитель народа, избранный на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; гражданин, наделенный полномочиями в соответствии с конституцией, национальными конституционными законами, законами, уполномоченный осуществлять в Парламенте (палате Парламента) законодательные и иные полномочия, предусмотренные конституцией, национальными конституционными законами, законами.

Депутат (депутат Парламента (палаты Парламента)).

Вариант 1: представитель народа, избранный в соответствии с конституцией, национальными конституционными законами, законами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, уполномоченный осуществлять в Парламенте (палате Парламента) государства законодательные и иные полномочия, предусмотренные конституцией, национальными конституционными законами, законами, которыми может быть определено место должности депутата в системе государственных должностей как высшей политической должности государства.

Вариант 2: представитель народа, избранный в соответствии с конституцией, национальными конституционными законами, законами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, уполномоченный осуществлять в Парламенте (палате Парламента) государства законодательные и иные полномочия, предусмотренные конституцией, национальными конституционными законами, законами.

Вариант 3: свободно избранный народом представитель, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, уполномоченный осуществлять законодательную власть в Парламенте, представлять своих избирателей в государственных органах, осуществлять иные полномочия, предусмотренные конституцией, национальными конституционными законами, законами.

Член палаты Парламента — гражданин, в соответствии с конституцией, национальными конституционными законами, законами делегированный / наделенный полномочиями осуществлять законодательные и иные полномочия в Парламенте.

Анализируя регламентацию «свободного мандата», «императивного мандата», «партийного мандата» в конституциях государств — участников СНГ, можно отметить, что конституционными нормами отдельных стран Содружества депутат не обременен императивным мандатом (ст. 94 Конституции Республики Армения, ст. 73 Конституции Кыргызской Республики), «Всякий императивный мандат недействителен» (согласно ст. 68 Конституции Республики Молдова), в то время как в Республике Беларусь конституционно предусмотрен отзыв депутата (согласно ст. 72 Конституции Республики Беларусь). В ст. 52 Конституции Республики Казахстан установлено, что «Депутат Мажилиса Парламента лишается своего мандата при: выходе или исключении депутата из политической партии... прекращении

в тексте конституции установлено иное наименование — член Совета Федерации. (См. Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» (утратил силу). Положение о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 1993 г. (утв. Указом Президента РФ «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 11 октября 1993 г. № 1626) (утратил силу)).

деятельности политической партии, от которой <...> депутат избран». Согласно ст. 73 Конституции Кыргызской Республики «Полномочия депутата Жогорку Кенеша... прекращаются досрочно в случаях: подачи им письменного заявления о сложении депутатских полномочий или выходе из фракции».

Круг субъективных прав и юридических обязанностей парламентариев широк и различен. Это связано не только с использованием различных юридических формулировок для установления политико-правового статуса парламентария, характеризующего представительную природу мандата, но и с предоставлением дополнительных гарантий его неприкосновенности, ограничением членства в Парламенте, установлением основных прав и предоставлением гарантий парламентария при исполнении своих обязанностей, началом и прекращением полномочий, а также привлечением к конституционно-правовой ответственности.

В конституциях всех государств-участников СНГ определены основы неприкосновенности парламентария, а также основы несовместимости депутатского мандата.

В конституциях отдельных государств определены основы индемнитета; основания досрочного прекращения полномочий депутата, а также орган, на который возлагается подготовка вопросов, связанных с применением к депутатам мер взыскания, а также прекращением полномочий депутатов и лишением их полномочий и депутатской неприкосновенности.

Например, согласно ст. 91 Конституции Азербайджанской Республики депутаты Милли Меджлиса Азербайджанской Республики не могут привлекаться к ответственности за деятельность, голосование и высказывания в Милли Меджлисе Азербайджанской Республики. Согласно ст. 102 Конституции Республики Беларусь «Депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики пользуются неприкосновенностью при выражении своих мнений и осуществлении своих полномочий». Согласно ст. 72 Конституции Республики Кыргызия «Депутат Жогорку Кенеша не может подвергаться преследованиям за высказываемые им в связи с депутатской деятельностью суждения или за результаты голосования в Жогорку Кенеше». Согласно ст. 71 Конституции Республики Молдова «Депутат не может быть подвергнут преследованию или привлечен к юридической ответственности за голосование или за взгляды, выраженные при исполнении мандата.»

Согласно ст. 89 Конституции Азербайджанской Республики депутат Парламента лишается мандата при грубом нарушении установленных законом правил этического поведения для депутата; при нарушении части III ст. 93, согласно которой право голосования депутаты Милли Меджлиса Азербайджанской Республики осуществляют лично. Согласно ст. 98 конституции Республики Армения «Полномочия депутата прекращаются в случаях неуважительного отсутствия как минимум на половине голосований в течение каждого календарного полугодия».

Согласно ст. 52 Конституции Республики Казахстан «Депутат Мажилиса Парламента лишается своего мандата при: выходе или исключении депутата из политической партии, от которой в соответствии с конституционным законом он избран; прекращении деятельности политической партии, от которой в соответствии с конституционным законом депутат избран. <...> Подготовка вопросов, связанных с применением к депутатам мер взыскания <...> а также прекращением полномочий депутатов и лишением их полномочий и депутатской неприкосновенности, возлагается на Центральную избирательную комиссию Республики Казахстан». Согласно ст. 73 Конституции Кыргызской Республики «полномочия депутата прекращаются досрочно в случаях: ... выхода из фракции; ...выезда на постоянное жительство за пределы Кыргызской Республики; ...отсутствия на заседаниях Жогорку Кенеша без уважительных причин 30 и более рабочих дней в течение одной сессии». Согласно ст. 49 Конституции Республики Таджикистан «Полномочия члена Маджлиси милли

и депутата Маджлиси намояндагон прекращаются досрочно в случае ...выезда на постоянное место жительства за пределы Республики...».

Возможность работы парламентариев на профессиональной основе установлены конституциями Республики Армения (ст. 65), Республики Беларусь (ст. 92), Российской Федерации (ст. 97), Республики Узбекистан (ст. 88).

Регламентация статуса парламентария осуществляется также посредством норм национальных законов, в том числе конституционных. Например, «должность депутата Жогорку Кенеша является высшей политической государственной должностью законодательной власти Кыргызской Республики» — Закон Кыргызской Республики «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

С целью поддержания стабильности статуса и независимости парламентариев конституциями государств — участников СНГ, национальными законами, в том числе конституционными должны быть установлены юридические условия, предусматривающие особую правовую защищенность (депутатский иммунитет, депутатский индемнитет), а также гарантии деятельности парламентария, обеспечивающие свободное и независимое осуществление представительства интересов населения в законодательном органе государства (защита прав и свобод, чести и достоинства), обеспечение материально-финансовых условий для осуществления полномочий, гарантии, предоставляемые по истечении полномочий, в том числе в случае роспуска Парламента. Одновременно с этим устанавливается конституционно-правовая ответственность в отношении парламентария, а также ответственность за нарушение прав парламентария.

Рекомендации по совершенствованию законодательства о статусе депутатов парламентов государств — участников СНГ/Рекомендации по совершенствованию законодательства о статусе парламентариев государств — участников СНГ, в которых будут обобщены научные взгляды на данную проблематику, национальный опыт регламентации правового статуса парламентариев в странах Содружества, а также различные законодательные механизмы, гарантирующие возможность реализации ими своих полномочий, могли бы существенно облегчить законодателям выбор наиболее приемлемых моделей.

В рекомендациях будут определены права, обязанности и ответственность парламентариев, предусмотрены основные правовые и социальные гарантии при осуществлении ими своих полномочий, раскрыто содержание следующих терминов: Парламент, парламентарий, депутат Парламента (палаты Парламента), член палаты Парламента, статус парламентария, депутатский мандат, парламентский мандат, несовместимость депутатского/парламентского мандата, индемнитет, парламентский иммунитет/неприкосновенность парламентария, свободный и императивный мандат, партийный мандат, отзыв депутата, законодательная инициатива, депутатский запрос, обращение депутата, фракция, группа депутатов (депутатская группа, депутатское объединение). С целью предоставить возможность использования законодателями стран Содружества наиболее приемлемых моделей, определяющих правовой статус парламентария, в рекомендациях можно предложить вариативность, что позволит создавать гибкие модели, предоставляющие большие возможности для их имплементации в национальное законодательство.

Например, в рекомендациях возможно использование терминов и их определений.

Статус парламентария.

Вариант 1: совокупность прав и обязанностей, гарантий и ограничений, а также юридическая ответственность, связанные с осуществлением принадлежащих ему полномочий.

Вариант 2: совокупность регулируемых конституцией, национальными законами, законами отношений, связанных с условиями и гарантиями деятельности парламентария, реализацией полномочий и его ответственностью.

Вариант 3: совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере осуществления депутатом своих полномочий, определяющих вопросы гарантирования деятельности депутатов, их подотчетность и ответственность.

Депутатский мандат.

Вариант 1: документ, удостоверяющий права и полномочия депутата.

Вариант 2: документ, удостоверяющий законность и объем полномочий депутата, а также публичная функция, которая возлагается на депутата парламента и содержание которой (характер мандата) определяется конституцией, национальными конституционными законами, законами.

Вариант 3: документ, подтверждающий полученный от избирателей правовой статус для реализации суверенной воли народа, посредством определения юридического отношения представительства в законодательном (представительном) органе государственной власти и наделяющий депутата установленным конституцией, национальными конституционными законами, законами кругом прав и обязанностей, а также определяющий его гарантии и ответственность.

Парламентский мандат.

Вариант 1: документ, удостоверяющий права и полномочия парламентария.

Вариант 2: документ, удостоверяющий законность и объем полномочий парламентария, а также публичная функция, которая возлагается на парламентария и содержание которой (характер мандата) определяется конституцией, национальными конституционными законами, законами.

Мандат свободный — депутатский мандат, согласно которому депутат не связан наказами избирателей и не ответственен перед ними в своей деятельности, отсутствует возможность досрочного отзыва избирателями.

Мандат партийный — депутатский мандат, согласно которому депутат в случае избрания по партийным спискам от избирательного объединения, партии или блока может быть ограничен правилами партийной дисциплины и запретом на выход из фракции.

Мандат императивный — парламентский мандат, согласно которому парламентарий считается юридически ответственным перед избирателями, связан наказами избирателей; может быть предусмотрена возможность досрочного отзыва.

Реализация в рекомендациях по совершенствованию законодательства о статусе парламентариев государств — участников СНГ предлагаемых положений, устанавливающих стандарты правового статуса парламентария и определяющих полномочия, гарантии и ответственность, будет способствовать сближению и гармонизации законодательства государств — участников СНГ, усилению ответственности парламентариев в их работе, а также исключению возможности их дискредитации.

Литература

1. *Абдукадыров К. А.* Депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики : монография. Бишкек : КГЮА. 2009.
2. *Авакьян С. А.* Конституционное право России. М. : Норма: ИНФРА-М, 2014.
3. *Баглай М. В., Туманов В. А.* Малая энциклопедия конституционного права. М. : БЕК, 1998.
4. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. М. : Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997.
5. *Безуглов А. А.* Теоретические проблемы правового статуса советского депутата : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.
6. *Варлен М. В.* Институт депутатского мандата в теории и практике народного представительства в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
7. *Витрук Н. В.* Структура правового статуса депутата: Вопросы теории // Закон о статусе депутатов на практике : материалы научно-практической конференции. Ярославль, 1976.

8. *Зиновьев А. В.* Депутатский запрос // Правоведение. 1985. № 1. С. 12–17.
9. *Зиновьев А. В.* Императивный характер депутатского мандата // Правоведение. 1984. № 1. С. 41–45.
10. *Зиновьев А. В.* Компетентность народных депутатов // Правоведение. 1993. № 3. С. 71–76.
11. *Зиновьев А. В.* Статус народного депутата в СССР (проблемы теории и практики). Л. : ЛГУ, 1987.
12. *Карасев А. Т.* Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование). Екатеринбург, 2009.
13. *Карасев А. Т.* Проблема понятия и структуры конституционно-правового статуса депутата // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 2. Вып. 14. С. 20–24.
14. *Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Б. Ескина.* СПб. : СЗиУ — филиал РАНХиГС, 2017.
15. *Миронов О. О.* Статус депутата российского парламента // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 2. С. 4–18.
16. *Нудненко Л. А.* Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления России. М., 2000.
17. *Нудненко Л. А.* Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. СПб., 2004.
18. *Парламентское право России : учебник.* М. : Эксмо, 2006.

Об авторе:

Алёхина Ирина Сергеевна, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 3 класса; i.s.alehina@yandex.ru

References

1. Abdukadyrov K. A. Deputy of Zhogorka Kenesh of the Kyrgyz republic. Monograph. Bishkek : KSJA, 2009. 248 p. (In rus)
2. Avakyan S. A. Constitutional law of Russia. M. : Norma : INFRA-M, 2014. 864 p. (In rus)
3. Baglay M. V., Tumanov V. A. Small encyclopedia of constitutional law. M. : BEK, 1998. 519 p. (In rus)
4. Baglay M. V. Constitutional law of the Russian Federation. M. : INFRA-M : Norma, 1997. 752 p. (In rus)
5. Bezuglov A. A. Theoretical problems of legal status of the Soviet deputy: doctoral dissertation abstract. M., 1971. (In rus)
6. Varlen M. V. Institute of the deputy mandate in the theory and practice of national representation in Russia: doctoral dissertation abstract. M., 2012. (In rus)
7. Vitruk N. V. Structure of legal status of the deputy: Theory questions // Law on the status of deputies in practice: materials of a scientific and practical conference. Yaroslavl, 1976. (In rus)
8. Zinovyev A. V. Deputy inquiry // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1985. N 1. P. 12–17. (In rus)
9. Zinovyev A. V. Imperative nature of the deputy mandate // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1984. N 1. P. 41–45. (In rus)
10. Zinovyev A. V. Competence of People's Deputies // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1993. N 3. P. 71–76. (In rus)
11. Zinovyev A. V. The status of the People's Deputy in the USSR (a problem of the theory and practice). L. : LSU, 1987. (In rus)
12. Karasyov A. T. The deputy in the system of the representative power (a constitutional and legal research). Yekaterinburg, 2009. (In rus)
13. Karasyov A. T. Problem of a concept and structure of constitutional legal status of the deputy // Messenger of the Chelyabinsk State University [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2008. N 2. Issue 14. P. 20–24. (In rus)
14. Constitutional law of Russia: textbook for bachelors / ex. edition of L. B. Eskin. SPb. : NWIM of RANEP, 2017. (In rus)
15. Mironov O. O. Status of the deputy of the Russian parliament // Messenger of the Saratov State Academy of Law [Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava]. 1995. N 2. P. 4–18. (In rus)

16. Nudnenko L. A. Institutes of direct democracy in the system of local government of Russia. M., 2000. (In rus)
17. Nudnenko L. A. Constitutional legal status of the deputy of legislature of the government in the Russian Federation. SPb., 2004. (In rus)
18. Parliamentary law of Russia: textbook. M. : Eksmo, 2006. (In rus)

About the author:

Irina S. Alekhina, Associate Professor of the Chair of Constitutional Law of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor, State Counsellor 3 Class of the Saint-Petersburg; i.s.alehina@yandex.ru

Столкновение судов в море: проблемы ответственности и подсудности

Бутакова Н. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nadbutakova@gmail.com

РЕФЕРАТ

Целью настоящей статьи явился обзор основных проблем ответственности и подсудности при столкновении судов в море. Столкновение судов является одним из наиболее распространенных происшествий на море, влекущим в дальнейшем юридические последствия. Столкновением является физическое соприкосновение судов между собой в результате сближения или неверного маневра одного из судов, в результате чего другое судно, во избежание столкновения, вынуждено сесть на мель. В настоящей статье рассматриваются вопросы ограничения ответственности при столкновении судов и порядок распределения ответственности между судовладельцами. Статья содержит анализ возможных вариантов определения подсудности при столкновении судов, а также специфику и особенности определения такой подсудности.

Ключевые слова: столкновение судов в море, ответственность при столкновении, ограничение ответственности при столкновении, подсудность при рассмотрении споров о столкновении

The Collision of Ships at Sea: Problems of Responsibility and Jurisdiction

Nadezhda A. Butakova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; nadbutakova@gmail.com

ABSTRACT

The purpose of this article is to review the main problems of liability and jurisdiction in the collision of ships at sea. The collision of ships is one of the most common accidents at sea, entailing further legal consequences. A collision is the physical contact of vessels with each other as a result of the approach or incorrect maneuver of one of the vessels, as a result of which the other vessel, in order to avoid a collision, is forced to run aground. This article deals with the limitation of liability in the collision of ships and the distribution of liability between shipowners. The article contains an analysis of possible options for determining the jurisdiction in a collision of courts, as well as the specifics and features of the definition of such jurisdiction.

Keywords: the collision of ships at sea, the responsibility for the collision, limitation of liability, jurisdiction in disputes about the collision

Международно-правовым актом, регламентирующим ответственность за столкновение судов, является Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов (заключена в г. Брюсселе 23.09.1910) (далее по тексту — Брюссельская конвенция).

Согласно Брюссельской конвенции, ответственность за ущерб, причиненный в результате столкновения, основана на вине. Вина в случае столкновения может возникнуть из-за: 1) небрежности или отсутствия надлежащих навыков со стороны навигаторов; 2) нарушения правил судовождения; 3) несоблюдения местных навигационных обычаев; 4) ненадлежащего состояния или неисправности оборудования. Ответственность также налагается, когда установлено, что причиной стол-

кновения стала халатность штурмана судна. При проверке каждого случая столкновения необходимо установить, возможно ли было бы избежать столкновения, проявив обычную осторожность и хорошие морские навыки.

Кроме того, судно может быть признано виновным в нарушении местного навигационного обычая. Бремя доказывания того, что такой обычай действительно существует, является сторона, стремящаяся полагаться на такой обычай для установления вины. На обычай можно полагаться только в том случае, если он не противоречит законодательным нормам о навигации.

Никакая ответственность не будет наложена даже тогда, когда будет доказана небрежность в навигации, если небрежность не была непосредственной причиной столкновения. Непосредственная причина должна быть существенным фактором, приведшим к столкновению. Может быть установлено более одной причины столкновения. В данном случае вина определяется пропорционально, и совокупный убыток распределяется в соответствии со степенью вины каждой из сторон столкновения.

Установление истинной причины столкновения, даже при наличии предыдущих столкновению навигационных ошибок или небрежных действий, которые, однако, не повлекли столкновения, может освободить или уменьшить ответственность одной из сторон.

Мера ущерба при столкновении зависит от того, считается ли судно утраченным полностью или частично и подлежит ли оно ремонту и восстановлению. В общий убыток включаются рыночная стоимость судна на момент его полной утраты, плюс ожидаемый фрахт и расходы на удаление загрязнений окружающей среды, удаление обломков и другие непредвиденные расходы, непосредственно связанные с несчастным случаем.

В случае частичной утраты судна, повреждения включают стоимость ремонта (или уменьшение стоимости судна, если ремонт не производится), заработка за период, на который судно вышло из эксплуатации, и такие расходы, как причал, лоцманская проводка и утилизация. Ремонт повреждений, которые не были вызваны столкновением, не будут включаться в сумму ущерба по восстановлению. В случае заявления упущенной выгоды судовладелец обязан доказать ее наличие и размер. Так, например, владелец судна может доказать, что в результате повреждения судна владелец не смог выполнить договорные обязательства и потерял чартерный контракт или фрахт. Если судно не зафрахтовано, владелец судна может доказать потерянную прибыль за период, в течение которого судно было непригодным для использования, показывая прибыль до аварии и после ремонта.

Правила Брюссельской конвенции применяются в случае столкновения как между морскими судами, так и между морскими судами и военными кораблями вне зависимости от того, в каких водах произошло такое столкновение.

Так, например, столкновение сухогруза «Орка-2», шедшего под флагом Сьерра-Леоне, с большим десантным кораблем (БДК) «Ямал» Черноморского флота произошло в районе неинтенсивного судоходства в Эгейском море, по причине резкого маневра капитана сухогруза. По факту инцидента согласно международным правилам был заявлен морской протест, в соответствии с которым владельцы сухогруза должны будут выплатить компенсацию российскому Военно-морскому флоту. Однако в этом есть большие сомнения, поскольку международная практика последних лет показывает, что, как правило, эти протесты остаются без внимания.

В силу ст. 6 Брюссельской конвенции иск о возмещении убытков, происшедших вследствие столкновения, не зависит ни от совершения протеста, ни от какой-либо иной особой формальности. В отношении ответственности за столкновение не допускаются никакие законные предположения о неправильных действиях.

Более того, если сравнить количество членов экипажа на торговых судах и военных кораблях, то традиционно на военных кораблях количество членов экипажа значительно больше. Получается, что в любом случае, если военные допустили столкновение, то, если формально они и не виновны, все равно виновны, так как военные обязаны были этого не допустить¹.

Одним из самых важных вопросов, не решенных Брюссельской конвенцией, является вопрос об ограничении ответственности судовладельцев в случае столкновения судов. Различают три основные системы ограничения ответственности судовладельца.

Первая — «французская» или система абандона, судовладелец отвечает лично, т.е. любым принадлежащим ему имуществом. По данной системе кредиторы вправе выбрать имущество для обращения взыскания или судовладелец может отказаться в пользу кредиторов от своего «морского имущества» (т.е. судна и фрахта).

Вторая — «германская», взыскание кредиторов может быть обращено на судно и фрахт. По данной системе судовладелец отвечает не лично, а только судном и фрахтом. Поэтому ответственность судовладельца является ограниченной и ограничена она стоимостью судна и фрахта. В отличие от системы абандона, по данной системе в случае гибели судна и утраты права на фрахт судовладелец не будет нести имущественной ответственности перед кредиторами.

Третья — «английская», по данной системе ограничения ответственности не связано со стоимостью судна, а определяется путем умножения определенной суммы денежных единиц (1000 золотых франков) на нетто-регистрационный тоннаж судна, включая тоннаж машинного отделения [1].

В 1987 г. был принят первый международно-правовой акт, в котором установлен порядок исчисления убытков, вызванных столкновением судов — Международные правила компенсации убытков по делам о столкновении судов (Лиссабонские правила). Правила применяются по соглашению сторон.

Лиссабонские правила состоят из двух частей: 1 — литерные Правила А–Е; 2 — цифровые Правила I–V. В литерных правилах содержатся общие положения о порядке применения Правил.

Цифровые правила включают в себя следующие правила: I — Полная гибель судна; II — Повреждение судна; III — Гибель или повреждение имущества на борту судна; IV — Выплата процентов на сумму ущерба; V — Выбор валюты платежа.

В связи со столкновением судов вопрос о подсудности споров (гражданской юрисдикции) является одним из важнейших. Его разрешению посвящена Международная конвенция об унификации некоторых правил, относящихся к гражданской юрисдикции по делам о столкновении судов, подписанная в Брюсселе в 1952 г.

При оформлении случаев столкновения необходимо решить вопрос о гражданской юрисдикции дел о возмещении убытков. Эта проблема является одной из наиболее сложных юридических проблем, возникающих при столкновении судов. Иск по выбору истца может быть предъявлен в следующих судах:

- по месту постоянного жительства или постоянного занятия ответчика;
- по месту наложения на судно ответчика ареста или по месту, где был предоставлен залог или иное обеспечение;
- по месту столкновения судов, если столкновение произошло в пределах акватории порта или внутренних вод;
- если столкнулись суда, плавающие под одним флагом, то по месту юрисдикции.

В Конвенции предусматривается, в каких судах по выбору истца может быть предъявлен иск, Конвенция предоставляет сторонам возможность избрать по вза-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://topnews-ru.ru/2018/01/10/stolknovenie-rossijskogo-korablya-v-egejskom-more-voennye-vse-ravno-vinovaty/> (дата обращения: 12.02.2019).

имному согласию любой суд или арбитраж. По делам о столкновении судов большое значение имеет договорная подсудность, особенно по делам о столкновении судов в открытом море. Арбитражное рассмотрение споров часто является предпочтительным, поскольку не связывается с излишней формализацией процесса и предполагает более квалифицированный подход со стороны лиц, рассматривающих и разрешающих спор.

Каждая из сторон столкновения обычно стремится подчинить спор национальной юрисдикции, прежде всего, по причине знания национального законодательства. В РФ споры между судовладельцами по делам о столкновении судов рассматриваются в Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ (МАК). Для рассмотрения спора в МАК необходимо подписать арбитражное соглашение.

Капитан должен иметь в виду, что выбор порта захода после столкновения судов нередко предопределяет выбор юрисдикции, которая может оказаться неблагоприятной для судовладельца. При наличии возможности выбрать порт захода судна капитан должен согласовать порт захода с судовладельцем во всех случаях столкновения судов [2, с. 370].

Участниками столкновения являются суда, т. е. судовладельцы. Поэтому пострадавшая сторона предъявляет претензии по возмещению убытков напрямую судовладельцу, а не страховой компании, а затем судовладелец обращается в свою страховую компанию с целью возмещения причиненных убытков.

Литература

1. Гуреев С. А. Коллизионные проблемы морского права. М. : Международные отношения, 1972.
2. Гуцуляк В. Н. Международное морское право (публичное и частное). Ростов н/Д. : Феникс, 2006.

Об авторе:

Бутакова Надежда Александровна, доцент кафедры гражданского и трудового права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; nadbutakova@gmail.com

References

1. Gureev S. A. Conflict problems of maritime law. M. : International relations, 1972. (In rus)
2. Gutsulyak V. N. International maritime law (public and private). Rostov-on-Don : Phoenix, 2006. (In rus)

About the author:

Nadezhda A. Butakova, Associate Professor of the Chair of Civil and Labor Law of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; nadbutakova@gmail.com

Проблемы регулирования региональных рынков труда в России*

Кокшарова М. Я., Круглов Д. В., Плотников В. А.*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *plotnikov_2000@mail.ru

РЕФЕРАТ

Обеспечение экономической деятельности трудовыми ресурсами в экономике рыночного типа осуществляется посредством рынка труда. В статье проанализированы особенности российского рынка труда, как в целом, так и на региональном уровне. Показано, что региональные рынки труда в России обладают высоким уровнем асимметрии в развитии, что сказывается на региональном развитии. Выявлены причины такой ситуации, которая определяется как общей дифференциацией социально-экономических систем регионов России, так и сформировавшимися неформальными институтами. Авторами предложены меры государственной социально-экономической политики, ориентированные на нивелирование имеющихся различий региональных рынков труда, реализация которых будет способствовать сближению их характеристик.

Ключевые слова: государственное регулирование экономики, региональный рынок труда, использование трудовых ресурсов, асимметрия регионального развития

Problems of Regulation of Regional Labor Markets in Russia

*Maria Ya. Koksharova, Dmitry V. Kruglov, Vladimir A. Plotnikov**

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; *plotnikov_2000@mail.ru

ABSTRACT

Ensuring economic activity with human resources in economy of market type is carried out by means of labor market. In the article features of the Russian labor market as in general, and at the regional level are analysed. It is shown that regional labor markets in Russia have the high level of asymmetry in development that affects regional development. The reasons of such situation which is defined as the general differentiation of social and economic systems of regions of Russia, and the created informal institutes are established. Authors proposed the measures of the state social and economic policy focused on leveling of the available distinctions of regional labor markets which realization will promote rapprochement of their characteristics.

Keywords: state regulation of economy, regional labor market, use of human resources, asymmetry of regional development

Введение

Труд является одним из ключевых экономических ресурсов [5; 6; 10 и др.]. От его количества и качества зависит уровень развития хозяйственной системы, темпы экономического роста, структура экономики и т.д. С другой стороны, носитель фактора «труд» — человек может и должен рассматриваться не только как инструмент стимулирования экономического развития, но как цель этого развития [13].

* Статья представляет собой расширенную версию доклада на ежегодной (2019 г.) конференции китайско-российской сети исследователей труда «Labor, Work and Social Security in Ageing Societies».

Действительно, все блага, создаваемые в ходе ведения хозяйственной деятельности, ценны не сами по себе, но как средство удовлетворения потребностей людей, как низших порядков (физиологических), так и высших, связанных с психическими и социальными явлениями.

В условиях современной российской модели смешанной экономики, в которой преобладает рыночное начало [7; 8], формирование и использование трудовых ресурсов осуществляется посредством функционирования рынка труда. На этом рынке присутствуют две группы субъектов: с одной стороны — потенциальные работники, которые обладают знаниями, навыками, мотивациями, позволяющими использовать их при выполнении различных хозяйственных операций, с другой стороны — работодатели, которые испытывают потребность в трудовых ресурсах для осуществления той или иной, свойственной им, хозяйственной деятельности.

Реальные рынки труда не являются целостными, они достаточно глубоко дифференцированы. Их дифференциация основана на неоднородности как спроса на труд, предъявляемого работодателями, так и предложения труда. Причем эта неоднородность касается различных признаков, присущих труду, как экономической категории: гендерных различий работников, уровня их образования, профессиональных навыков и т. д. Для крупных по размеру территории стран, таких как Россия, важным дифференцирующим признаком рынка труда является признак территориальный.

Рынок труда не существует «вообще», заключаемые на нем сделки всегда имеют конкретное содержание. Нанимаемые работники призваны заполнить вакансии в конкретных организациях, имеющих ту или иную локализацию в экономическом пространстве страны. С другой стороны, и сами эти работники (точнее — потенциальные работники) выступают на рынке не как абстрактные носители тех или иных свойств, но как индивиды, вовлеченные в социальные процессы, которые имеют определенный социальный статус, семейное положение, обязательства перед другими людьми, систему ценностей и т. д., кроме того, они также локализованы в социально-экономическом пространстве, имея определенное место проживания (город, поселок, деревню и др.). В этой связи, анализ рынка труда, в частности российского, требует рассмотрения его, в том числе, в пространственном аспекте.

Материалы и методы

Для проведения анализа развития рынка труда в России были использованы официальные статистические данные Росстата, плановые и отчетные материалы Роструда, результаты исследований российских рейтинговых и аналитических центров, нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие трудовые отношения, а также теоретические положения и методические подходы к анализу рынка труда, изложенные в научных трудах отечественных и зарубежных специалистов. Для их обработки и содержательной интерпретации использована общая методология современной экономической науки, в том числе сравнительный и контент-анализ, обобщение, метод аналогий, индексный метод, институциональный и структурно-функциональный анализ, методы статистической обработки информации и др.

Результаты и их обсуждение

Общая характеристика пространственного развития России

Россия — самое большое по площади государство мира (свыше 17 млн км²). В ней, по состоянию на 1 января 2019 г., по данным официальной статистики, проживает

свыше 146 млн чел. Россия входит в топ-10 стран мира по численности населения, занимая 9-е место по этому показателю. Согласно Конституции России, с точки зрения административно-территориального деления, в стране имеется 85 субъектов федерации (46 областей, 22 республики в составе федерации, 9 краев, 4 автономных округа, 3 города федерального значения, 1 автономная область), объединенных в 8 федеральных округов.

Важно отметить существенную неравномерность пространственного развития российской экономики [4; 14; 20 и др.]. Это может быть проиллюстрировано, например, данными, представленными в табл. 1, построенной по информации Росстата. В ней для каждого федерального округа включена информация о двух субъектах федерации, имеющих самый большой по объему и самый малый ВРП (при наличии регионов-аутсайдеров, имеющих равный по долевого объему ВРП, для включения в таблицу выбирался тот из них, который обладает меньшими значениями других показателей, а для регионов-лидеров выбирались большие значения показателей). Изучение имеющихся данных показывает, что, например, Москва по численности занятых сопоставима с Сибирским федеральным округом, в который входят 12 субъектов федерации. Или, например, в Северо-Кавказском федеральном округе по ВРП лидируют Республика Дагестан и Ставропольский край, на суммарную долю которых приходится почти 70% ВРП всего округа, в который входят 7 субъектов федерации. Подобные примеры межрегиональных диспропорций можно продолжить.

Таким образом, имеющиеся данные подтверждают, что неравномерность пространственного развития России достаточно высока. Эта дифференциация сказывается и на расселении людей по территории страны. По имеющимся оценкам, около 78% населения постоянно проживает в европейской части, а на азиатскую часть, которая занимает более $\frac{3}{4}$ территории, приходится лишь 22% населения России. Такая ситуация приводит к существенной асимметрии в развитии региональных рынков труда.

Таблица 1

Удельный вес некоторых российских регионов в общестрановых показателях, %
Table 1. Specific weight of some Russian regions in all-country indicators, %

Федеральный округ, субъект федерации	Численность населения	Среднегодовая численность занятых	Валовой региональный продукт	Инвестиции в основной капитал
Центральный федеральный округ	26,8	29,6	34,7	26,1
Костромская область	0,4	0,4	0,2	0,1
г. Москва	8,5	12,2	20,6	12,4
Северо-Западный федеральный округ	9,5	10,0	11,3	11,7
Псковская область	0,4	0,4	0,2	0,2
г. Санкт-Петербург	3,6	4,4	5,4	4,1
Южный федеральный округ	11,2	10,4	7,1	8,8
Республика Калмыкия	0,2	0,2	0,1	0,1
Краснодарский край	3,8	3,6	2,9	3,0
Северо-Кавказский федеральный округ	6,7	5,3	2,6	3,2

Федеральный округ, субъект федерации	Численность населения	Среднегодовая численность занятых	Валовой региональный продукт	Инвестиции в основной капитал
Республика Ингушетия	0,3	0,2	0,1	0,1
Республика Дагестан	2,1	1,5	0,9	1,2
Приволжский федеральный округ	20,1	19,3	14,9	15,1
Республика Марий Эл	0,5	0,4	0,2	0,2
Республика Татарстан	2,7	2,7	2,8	4,0
Уральский федеральный округ	8,4	8,9	13,5	18,0
Курганская область	0,6	0,5	0,3	0,1
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1,1	1,5	4,4	5,9
Сибирский федеральный округ	13,1	12,1	10,4	9,5
Республика Алтай	0,1	0,1	0,1	0,1
Красноярский край	2,0	2,0	2,6	2,7
Дальневосточный федеральный округ	4,2	4,4	5,5	7,6
Чукотский автономный округ	0,03	0,05	0,1	0,1
Республика Саха (Якутия)	0,7	0,7	1,3	2,4

Составлено авторами по данным Росстата [17].

Оценка ситуации на российском рынке труда

Согласно данным, представленным в «Отчете о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2018 год» (расчеты по методологии Международной организации труда), рынок труда России является довольно сбалансированным и показывает положительную динамику развития. Так, общая численность безработных (данные за 2018 г.) составляла 3,7 млн чел. (снижение относительно предыдущего года на 6%); уровень общей безработицы — 4,8% (снижение на 0,3%). Численность граждан, зарегистрированных в органах службы занятости в качестве безработных, за 2018 г. снизилась на 9,7% и составила 700,1 тыс. человек; уровень регистрируемой безработицы снизился с 1,0% до 0,9%, при этом заявленная работодателями потребность в работниках возросла на 7,8% и составила немногим более 1,5 млн рабочих мест.

Суммарная численность работников, находящихся в простое по вине работодателя, работающих неполное рабочее время, а также работников, которым были предоставлены отпуска по инициативе администрации, по официальным данным Федеральной службы по труду и занятости, составляла лишь 130,4 тыс. чел. С учетом того, что численность занятого населения в стране превышает 72 млн чел., количество неэффективно используемых работников составило около 1,8, что является весьма незначительной величиной.

В то же время оценка качества занятости населения по параметру соответствия квалификации работников требованиям по выполняемой работе (см.: <http://www.>

gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/stat-izm.pdf) позволяет выявить наличие в России таких структурных проблем, как: «сверхобразованность» населения, когда работники выполняют трудовые задания, требующие более низкой квалификации, нежели полученное ими образование, такая работа не соответствует их уровню профессиональной подготовки; несоответствие структуры подготовки специалистов системой профессионального образования реальной потребности экономики. Обе эти проблемы, как принято считать, свидетельствуют о недостаточно эффективном использовании потенциала трудовых ресурсов в России.

По мнению авторов, отмеченная «сверхобразованность», наблюдаемая в России (по данным обследований рабочей силы, проведенных Росстатом в 2017 г., 34% занятых имеют высшее образование, 45% — среднее профессиональное, 17% — среднее общее), может рассматриваться и с других позиций. Мы не склонны рассматривать эту ситуацию исключительно как проблему. Для такого мнения есть, по крайней мере, два основания.

Во-первых, образование, особенно высшее и послевузовское, имеет своей целью не только развитие профессиональных навыков и получение знаний, необходимых для производительного труда. Не менее важным аспектом является повышение общего культурного уровня человека, его интеллектуальное развитие [1; 15]. Как мы указывали выше, мы рассматриваем человека не столько как инструмент, фактор, средство ведения хозяйственной деятельности, сколько как цель экономического развития. Мы исходим из гуманистического понимания роли человека в социальном прогрессе, в этой связи, рост образовательного уровня россиян (при наличии обоснованной критики относительно качества образования в стране [9]), даже без привязки к использованию этого человеческого потенциала, мы воспринимаем как безусловное достижение.

Во-вторых, при оценке качества используемых в экономике ресурсов, в том числе трудовых, следует исходить не из сиюминутных потребностей, а учитывать изменение ситуации на перспективу. Подготовка квалифицированных специалистов, их обучение — достаточно длительный процесс, который сложно, а порой и невозможно, завершить в сжатые сроки. Мало того, обучение зачастую требует отвлечения человека от других занятий, в том числе отрыва от работы. Для многих взрослых людей, состоящих в браке и имеющих на иждивении детей и других членов семьи, это зачастую сделать затруднительно. Поэтому «сверхобразованность» может рассматриваться и как положительное явление, как своеобразный резерв для будущего развития российской экономики по инновационному сценарию, необходимость чего сегодня не вызывает сомнений [11; 12 и др.].

Что касается структурного несоответствия между выпуском специалистов национальной системой образования и потребностями в них работодателей, то эта проблема, действительно, имеет место. Она сложная и многоплановая, имеет не только экономическую, но также социальную, культурную и иные составляющие. Поэтому требуется комплексный подход к ее решению. Разрешить ее лишь мерами экономической политики затруднительно, это определяется, в том числе и менталитетом россиян, недостаточной развитостью культуры рыночного поведения. Отражением этих особенностей является, например, то, что россияне на рынке труда довольно часто проявляют пассивность или, по крайней мере, не проявляют необходимой инициативы, что может быть проиллюстрировано табл. 2.

Как показано в табл. 2, свыше 93% лиц, которые отнесены к категории «потенциальная рабочая сила», несмотря на отсутствие постоянной работы, не занимаются ее поиском, хотя и готовы приступить к работе, если она будет им кем-то предложена. Из них менее половины (38,0% против 93,8% в 2015 г., 46,6% против 93,8% в 2016 г.) людей отчаялись найти работу, в связи с чем их пассивное поведение может быть рационально объяснено. Пассивность же остальной, большей

**Отношение потенциальной рабочей силы к поиску работы
и готовности приступить к ней**

Table 2. The relation of potential labor to job search and readiness to start it

Категория населения	В возрасте 15–72 лет				В трудоспособном возрасте			
	тыс. чел.		%		тыс. чел.		%	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Потенциальная рабочая сила — всего	1343	1203	100	100	1042	926	100	100
в том числе:								
ищут работу, но не готовы приступить к работе	83	75	6,2	6,2	77	70	7,4	7,6
не ищут работу, но готовы приступить к работе	1260	1128	93,8	93,8	965	856	92,6	92,4
из них отчаявшиеся найти работу	510	560	38,0	46,6	382	417	36,7	45,1

Источник: данные Росстата [19].

части потенциальных работников является труднообъяснимой, по крайней мере, с позиций экономической рациональности. Но она хорошо объясняется культурными особенностями россиян.

Обращает на себя внимание сложившаяся в России структура трудовых ресурсов, которая при определенном постоянстве демонстрирует негативные тенденции (табл. 3). За последние 15 лет наблюдается снижение доли трудоспособного населения в трудоспособном возрасте. Если в 2005 г. эта доля составляла 93,6%, то в 2016 г. — 89,2%. Структурный сдвиг произошел за счет увеличения более чем в 2,5 раза доли иностранных трудовых мигрантов (с 1,2 до 3,1%), а также увеличения доли лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике. Последний показатель в среднесрочной перспективе будет снижаться, но это снижение носит искусственный, административный характер и вызвано проведенной в 2018 г. пенсионной реформой, в рамках которой повышен пенсионный возраст на 5 лет (до 60 лет для женщин и до 65 лет для мужчин).

Важной особенностью российского рынка труда является низкая территориальная мобильность трудовых ресурсов. Так, по данным исследовательского агентства «Башкирова и партнеры» (2015 г.), «абсолютное большинство наших сограждан (84%), в случае потери работы, столкнувшись с трудностями при ее поиске, не готовы к переезду в другой город или страну и предпочитают продолжить поиск работы по месту жительства. Лишь 8% готовы искать работу в соседнем населенном пункте (при том, что расстояние до нового рабочего места не потребует смены места жительства). Еще меньшая доля респондентов (4%) готова работать вахтами вдали от места жительства. Всего 3% россиян готовы ради поиска работы переехать в другой город и только 1% в другую страну» (цит. по: <http://www.bashkirova-partners.ru/news/results/mobilnost-trudovyix-resursov-v-rossii.html>).

Эти данные опроса (в части трудовой эмиграции из страны) коррелируют с официальной статистикой (табл. 4), согласно которой численность россиян — трудовых эмигрантов весьма мала. При этом обращает на себя внимание рост уровня квалификации российских трудовых эмигрантов, в составе которых прослеживается рост доли руководителей и специалистов.

Безусловно, столь низкая территориальная мобильность трудовых ресурсов в России, обусловленная не столько экономическими, сколько социальными, культурными

Структура трудовых ресурсов в России, %
Table 3. Structure of human resources in Russia, %

Категория трудовых ресурсов	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Всего	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
трудоспособное население в трудоспособном возрасте	93,6	91,8	90,0	89,4	88,9	89,2
иностранные трудовые мигранты	1,2	2,1	3,2	3,6	3,7	3,1
лица старше трудоспособного возраста и подростки, занятые в экономике	5,2	6,1	6,8	7,0	7,4	7,7
в том числе:						
лица старше трудоспособного возраста	5,1	6,0	6,7	6,9	7,3	7,6
подростки	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Источник: данные Росстата [19].

Таблица 4

Численность российских граждан, выехавших на работу за границу, чел.
Table 4. The number of the Russian citizens who went abroad for work, persons

Категория работников	2005	2010	2014	2015	2016
Всего	60 926	70 236	58 093	57 138	59 999
в том числе%					
руководители	10 711	13 068	13 866	14 416	15 549
специалисты	16 768	20 069	20 030	20 835	21 026
рабочие	24 013	23 606	20 694	19 151	20 418
другие	9434	13 493	3503	2736	3006

Источник: данные Росстата [19].

ми, административными и иными причинами институционального свойства, приводит к территориальной несбалансированности рынка труда, возникновению его пространственных дисбалансов, которые требуют углубленного анализа.

Проблемы функционирования региональных рынков труда в России

Несмотря на то, что Россия является не унитарным, а федеративным государством, уровень различий в региональном институциональном регулировании экономики не является существенным. В этой связи порядок и принципы регулирования рынка труда на уровне страны в целом и отдельных субъектов федерации, в частности, не имеют существенных различий. В то же время сами субъекты федерации существенно дифференцированы по множеству признаков (географических, социальных, экономических и др.), это, безусловно, влияет на рынки труда регионов. То есть развитие сферы труда и трудовых отношений, в том числе рынка труда, является производной от уровня и особенностей социально-экономического развития регионов.

Последний вывод подтверждают результаты исследований «РИА-рейтинг». По итогам расчета индекса рынка труда в регионах России в 2018 г., «первые пять регионов-лидеров по индексу рынка труда сохранили свои позиции и по итогам 2017 г. Первое место занимает Москва, второе — Санкт-Петербург. У данных субъектов РФ индекс составил 91,0 и 89,3 балла соответственно. Третье место занимает Московская область, где значение индекса немногим превысило 80 баллов. На четвертом месте находится Ханты-Мансийский автономный округ — Югра со значением 74,8 балла, на пятом — Республика Татарстан с 69,6 балла» (цит. по: <http://www.riarating.ru/infografika/20180911/630104345.html>). Замыкают рейтинг регионов республики Кабардино-Балкария (16,3), Северная Осетия-Алания (15,1), Алтай (14,9), Чечня (14,8), Карачаево-Черкесия (11,1), Тыва (10,9), Ингушетия (10,5), у которых численное значение индекса не превысило 20 баллов.

Данный индекс рассчитывался рейтинговым агентством на основе агрегирования девяти показателей, характеризующих четыре составляющих региональных рынков труда: уровень оплаты труда, занятость, условия труда, емкость регионального рынка труда. Этот индекс хорошо коррелирует с показателями официальной статистики, например с данными о напряженности на региональных рынках труда, определяемой относительной численностью безработных и потенциальной рабочей силы (табл. 5; при составлении данной таблицы от каждого федерального округа было включено по два субъекта федерации: с минимальным и максимальным значением показателя «Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, %»). Так, у региона-лидера, по данным «РИА-рейтинг», г. Москвы, совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы составляет 1,5%, а у замыкающих рейтинговый список Республики Ингушетия — 27,1%.

Несбалансированность региональных рынков труда «отстающих» регионов, выражающаяся в высоком уровне недоиспользования трудовых ресурсов, сравнительно более низкой оплате труда, неэффективной структуре занятости и т. д. связана, по нашему мнению, не столько с неэффективным формальным регулированием этих рынков, сколько с неформальными институтами и общим невысоким уровнем социально-экономического развития. Инерционное развитие ситуации в рассматриваемой сфере с течением времени может лишь усугубить положение и породить новые проблемы.

Примером проявления такой инерции является дифференциация регионов не только по статическим показателям, характеризующим рынок труда, но и по динамическим. Так, например, по данным Росстата, в 2017 г. рост производительности труда в Москве (лидере рассмотренного выше рейтинга) составил 1,6% относительно предыдущего года, т. е. примерно находился на среднероссийском уровне (1,9%), а в регионе-аутсайдере (Республика Ингушетия) наблюдалось, напротив, снижение показателя производительности труда на 5,7%. Вследствие этого разрыв между двумя этими регионами по данному показателю увеличился.

В связи с изложенными мерами по снижению асимметрии в развитии региональных рынков труда в России, по нашему мнению, должны носить комплексный характер и реализовываться в рамках следующих мер государственной политики:

- 1) развитие и государственная поддержка самозанятости населения в регионах, в которых наличествует наибольшее напряжение на рынке труда. С учетом того, что большинство среди этих регионов составляют национальные республики, целесообразно согласовывать эти меры экономической политики с политикой национальной, например, поддерживая традиционные виды деятельности, субсидируя развитие этнотуризма и т. п. Заметим, что среди наиболее популярных российских регионов для этнотуризма специалисты (см.: <http://turstat.com/ethnotourismrussia>) называют Карелию, Вологодскую область, Бурятию, Иркутскую область, Хакасию, Алтайский край, Республику Алтай, Коми, Удмуртию, Якутию, Псковскую область,

Хабаровский край, Калмыкию, Камчатку, Югру. Вероятно, следует рекомендовать этот региональный опыт для более широкого использования и в других субъектах Федерации;

2) нормализация пространственного развития страны, в части выбора территорий реализации новых крупных инвестиционных проектов, в том числе инфраструктурных и в обрабатывающей промышленности, с учетом наличия резервов трудовых ресурсов. И здесь можно использовать не только механизмы, описанные в Стратегии пространственного развития до 2025 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р), но и известные инструменты стимулирования экономического развития территорий [2; 3; 16 и др.]: кластеры; технопарки; особые экономические зоны; территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и т.д. При этом, как нам представляется, следует более активно использовать подход, заложенный в идею создания ТОСЭР: согласно законодательству, они в приоритетном и первоочередном порядке создаются именно в регионах, требующих ускорения развития, в частности — на Дальнем Востоке. Аналогично, меры рационализации пространственного развития могли бы быть дифференцированы в зависимости от региона реализации тех или иных мероприятий и проектов с тем, чтобы поддержать снижение территориальной асимметрии в развитии рынков труда;

Таблица 5

**Безработные и потенциальная рабочая сила в регионах России
(население в возрасте 15–72 лет; данные выборочных обследований)**

Table 5. The unemployed and potential labor in regions of Russia
(the population at the age of 15–72 years; data of selective inspections)

Регион	Безработные, тыс. чел.	Потенциальная рабочая сила, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, %
<i>Российская Федерация</i>	<i>3967</i>	<i>1115</i>	<i>5,2</i>	<i>6,6</i>
Центральный федеральный округ	691	158	3,2	4,0
Орловская область	25	11	6,5	9,2
Москва	100	7	1,4	1,5
Северо-Западный федеральный округ	320	121	4,2	5,7
Республика Карелия	27	15	8,6	12,7
Санкт-Петербург	50	11	1,7	2,0
Южный федеральный округ	494	119	6,0	7,4
Республика Калмыкия	14	3	10,0	11,7
г. Севастополь	9	2	4,6	5,3
Северо-Кавказский федеральный округ	501	104	11,0	13,0
Республика Ингушетия	68	0,5	27,0	27,1
Ставропольский край	70	12	5,2	6,1
Приволжский федеральный округ	714	213	4,7	6,0

Регион	Безработные, тыс. чел.	Потенциальная рабочая сила, тыс. чел.	Уровень безработицы, %	Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, %
Республика Марий Эл	21	6	6,1	7,7
Республика Татарстан	71	7	3,5	3,8
Уральский федеральный округ	355	81	5,6	6,7
Курганская область	37	13	9,1	12,1
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	30	5	3,3	3,8
Сибирский федеральный округ	702	256	7,3	9,7
Республика Тыва	23	12	18,3	25,4
Красноярский край	85	18	5,7	6,8
Дальневосточный федеральный округ	188	64	5,6	7,4
Еврейская автономная область	7	5	8,3	13,6
Чукотский автономный округ	1	0,3	2,9	4,0

Составлено авторами по данным Росстата [17].

3) стимулирование внутренней трудовой миграции из менее экономически развитых регионов в более развитые [18], а также селективное привлечение работников в трудodefицитные регионы из-за рубежа. Эта работа проводится и сейчас, но недостаточно активно. Так, в течение 2018 г., в соответствии с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, реализация региональных программ осуществлялась в 63 субъектах Российской Федерации (данные приводятся согласно «Отчету о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2018 год»). За 2018 г. общая численность участников программы и членов их семей составила 162 389 человек, после прохождения отборов и согласований в регионы России прибыли 80 849 человек трудоспособного возраста, из них участники программы переселения — 50 562 человека и 30 287 членов их семей. При этом, из числа прибывших участников программы, трудоустроено всего 26 344 человека. Аналогично, довольно скромные результаты пока что дают меры по стимулированию внутренней территориальной мобильности трудовых ресурсов: в федеральном бюджете на 2018 г. было утверждено распределение субсидии на незначительную сумму (150 483,7 тыс. руб.) для 12 субъектов федерации (Амурская, Архангельская, Вологодская, Магаданская, Новосибирская, Сахалинская, Тамбовская области, Камчатский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Чукотский автономный округ) с целью трудоустройства всего лишь 655 человек. По имеющимся данным, в 2018 г. в рамках заключенных соглашений с работодателями было привлечено 588 человек (89,8% от плана). Хотя это и превысило показатели 2017 г. (550 человек и 46,5%), но,

очевидно, что для российского рынка труда в целом и рынков регионов это — мизерные показатели.

Заключение

Трудовые ресурсы играют важную роль в развитии экономики. Их обращение и распределение в современной России, как стране с преимущественно рыночной моделью смешанной экономики, осуществляется через рынок труда. Исследование характеристик его параметров позволяет сделать вывод о его высокой, в целом, сбалансированности и достаточной эффективности, несмотря на наличие некоторых проблем, которые носят локальный характер. Если же исследовать ситуацию на региональном уровне, то она существенно иная. Региональным рынкам труда в России присущ высокий уровень асимметрии, что затрудняет экономическое и социальное развитие российских регионов. Дифференциация региональных рынков труда имеет производный характер, она определяется региональным социально-экономическим развитием в целом. В этой связи, ее преодоление лишь мерами в области регулирования трудовых отношений, реализуемыми как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных регионов, осуществить невозможно.

Меры по снижению асимметрии в развитии региональных рынков труда в России должны носить комплексный характер и реализовываться в рамках следующих мер государственной политики: развитие и государственная поддержка самозанятости населения в регионах, в которых наличествует наибольшее напряжение на рынке труда; нормализация пространственного развития страны, в части выбора территорий реализации новых крупных инвестиционных проектов, в том числе инфраструктурных и в обрабатывающей промышленности, с учетом наличия резервов трудовых ресурсов; стимулирование внутренней трудовой миграции, а также селективное привлечение работников в трудодефицитные регионы из-за рубежа.

Литература

1. *Афанасенко И. Д.* Экономика и духовная программа России. СПб. : Третье тысячелетие, 2001.
2. *Бородкина Е. В., Рисин И. Е.* Государственное управление процессами кластеризации социально-экономического пространства региона. Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2011.
3. *Вертакова Ю., Плотников В., Положенцева Ю.* Разработка и реализация кластерной политики: российская и международная практика // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Сер.: Економіка. 2015. № 171. С. 15–20.
4. *Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Некипелова А. С.* Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 15–19.
5. *Генкин Б. М.* Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика) : монография. СПб. : Норма, 2016.
6. *Горелов Н. А.* Труд в контексте новой индустриализации экономики России // Экономика труда. 2015. Т. 2. № 1. С. 9–38.
7. Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем / Е. С. Аكوпова, Г. Р. Алиева, И. Д. Афанасенко и др. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2014.
8. *Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я.* Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М. : Изд-во ИЭ РАН, 2008.
9. *Кокшарова М. Я.* Востребованность выпускников экономических вузов на рынке труда современной России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 1 (97). С. 112–116.
10. *Котляров И. Д.* Математическое моделирование мотивации к труду : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2001.

11. *Круглов Д. В., Воротынская А. М., Поздеева Е. А.* Влияние роботизации на рынок труда // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6 (108). С. 101–105.
12. *Крыжановская О. А., Некипелова А. С., Рушкова А. В.* Развитие интеллектуального капитала в условиях структурных трансформаций экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 21–27.
13. *Лыгина Н. И., Рудакова О. В., Полянин А. В.* Качество жизни населения как индикатор социальной эффективности государственного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 11–22.
14. *Плотников В. А., Лисина Е. А.* Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 5–15.
15. *Плотников П. В.* Коучинг и перспективы его использования в современном высшем образовании // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 4 (38). С. 45–48.
16. *Пролубников А. В., Плотников А. В.* Направления трансформации государственной экономической и промышленной политики в условиях экономических санкций и развития процессов импортозамещения // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 2 (24). С. 45–50.
17. *Регионы России. Социально-экономические показатели.* 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018.
18. *Сигов В. И., Круглов Д. В.* Регулирование трудовых миграционных процессов в регионе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 4 (106). С. 90–93.
19. *Труд и занятость в России.* 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.
20. *Харламов А. В., Мороз Н. А.* Социально-экономическая дифференциация регионов России и ее зависимость от инвестиций // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики: Сборник науч. трудов 4-й Международной науч.-практ. конференции. Курск, 2018. С. 298–305.

Об авторах:

Кокшарова Мария Яковлевна, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); koksharova_m@mail.ru

Круглов Дмитрий Валерьевич, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; kdvspb@list.ru

Плотников Владимир Александрович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

References

1. Afanassenko I. D. Economy and spiritual program of Russia. SPb. : The third millennium, 2001. 416 p. (In rus)
2. Borodkina E. V., Risin I. E. Public administration by processes of a clustering of social and economic space of the region. Voronezh: VSPU publishing house, 2011. 156 p. (In rus)
3. Vertakova Yu., Plotnikov V., Polozhentseva Yu. Development and implementation of cluster policy: Russian and international practice // Messenger of the Kiev National University of Taras Shevchenko. Series: Economy [Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu im. Tarasa Shevchenka. Ser.: Ekonomika]. 2015. N 171. P. 15–20. (In rus)
4. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S., Nekipelova A. S. Differentiation of regions according to development phases: the modified technique of assessment of a structural cycle // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2015. N 3 (93). P. 15–19. (In rus)
5. Genkin B. M. Motivation and organization of effective work (theory and practice): monograph. SPb. : Norma, 2016. 352 p. (In rus)

6. Gorelov N.A. Work in the context of new industrialization of economy of Russia // Labour Economy [Ekonomika truda]. 2015. V. 2. N 1. P. 9–38. (In rus)
7. State and market: interaction mechanisms in the conditions of global instability of economic systems / E. S. Akopova, G. R. Alieva, I. D. Afanasenko, etc. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg State University of Economics, 2014. 706 p. (In rus)
8. Greenberg R. S., Rubenstein A. Ya. Bases of mixed economy. Economic sociodynamics. M. : IE RAS publishing house, 2008. 480 p. (In rus)
9. Koksharova M. Ya. Demand of graduates of economic higher education institutions in labor market of modern Russia // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2016. N 1 (97). P. 112–116. (In rus)
10. Kotlyarov I. D. Mathematical modeling of motivation to work: dissertation. SPb., 2001. 159 p. (In rus)
11. Kruglov D. V., Vorotynskaya A. M., Pozdeeva E. A. Impact of robotization on labor market // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2017. N 6 (108). P. 101–105. (In rus)
12. Kryzhanovskaya O. A., Nekipelova A. S., Rushkova A. V. Development of the intellectual capital in the conditions of structural transformations of economy // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. N 2 (36). P. 21–27. (In rus)
13. Lygina N. I., Rudakova O. V., Polyaniin A. V. Quality of population life as indicator of social efficiency of public administration // News of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2016. N 2 (19). P. 11–22. (In rus)
14. Plotnikov V. A., Lisina E. A. Assessment of level of regional differentiation in the Russian Federation // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. N 2 (36). P. 5–15. (In rus)
15. Plotnikov P. V. Coaching and the prospects of its use in modern higher education // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. N 4 (38). P. 45–48. (In rus)
16. Prolubnikov A. V., Plotnikov A. V. The directions of transformation of the state economic and industrial policy in the conditions of economic sanctions and development of processes of import substitution // Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2015. N 2 (24). P. 45–50. (In rus)
17. Regions of Russia. Social and economic indexes. 2018: Statiatic digest/ Rosstat. M., 2018. 1162 p. (In rus)
18. Sigov V. I., Kruglov D. V. Regulation of labor migration processes in the region // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2017. N 4 (106). P. 90–93. (In rus)
19. Work and employment in Russia. 2017: Statiatic digest / Rosstat. M., 2017. 261 p. (In rus)
20. Kharlamov A. V., Moroz N. A. Social and economic differentiation of regions of Russia and its dependence on investments // Cluster initiatives in formation of progressive structure of national economy. Collection of scientific works of the 4th International scientific and practical conference. Kursk, 2018. P. 298–305. (In rus)

About the authors:

Maria Ya. Koksharova, Senior lecturer of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); koksharova_m@mail.ru

Dmitry V. Kruglov, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; kdvspb@list.ru

Vladimir A. Plotnikov, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; plotnikov_2000@mail.ru

Развитие российского медиарынка и цифровой разрыв

Колобова Е. Ю.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Российская Федерация; jenechos@list.ru

РЕФЕРАТ

Влияние цифровизации на медиарынок приводит к появлению нового информационного пространства, однако создает угрозу цифрового разрыва, который не только углубляет информационное неравенство, но и ведет к комплексной социально-экономической дифференциации индивидов. В институтах информационного общества медиабизнес разделился на традиционный и цифровой сегменты, где формируются новые группы потребителей, имеющие доступ к интернет-технологиям, предпочитающие активные способы медиапотребления и способные создавать мультимедийные произведения посредством сотворчества. Развитие медиарынка обуславливает увеличение числа медиаплатформ с широким предложением контента, а также постепенно внедряет правила рекламного рынка в систему потребления интеллектуальной собственности. При наличии существенных конкурентных преимуществ интерактивных и цифровых медиа над традиционными средствами массовой информации возникают проблемы не только при монетизации результатов интеллектуального труда, но и в процессе регулирования хозяйственной деятельности субъектов международной журналистики, необходимого в связи с ужесточением конкуренции с медиаресурсами, преобладающими в сети Интернет. В условиях глобальных изменений на медиарынке под влиянием интернет-технологий усиливается социальное неравенство и возникает угроза экономической дискриминации представителей массовой аудитории.

Ключевые слова: рынок, цифровой разрыв, цифровое неравенство, контент, СМИ, бизнес, медиа

Development of the Russian Media Market and Digital Divide

Evgenia Yu. Kolobova

St. Petersburg State Institute of Film and Television, Saint-Petersburg, Russian Federation; jenechos@list.ru

ABSTRACT

The influence of digitalization on the media market leads to the emergence of a new information space, but it creates a threat of a digital divide, which not only deepens information inequality, but also leads to complex socio-economic differentiation of individuals. In the institutions of the information society, the media business is divided into traditional and digital segments, where new consumer groups are formed, with access to Internet technologies, preferring active media consumption methods, capable of creating multimedia works through co-creation. The development of the media market leads to an increase in the number of media platforms with a wide range of content, as well as gradually introducing the rules of the advertising market into the system of consumption of intellectual property. If there are significant competitive advantages of interactive and digital media over traditional media, problems arise not only in the monetization of intellectual work, but also in the process of regulating competition between subjects of international journalism, including those caused by increased competition with media resources prevailing on the Internet. In the context of global changes in the media market, social inequality is increasing under the influence of Internet technologies, and the threat of economic discrimination for mass audience members arises.

Keywords: market, digital divide, digital inequality, content, business, audience, media

Введение. Цифровая революция оказывает существенное влияние на развитие мировой экономики. По мнению академика С.Ю. Глазьева, «дискретность спроса на новые технологии является важным свойством закономерности периодической смены технологических укладов» [5, с. 71]. Наряду с очевидными преимуществами от внедрения цифровых технологий, неизбежно возникают и проблемы. Становится все более очевидно, что цифровое неравенство на уровне ограниченности доступа у значительной части населения к цифровым сетям, гаджетам и интерфейсу охватывает всю культурную сферу жизни российского общества. В условиях становления глобального медиарынка сегменты искусственного интеллекта ограничивают экономические права и свободы человека, так как в современной информационной экономике индивид теряет центральное место в системе влияния на массовое сознание [2].

В развитии неолиберального правопорядка наблюдаются признаки системного кризиса [10]. Американский политолог Вирджиния Ойбанк (Virginia Eubanks) последовательно демонстрирует негативное влияние цифровизации на благосостояние беднейших слоев населения [22]. Социальное неравенство в доступе к современным информационным технологиям в доктринальном контексте характеризуется как цифровой разрыв, который может иметь различные уровни и глубину [6; 15; 26; 27; 28]. Новые формы дискриминации подчеркивают актуальность теоретических представлений К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера о неравенстве, основанном на значительной дифференциации в капиталистической экономике с определенными моделями классов, власти и статуса в обществе. Проблемы иррациональности цифровой бюрократии прослеживаются в структуре глобального сетевого общества, его организационных основах и причинах неравенства на местном, национальном и глобальном уровнях [14; 17].

Растущая популярность «тактических медиа» [13] обусловлена качеством «информационно-цифровой революции» [5] и ее влиянием на трансформацию медиабизнеса при одновременном ускорении взаимосвязанных процессов конвергенции и глобализации медийных ресурсов. В связи с формированием глобальной медиасреды, интерактивно влияющей на практически все аспекты общественной жизни, политики, культуры и экономики, возникла необходимость изменений во многих экономических процессах в информационной индустрии, таких как: сбор, распространение, хранение информационных продуктов и материалов. Влияние цифрового разрыва на углубление социальной дискриминации становится все более очевидным трендом развития российского медиарынка.

Широко признано, что люди, рожденные после того как онлайн-технологии стали частью повседневной жизни, — «цифровые аборигены» значительно отличаются от тех индивидов, кто родился до эпохи интернета, — «цифровых мигрантов» [27, р. 49]. Психология потребления влияет на доступ к цифровым технологиям и отражается на способности использовать медиаресурсы для обеспечения жизненных возможностей и участия в современных бизнес-проектах. Цифровые технологии являются основным источником благосостояния в сетевом обществе, потому что они предоставляют доступ к услугам в тех сферах хозяйства, где наблюдается максимальный экономический эффект. Однако использование цифровых услуг сопряжено с социальным разрывом в уровне доходов населения, что в ситуациях, характеризующихся нехваткой ресурсов физической экономики, усугубляет существующее неравенство.

Цифровое неравенство в России. Данный феномен отражается в разделении поколений по предпочтениям в отношении источников информации, а также социальном неравенстве и культурном разрыве между элитой и средним классом, который лишает менее состоятельных людей возможностей использовать информационные технологии для улучшения собственного благосостояния. При этом

позитивная динамика в реализации права доступа к информации мало сказывается на уровне доходов населения. В 2018 г. 73% населения России имели доступ к сети интернет, при этом в 2017 г. аудитория Рунета составляла 71% населения страны, в 2010 г. больше половины граждан не пользовались интернетом (рис. 1). По прогнозным данным к 2020 г. доступ к сети интернет будут иметь до 85% россиян¹. Прослеживается тенденция к преодолению цифрового разрыва, которая заключается в том, чтобы помочь тем, у кого практически нет доступа к цифровому миру, и дать всем возможность использовать технологии экономически выгодными способами. Однако доступ к сети не гарантирует равенство цифровым мигрантам, и бедность остается проблемой российского общества.

Активность Правительства Российской Федерации направлена на содействие более широкому использованию интернета в образовательных и производственных целях путем реализации государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. 30.03.2018). Кроме того, центральными мероприятиями федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы» стали: модернизация инфраструктуры государственных сетей телевизионного вещания; перевод государственных сетей телерадиовещания на цифровые технологии; обеспечение населения Российской Федерации региональным цифровым эфирным телерадиовещанием; развитие новых видов телевизионного вещания, включая телевидение высокой четкости и с элементами интерактивности.

В условиях глобализации информационного пространства влияние научно-технического прогресса приводит к образованию новых информационных технологий, например, появилась возможность использовать совместно интернет и спутниковое телевидение. Информационные технологии стали основным источником увеличения числа новых видов СМИ, и, как следствие, новых услуг в глобальном медиапространстве. Технологические изменения облегчили разработку программного обеспечения для создания высококачественных видео, аудиозаписей, онлайн-презентаций и т.д. Кроме того, новые технологии позволили организовать социальные сети, интерактивные приложения и совместное использование медиаресурсов, создав новые дистрибуторские сети. Однако научно-технический прогресс, способствующий процессу конвергенции, становится первопричиной создания новых медиа, в результате чего возрастает конкуренция на рынке медиапродукции и становится меньше свободного времени у аудитории.

В современном медиапространстве у редакций средств массовой информации, деятельность которых основана на интернет-технологиях, сформировались определенные конкурентные преимущества над традиционными изданиями и программами, а именно: дешевизна, доступность в мировом масштабе, способность оперативно передавать и распространять информационный продукт. Эффективность цифровых технологий стимулирует становление плюрализма в медиасфере, позволяет распространять информацию независимо от государственных границ [8; 9].

В цифровой экономике роль информации повышается, а с развитием интернет-технологий ее количество увеличивается, в связи с чем остроту приобретает вопрос дефицита внимания, являющийся решающим фактором при работе с контентом и аудиторией. Процесс цифровизации повлиял не только на саму медиасистему, но и на потребителей в целом. Ввиду увеличения количества медиаплатформ возросло предложение самого контента. При этом прослеживаются изменения в по-

¹ Обзор российского медиарынка. [Электронный ресурс]. URL https://adindex.ru/specprojects/city-2018/presentations/171380_AdIndex%20City-Mediascope-160518_new.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

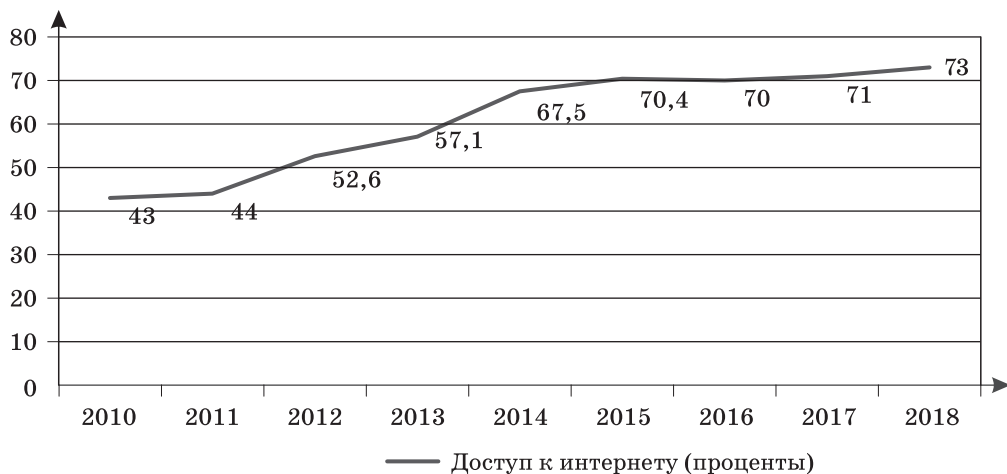

Рис. 1. Диаграмма динамики пользователей сети интернет в период 2010–2018 гг. [1; 12]
 Fig. 1. The chart of dynamics of Internet users during 2010–2018

ведении аудитории, которая отдает свое предпочтение активным способам потребления, создавая содержание вкупе с новыми формами сотворчества. По точному замечанию известного испанского социолога Мануэля Кастельса (Manuel Castells), в современном сетевом обществе основополагающим становится не сама информация как информационный ресурс, а сетевой способ ее хранения и распространения, а также сетевой способ коммуникации, уничтожающий вертикаль, иерархию и способствующий усилению демократического и экономического потенциала [19, р. 72–73].

Стремительное развитие интерактивных технологий и рост рынка цифровых средств массовой информации влекут за собой модернизацию методов потребления контента и меняют рекламный рынок. Трансформация онлайн-потребления привела к тому, что интернет-пользователи становятся более мобильными — объем мобильной аудитории превысил объем «десктопной» аудитории стационарных терминалов, составив в 2018 г. 91,4 млн чел. [1]. Цифровизация повлияла на изменение пользовательского восприятия рекламы и коммерческих медиаприложений. В этих условиях меняются рекламные продукты и способы их доставки аудитории современных медиа. В состоянии постоянной эволюции интернет предлагает рекламодателям широкий спектр ресурсов (социальных и мультимедийных), а также современные форматы рекламы (сайты, микросайты, лендинги, баннеры, rich-медиа рекламу, спонсорство и вирусный маркетинг), посредством которых предприниматели могут получить доступ к своей целевой аудитории, минуя ограничения традиционных СМИ.

Цифровые медиа в эпоху глобализации. Эти инструменты объединили мультимедийные форматы с возможностями электронных систем, современных телекоммуникаций, телевидения и компьютерных технологий [3]. Как известно, «глобальный цифровой разрыв в основном, но отнюдь не полностью, объясняется разницей в доходах населения» [20, р. 16]. Интернет, находясь в постоянном развитии, расширяет границы и возможности, не только предлагая рекламодателям большее число рекламных форматов, динамические рекламные баннеры и мультимедийную рекламу, посредством которой они могут достичь своей целевой аудитории за пределами наложенных ограничений традиционных СМИ, но и способствует глобализации потребления. С помощью цифровых медиа рекламодатели

могут охватить широкий круг целевых аудиторий в режиме 24/7. Цифровые СМИ с помощью интернет-технологий повлияли на создание универсальных институтов информационного общества — социальных сетей и онлайн-форумов, широко принятых народными массами без географических ограничений [26]. Интернет и социальные сети сделали доступным новостное и виртуальное взаимодействие между рекламодателями и потребителями рекламы на круглосуточной основе, что потребовало более привлекательного и интерактивного подхода к формату рекламных сообщений.

В условиях конкуренции в социально-экономической и технологической среде глобального информационного общества у рекламодателей возникает необходимость интерактивного взаимодействия со своей целевой аудиторией наиболее эффективными способами. В то время как традиционные формы СМИ продолжают охватывать конкретную ограниченную аудиторию, резкий рост числа цифровых и интерактивных СМИ способствовал тому, что тенденции распространения рекламы в неинтерактивной области стали носить депрессивный характер и привели к значительному снижению рекламных объемов в радиосегменте и прессе [1]. Газеты и журналы имеют ограничения в масштабах распространения, поэтому они адаптировались и перешли к онлайн-изданию, чтобы удержать и расширить охват целевой аудитории. Телевидение и радио также перешли на интернет-платформы, осваивая цифровой интерактивный телерадио формат. С наступлением интерактивного и цифрового века рекламодатели должны обратиться к интерактивной рекламе, чтобы обеспечить высокие социально-экономические показатели при охвате своей потенциальной аудитории.

Для всестороннего анализа последствий цифрового разрыва с целью прогнозирования и определения тенденций развития на медиарынке необходимо обобщить информацию по активности потребителей и рекламодателей на рекламном рынке, который является основным источником доходов редакций. Развитие отечественной медиаиндустрии отражается в положительной динамике роста рекламного рынка в России (рис. 2), составив в 2018 г. около 447,36 млрд руб., что на 12,4% больше показателей 2017 г. Однако по прогнозам экспертов рекламной группы GroupM Russia в 2019 г. рекламный рынок замедлится по сравнению с 2018 г., и объем рекламных бюджетов возрастет всего на 6,4%.

По динамике и объему сегментов телевидение и интернет в значительной степени преобладают, суммарно превысив за 2018 г. 83% от всех рекламных расходов. На отечественном рекламном рынке в 2018 г. телевидение достигло 40%, реклама в интернете возросла до 43%. По прогнозным данным GroupM в 2019 г. рекламные затраты в интернете превысят около 45%, в телевидении останутся на уровне 40% (рис. 3). Предполагается, что эфирное телевидение возрастет в общем объеме на 10,6%, а кабельное ТВ — на 30%.

Доля печати в 2016 составляла 5%, однако в 2017 и 2018 гг. сохранилась на уровне 4% как и радиореклама, никаких изменений в 2019 г. не предвидится, однако объем рекламного бюджета на радио снизится до уровня 3%. В подробной разбивке по медиасегментам реклама в сети интернет выросла на 40,3%, то есть видео и баннеры составили — 20,4%, контекст и реклама с оплатой за целевое действие — 19,9%¹.

Кризис 2015 г. отразился на сокращении рекламных доходов всех средств массовой информации, но не затронул проекты в интернете. В посткризисный период рекламные бюджеты СМИ начали расти, за исключением печатной прессы. По

¹ GroupM: в 2019 году рекламный рынок в России замедлится вдвое. Sostav [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/groupm-v-2019-godu-reklamnyj-rynok-v-rossii-zamedlitsya-vdvoe-33904.html> (дата обращения: 20.02.2019).

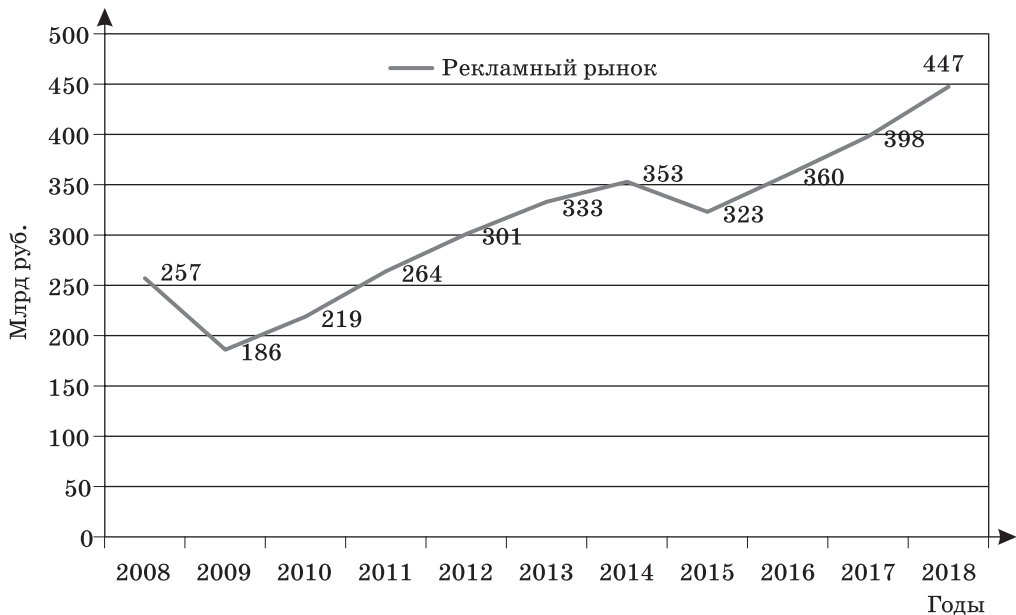

Рис. 2. Диаграмма динамики объемов рекламного рынка в России в период 2008–2018 гг. [1]

Fig. 2. The chart of dynamics of volumes of the advertizing market in Russia during 2008–2018

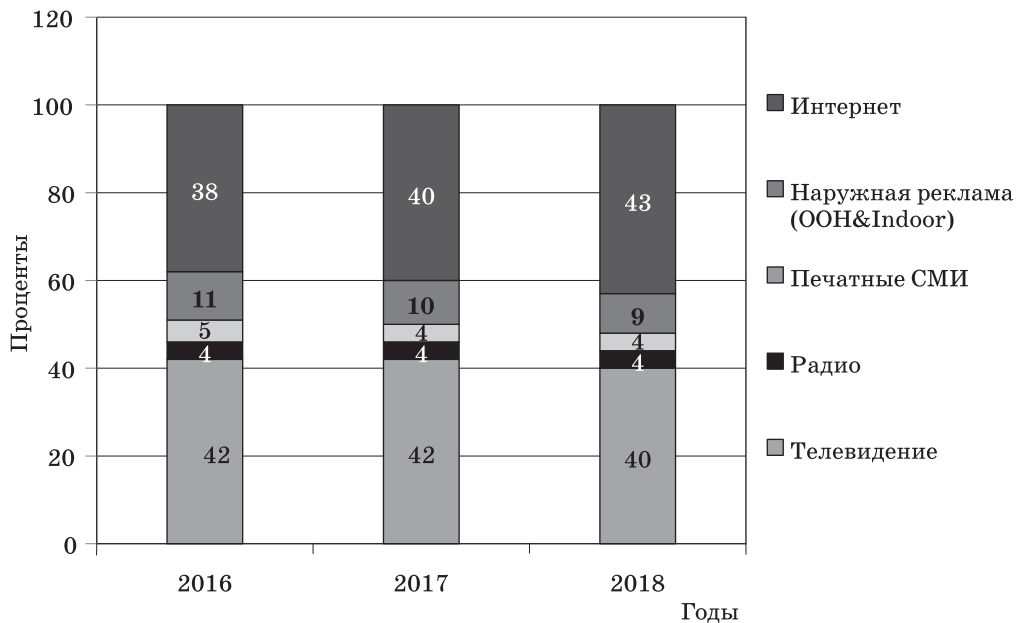

Рис. 3. Динамика объемов рекламного рынка по сегментам в период 2016–2018 гг. [1]

Fig. 3. Dynamics of volumes of the advertizing market on segments during 2016–2018

оценкам отраслевых экспертов, объем газетного и журнального рынка России, включающий доходы от рекламы и продаж, имеет тенденцию к ежегодному снижению, составив в 2013 г. 112,5 млрд руб., а в 2017 г. уже менее 100 млрд руб. Исследования Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) показали, что по сравнению с 2013 г., в 2017 г. объемы рекламы в отечественной прессе сократились на 12,5 млрд руб. без учета инфляции. Всемирная новостная и газетная ассоциация (WAN-IFRA) рекомендует организациям в печатной индустрии обратить внимание на инвестиции и технологии, а также на конвергенцию печатных форматов с телевизионными для снижения уровня расходов и наиболее эффективного извлечения выгоды от деятельности объединенных бизнес-возможностей.

Уровень доверия к традиционной журналистике несколько выше, чем к тактическим медиаресурсам, и составляет 59% против 37% на конец 2017 г., что, однако, дает весьма скромные конкурентные преимущества традиционным медиа в эпоху глобализации¹. Повышается роль сервисов скоростного мобильного интернета и видеоконтента, что связано с увеличением просмотров потокового видео наравне с качеством передачи контента.

Индекс медиактивности и потребление медиаконтента. Данные ключевые показатели остаются центральными показателями устойчивого развития медиарынка [2; 14]. По результатам исследования международной консалтинговой и аудиторской компании Deloitte общий индекс медиактивности вырос на 6%. В процессе неравномерного роста медиактивности россиян в 2018 г. доля традиционных СМИ на медиарынке постепенно снижается. Так, за 2018 г. наблюдается уменьшение активности чтения печатных СМИ, в то время как к 2019 г. прекратился спад объемов использования радио². Однако телевидение по-прежнему остается основным медиа для массового охвата населения, а аудиовизуальная реклама (онлайн-видео) предлагает рекламодателям более четкий таргетинг (выбор целевой аудитории из всего населения) и персонализацию маркетинговых сообщений. При этом телевидение является действенным инструментом для формирования знаний о конкретном бренде.

По данным Аналитического центра «Национальный рекламный альянс», динамика рекламного рынка по итогам 2017 г. составила 14% по отношению к 2016 г., а телерекламы — 13%³. По динамике и объему сегмента рекламного рынка по состоянию на 2017 г. лидерами стали телевидение и интернет. Суммарно на них в 2017 г. пришлось рекордные 81–82% всех рекламных расходов.

Известный российский медиааналитик И. В. Потоцкий обоснованно полагает, что развитие телеиндустрии ориентировано скорее на сеть интернет и агрегирование контента в незфирных средах, чем на расширение аудитории цифрового телевидения⁴. Тенденция монетизации телевизионного контента в незфирном пространстве становится наиболее актуальной в современной медиасфере. Представляет

¹ Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports> (дата обращения: 20.02.2019).

² Восстановление уровня лояльности к рекламе в интернете. Медиапотребление в России 2018. Исследовательский центр компании Deloitte в СНГ, М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/media-consumption-in-russia-2018-ru.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

³ Оценка Аналитического центра «Национальный рекламный альянс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.congress-nat.ru/data/documents/SLPiskarev_CongressNAT_25.10.2017.pdf (дата обращения: 20.02.2019).

⁴ Потоцкий И. Что, почем и почему нам показывает ТВ. Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tehn-column/internet-i-telekommunikatsii/58173-cto-pochem-i-pochemu-nam-pokazyvaet-tv> (дата обращения: 20.02.2019).

ся возможным негативное влияние цифрового разрыва на эфирное и кабельное телевидение, так как наиболее активная и молодая часть аудитории воспользуется интернет-ресурсами взамен программ цифрового телевидения. Следовательно, перераспределение рекламных бюджетов сведется не в пользу последнего. Распространенным явлением стало предоставление телевизионным каналом своего контента интернет-провайдерам на условиях распределения доходов от рекламы и ввиду наличия положительного опыта такой практики представляется возможным ее увеличение в будущем, поскольку повторное применение уже отработанного в эфире контента предполагает обретение телеканалами дополнительного источника доходов, не конкурирующего с использованием контента в эфире. Кроме того, первоначальный прокат телепродукта в эфире мотивирует аудиторию к просмотру того же контента в интернете.

Возрастные группы телевизионной аудитории в различной степени потребляют медийный контент, на что в значительной степени повлиял цифровой разрыв, поскольку с развитием технологий и ресурсов сети интернет, увеличением роста популярности социальных сетей телевидение перестает быть основным источником информации и домашним развлекательным досугом для всех «цифровых аборигенов» [27] и некоторой части адаптировавшихся мигрантов. Потребление телевизионных программ для молодежи реализуется через современные формы просмотра, которые остаются за рамками телевизионных измерений, в связи с чем постепенно снижаются объемы рекламных поступлений в бюджет телевизионных каналов.

Цифровой разрыв повлиял на разграничение телепотребления в виде двух технических каналов доставки контента: цифрового телевидения и ресурсов интернета. Телевизионный контент в современном мире стал доступен не только в процессе линейного вещания телеканалов, но и на площадках интернета, например, сайтах телеканалов, онлайн-кинотеатрах и видеохостингах. Таким образом, телевидением считается любой телевизионный контент, распространяемый посредством интернет-платформ и сервисов, при этом телевизионной рекламой признаются оплаченные рекламодателем сообщения, которые интегрированы в телевизионный контент, независимо от способа монетизации, то есть, в том числе, телевизионная модель (Big TV) или интернет-модель (VOD)¹. Таким образом, ключевой задачей в современной телевизионной индустрии при многообразии форматов вещания является создание эффективной технологии монетизации просмотра телевизионного контента во всех средах и форматах.

В условиях цифрового неравенства аудитория, имеющая доступ только к традиционным медиа, обеспечивает им надежную прибыль в связи с отсутствием альтернативы. В данной ситуации, с одной стороны, редакции традиционных СМИ могут злоупотреблять доверием лояльной им аудитории, с другой стороны, доходы редакций телерадиопрограмм имеют тенденцию к снижению ввиду увеличения доли пользователей сети интернет в России. Традиционные медиа, провоцируя углубление цифрового разрыва, конкурируют не столько друг с другом, сколько с сетевыми ресурсами на рынке свободного времени, где всем агрегаторам нового контента приходится вести конкурентную борьбу с интерактивными ресурсами, преобладающими в сети интернет.

Изменения на медиарынке под влиянием интернет-технологий определили интерактивные тенденции его развития. Современным трендом является переход традиционных каналов коммуникации в форме телепрограмм, радиостанций и прессы в виртуальную среду, а также переход пользователей социальных сетей в мес-

¹ Телевидение в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports> (дата обращения: 20.02.2019).

сенджеры, что создает необходимость для редакций искать новые способы доставки информации своей аудитории. На практике одним из решений данной задачи становится набирающая популярность, нативная реклама как коммерческий проект, реализуемый медийной платформой и брендом, который сотрудничает с конкретным ресурсом в медиапространстве.

В условиях растущей конкуренции за внимание аудитории и цифрового разрыва в глобальном информационном обществе многие стратегии экономического развития, воспринятые медиакорпорациями, основаны на совместном использовании контента и, следовательно, максимально полной эксплуатации активов интеллектуальной собственности (например, нетворкинг). Способность делиться контентом по всей сети означает, что стоимость исходного материала для копирования может быть распределена между гораздо более широкой читательской или зрительской аудиторией, и каждый партнер получает выгоду от доступа к более дорогостоящим элементам контента.

Перевод или переформатирование контента с одной медиаплатформы на другую имеет все больший экономический смысл в контексте глобализации и оцифровки, особенно во время социально-экономического кризиса. Технологический процесс, характеризующий западными учеными как «поточная передача контента» [16], предполагает скоординированное распространение содержания сообщений в нескольких форматах их доставки. Экономическая цель здесь состоит в том, чтобы получать прибыль не за счет использования контента, который привлекает массовую аудиторию, а за счет создания и использования лояльности бренда среди конкретной целевой аудитории.

Наиболее конкурентоспособной платформой для распространения контента цифровых медиа становятся мобильные устройства, которые в условиях цифрового разрыва оказываются под влиянием тактических медиа. Аудитория, использующая гаджеты, давно свыклась с фейковыми новостями, так как предполагает, что новости являются развлекательным контентом, подстраивающимся под разнообразные расширения экранов гаджетов. Более того, медийный контент становится индивидуально адресованным общением ввиду избытка информации, в итоге медиаресурсы предоставляют контент по запросу, ориентируясь на алгоритмы искусственного интеллекта. Таким образом, с появлением настраиваемого контента не только потребители сами фильтруют необходимую информацию, но и модули искусственного интеллекта адресно формируют повестку дня. Фактически около 50% аудитории предпочитают интерактивный подход к формированию повестки дня в противовес традиционному просмотру телевидения с заранее определенными временными параметрами демонстрируемых программ.

Закключение. В условиях цифрового разрыва целевая аудитория медиаплатформ гораздо больше сегментирована из-за появления большого количества ресурсов и ввиду требовательности зрителей к качеству информационного потока, наряду с их значительной поисковой активностью; внимание к рекламным сообщениям снижается. В связи с внедрением интерактивности основным решением становится переход к кроссмедийной рекламе, когда в основе медиапланирования лежит выбор не отдельных каналов коммуникации, а их комбинация. В результате появляется эффект синергии, являющийся результатом грамотного подбора каналов коммуникации, что позволяет максимально эффективно использовать рекламный бюджет.

Сохраняется тенденция к снижению монетизации печатных СМИ, поэтому ожидается, что рынок прессы будет сокращаться, поскольку современная аудитория привыкла получать новости в упрощенном режиме онлайн гораздо быстрее через мобильные носители. Цифровой разрыв повлиял и на способы создания контента, при котором исчезает граница между журналистом и аудиторией. Зрители при этом

способны самостоятельно выбирать источники из различных типов контента. В интернет-среде каждый может стать журналистом и создавать свой контент, самостоятельно привлекая свой круг читателей. В традиционных медиа функциональная роль журналиста требует определенной формально подтвержденной квалификации, опыта и навыков, тогда как практика показывает, что в тактических медиа нередко хватает одного лишь таланта и понимания интересов аудитории.

Таким образом, при явных конкурентных преимуществах медийных платформ интернета перед традиционными медиа сохраняется тенденция к увеличению численности аудитории интернета и, в частности, мобильной аудитории, поэтому предполагается, что наиболее конкурентоспособными платформами для распространения контента цифровых медиа станут мобильные устройства. При этом сам контент становится более индивидуален, вследствие чего изменяются пользовательское восприятие рекламы и коммерческих интеграций в медиа, а также рекламные продукты и способы их доставки целевой аудитории.

Цифровой разрыв, несомненно, повлиял на медиарынок, изменяя поведение аудитории и систему потребления как основного контента, так и рекламных продуктов, в связи с чем подходы к предоставлению информации у традиционных и цифровых медиа значительно разнятся. Уменьшение цифрового разрыва в России приведет к постепенному росту популярности тактических медиа и усилению конкуренции за внимание аудитории, при этом процесс цифровой трансформации систем электрической связи параллелен развитию медийного контента и новостных сервисов нового поколения.

Литература

1. *Абдрахманова Г. И.* [и др.]. Индикаторы цифровой экономики 2018: статистический сборник. М., 2018.
2. *Алексеев Г. В.* Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 8–19.
3. *Алексеев Г. В., Кириленко В. П.* Медиа право и виртуальная реальность // Россия в глобальном мире. 2015. № 7. С. 485–491.
4. *Алексеев Г. В., Морозов Г. Н.* Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны // Власть. 2017. Т. 25. № 6. С. 88–95.
5. *Глазьев С. Ю.* Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70–83.
6. *Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С.* Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120.
7. *Дятлов С. А., Селищева Т. А.* Информационное неравенство стран евразийского экономического пространства в условиях гиперконкуренции // Инновации. 2016. № 10. С. 50–56.
8. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Особенности правового положения субъектов международной журналистики // Управленческое консультирование. 2014. № 6. С. 24–32.
9. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38.
10. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54.
11. *Колобова Е. Ю.* Особенности функционирования российского медиарынка в условиях глобализации информационного пространства // Петербургский экономический журнал. 2018. № 4. С. 70–82.
12. *Колобова Е. Ю.* Управление конкурентоспособностью организаций кинопоказа : монография. СПб ГИКит. Санкт-Петербург, 2018. 228 с.
13. *Мельник Г. С.* Тактические медиа как протестный ресурс // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2017. № 2. С. 141–152.

14. Плаксин С., Абдрахманова Г., Ковалева Г. Интернет-экономика в России: подходы к определению и оценке // Форсайт. 2017. Т. 11. № 1. С. 55–65.
15. Aaronson S. A., Leblond P. Another Digital Divide: The Rise of Data Realms and its Implications for the WTO // Journal of International Economic Law 2018, Vol. 21. Is. 2. P. 245–272.
16. Albarran A. B. Handbook of Media Management and Economics. London : Mahwah. 2006.
17. Brake D. R. Are We All Online Content Creators Now? Web 2.0 and Digital Divides // Journal of Computer-Mediated Communication. 2014. Vol. 19. Is. 3. P. 591–609.
18. Castells M., Himanen P. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. Oxford University Press. Oxford, 2002.
19. Castells M. The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Information Age: Economy, Society and Culture. Wiley Blackwell Publishing, 2000.
20. Chinn M. D., Fairlie R. W. The Determinants of the Global Digital Divide: A Cross-Country Analysis of Computer and Internet Penetration // Oxford Economic Papers. 2007. Vol. 59. Is. 1. P. 16–44.
21. Couldry N., Hepp A. Conceptualising Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments // Communication Theory. 2013. Vol. 23. Is. 3. P. 191–202.
22. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. St. Martin's Press, 2018.
23. Hepp A. Hajarvard S., Lundby K. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society // Media, Culture & Society. 2015. 37 (2). P. 314–324
24. Mindell D. A. Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing Before Cybernetics. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2002.
25. Misonzhnikov B. Y., Teplyashina A. N., Melnik G. S., Pavlushkina N. A. at all. Media Holding Company as a System: Genesis, State and Prospects of Development // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. 6. N 2. P. 328–337.
26. Muschert G. W., Ragnedda M. The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective. Routledge, 2013.
27. Riordan M. A. The Digital Divide: Conveying Subtlety in Online Communication // Journal of Computers in Education. 2018. Vol. 5. Is. 1. P. 49–66.
28. Rogers S. E. Bridging the 21st Century Digital Divide // TechTrends. 2016. Vol. 60. Is. 3. P. 197–199.

Об авторе:

Колобова Евгения Юрьевна, доцент кафедры медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; jenechos@list.ru

References

1. Abdrakhmanova G. I. [etc.]. Indicators of digital economy 2018: statistical collection. Moscow, 2018. (In rus)
2. Alekseev G. V. Expansion of scopes of information technologies and information security of the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 5. P. 8–19. (In rus)
3. Alekseev G. V., Kirilenko V. P. Media law and virtual reality // Russia in the global world [Rossiya v global'nom mire]. 2015. N 7. P. 485–491. (In rus)
4. Alekseev G. V., Morozov G. N. Nationalization of a political class as factor of safety of the country // Power [Vlast']. 2017. V. 25. N 6. P. 88–95. (In rus)
5. Glazyev S. Yu. Information and digital revolution // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. N 1. P. 70–83. (In rus)
6. Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Prospects of the Russian information society: levels of a digital divide // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya]. 2019. V. 19. N 1. P. 108–120. (In rus)
7. Dyatlov S. A., Selishcheva T. A. Information inequality of the countries of the Eurasian economic space in the conditions of hypercompetition // Innovations [Innovatsii]. 2016. N 10. P. 50–56. (In rus)
8. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Features of a legal status of subjects of the international journalism // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 6. P. 24–32. (In rus)

9. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Political technologies and international conflict in information space of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10. N 4. P. 20–38. (In rus)
10. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural law and crisis of the liberal law and order // Messenger of the St. Petersburg University. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. N 1. P. 38–54. (In rus)
11. Kolobova E. Yu. Features of functioning of the Russian media market in the conditions of globalization of information space // St. Petersburg economic journal [Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal]. 2018. N 4. P. 70–82. (In rus)
12. Kolobova E. Yu. Management of competitiveness of the organizations of a film screening : monograph. SPb State Institute of Film and Television. St. Petersburg, 2018. 228 p. (In rus)
13. Melnik G. S. Tactical media as a protest resource // Modern periodicals in the context of communicative processes [Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov]. 2017. N 2. P. 141–152. (In rus)
14. Plaksin S., Abdrakhmanova G., Kovaleva G. Internet-economy in Russia: approaches to definition and assessment // Foresight [Forsait]. 2017. V. 11. N 1. P. 55–65. (In rus)
15. Aaronson S. A., Leblond P. Another Digital Divide: The Rise of Data Realms and its Implications for the WTO // Journal of International Economic Law 2018, Vol. 21. Is. 2. P. 245–272.
16. Albarran A. B. Handbook of Media Management and Economics. London : Mahwah. 2006.
17. Brake D. R. Are We All Online Content Creators Now? Web 2.0 and Digital Divides // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19. Is. 3. P. 591–609.
18. Castells M. Himanen P. The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. Oxford University Press. Oxford, 2002.
19. Castells M. The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Information Age: Economy, Society and Culture. Wiley Blackwell Publishing, 2000.
20. Chinn M. D., Fairlie R. W. The Determinants of the Global Digital Divide: A Cross-Country Analysis of Computer and Internet Penetration // *Oxford Economic Papers*. 2007. Vol. 59. Is. 1. P. 16–44.
21. Couldry N., Hepp A. Conceptualising Mediatization: Contexts, Traditions, Arguments // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. Is. 3. P. 191–202.
22. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. St. Martin's Press, 2018.
23. Hepp A., Hajarvard S., Lundby K. Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture and Society // *Media, Culture & Society*. 2015. 37 (2). P. 314–324.
24. Mindell D. A. Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing Before Cybernetics. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2002.
25. Misonzhnikov B. Y., Teplyashina A. N., Melnik G. S., Pavlushkina N. A. at all. Media Holding Company as a System: Genesis, State and Prospects of Development // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2015. Vol. 6. N 2. P. 328–337.
26. Muschert G. W., Ragnedda M. The Digital Divide. The Internet and Social Inequality in International Perspective. Routledge, 2013.
27. Riordan M. A. The Digital Divide: Conveying Subtlety in Online Communication // *Journal of Computers in Education*. 2018. Vol. 5. Is. 1. P. 49–66.
28. Rogers S. E. Bridging the 21st Century Digital Divide // *TechTrends*. 2016. Vol. 60. Is. 3. P. 197–199.

About the author:

Evgenia Yu. Kolobova, Associate Professor of Department of Media Technologies of St. Petersburg State Institute of Film and Television (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; jenechos@list.ru

Современные подходы к оценке эффективности инновационных проектов в области утилизации газовых выбросов нефтехимических производств

Ермишов К. В., Конягина М. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *konyagina-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность рассматриваемой в статье проблематики обусловлена высокой степенью заинтересованности развитых стран в реализации инновационных проектов, залогом успеха реализации которых является грамотный подход к анализу и оценке их экономических показателей. Статья посвящена анализу существующих подходов к оценке экономической эффективности инвестиционных проектов, связанных с внедрением инноваций. Авторами рассматривается ряд основных экономических показателей инвестиционных проектов на примере реализации инновационной технологии по каталитической утилизации газовых выбросов предприятий нефтехимической промышленности. В статье использованы описательно-сравнительный, математико-статистический и экономический методы оценки результатов анализа показателей эффективности инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, инновационный проект, экономическая оценка, показатели экономической эффективности, утилизация газовых выбросов

Modern Approaches to the Innovative Projects Effectiveness Evaluation in the Field of Utilization of Gas Emissions from Petrochemical Plants

Kirill V. Ermishov, Maria N. Konyagina*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *konyagina-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

The relevance of the economic issues discussed in the article is due to the high degree of interest of developed countries in the implementation of innovative projects. A competent approach to the analysis and evaluation of their economic indicators is the guarantee of their success. The article is devoted to the study of the analysis of existing approaches to assessing the economic efficiency of investment projects related to the introduction of innovations. The authors consider the key economic indicators of investment projects on the example of the implementation of innovative technology for the catalytic utilization of gas emissions from petrochemical enterprises. The descriptive-comparative, mathematical-statistical and economic methods for evaluating the results of the analysis of innovation performance indicators are used in the article.

Keywords: innovations, innovative project, economic evaluation, economic efficiency indicators, gas emissions utilization

Введение

Внедрение инновационных проектов для предприятий и корпораций экономически развитых стран является стратегически важной задачей. Разработка исключительных и радикально новых технологий, стремление качественного развития существующих инновационных решений — признак любой передовой инновационной политики как

отдельного предприятия, так и государства в целом. Так, например, в Российской Федерации стратегия инновационного развития¹ определяет следующие задачи для стимулирования роста инновационного сектора экономики: значительное увеличение количества высокотехнологичных промышленных производств, экспорта высокотехнологичных товаров, а также доли инновационной продукции на внутреннем рынке и т. д.

Успешная реализация инновационного продукта позволяет компаниям не только повысить свою конкурентоспособность, но и в случае разработки патентно-чистых изобретений выйти на совершенно иной тип реализации своей продукции — реализацию продукта на рынке без конкуренции или так называемый «голубой океан» [2]. «Голубой океан» представляет собой отрасли производства инновационной продукции или свободные участки рынка, являющиеся потенциальным источником получения сверхприбыли. Помимо «голубых океанов» выделяются также и «алые океаны», символизирующие все отрасли и рынки, представленные в мировом пространстве на данный момент. Деятельность в сфере алых океанов вынуждает компании быть готовыми к жесткой конкуренции, постоянной борьбе за занятую ими долю рынка. Работа в сфере голубых океанов, напротив, позволяет предприятиям устанавливать свои правила игры при реализации разработанной ими эксклюзивной и инновационной продукции.

Однако далеко не каждый продукт инновационной деятельности является успешным, так как зачастую разработка нового продукта или передового технологического процесса несет с собой определенные риски — как технические, так и финансовые. Для того чтобы определить целесообразность и рациональность вложения денежных средств в развитие инновационных проектов, необходима система показателей оценки эффективности продуктов инновационной деятельности, отвечающая требованиям современного рынка и учитывающая условия технологического развития, что определяет актуальность проблематики оценки экономических показателей эффективности инновационных проектов.

Эффективность инновационного проекта характеризуется системой экономических показателей, отражающих соотношение связанных с проектом затрат и результатов, позволяющих судить о его экономической привлекательности для участников, об экономических преимуществах одних проектов над другими. Объектом исследования в рамках статьи стал инновационный проект по утилизации выбросов летучих органических соединений в атмосферу, относящийся к сфере утилизации газовых выбросов нефтехимических производств, а предметом исследования выступает экономическая эффективность соответствующего инновационного проекта.

Целью исследования стала разработка актуальной системы показателей для оценки экономической эффективности инновационных проектов в сфере утилизации газовых выбросов нефтехимических производств. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: рассмотреть существующую методику оценки инновационных проектов; проанализировать систему показателей для оценки целесообразности реализации инновационных проектов; выявить специфику инновационных проектов в сфере утилизации газовых выбросов нефтехимических производств; определить целесообразность внедрения инновационного проекта по утилизации выбросов летучих органических соединений в атмосферу.

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf> (дата обращения: 20.04.2019).

1. Методы и инструменты оценки эффективности инновационных проектов

Изучению управления инновациями в современной науке уделено значительное место. Так, методологическими аспектами анализа инновационной деятельности в последнее время активно занимаются Т. Марчук, Д. Рыжаков, Г. Рыжакова, С. Стеценко [12] и др. Оценка эффективности инновационных проектов в отдельных областях также не оставлена в стороне: внимание уделено и социальной сфере (В. Глазгова, Е. Марченко [6]), и инновационной активности в реальном секторе экономики (Т.В. Малышева, А.И. Шинкевич, Е.В. Зеленкина [11]), и сельскому хозяйству (С.М. Резниченко, Ю.И. Бершицкий [15]) в сочетании с «зелеными» технологиями (Н.А. Товма [18]), и финансовым инновациям (М.Д. Миронова, А.И. Романова [13]). Развиваются также методические подходы к оценке инновационной деятельности в нефтегазовой сфере (М.Г. Глухова, А.А. Зубарев [7]). Н. Лашманова, М. Косухина и О. Сыроватская изучают управление активностью малых инновационных компаний [9]. А. Швецов в своей работе уделяет внимание оценке эффективности государственного стимулирования для территориального развития [17].

Несмотря на обилие работ, а также наличие публикаций в области инновационной деятельности в нефтегазовой промышленности, для России этот вопрос остается остроактуальным и востребованным. В существующих методических положениях, которые применяются для оценки эффективности инновационных проектов, часто приводится лишь описание методов оценки эффективности. В них не встречаются четкие алгоритмы отбора методов оценки экономической эффективности инновационных проектов в нефтехимической сфере. Необходимы новые принципы и подходы к оценке эффективности инновационных проектов в соответствии с характеристиками инновационных проектов, что подчеркивает актуальность исследуемой проблематики. Как наиболее точно рассчитать эффективность и перспективность внедрения инновационных проектов по переработке газовых отходов, как сделать выбор между проектами по переработке нефтегазовых отходов, а также ответить на многие другие вопросы еще предстоит проработать, что делает тему исследования актуальной и востребованной.

Применение современных и инновационных технологий по утилизации газовых выбросов для предприятий нефтехимических производств позволит сделать не только скачок в области охраны и защиты окружающей среды, но и поможет предприятиям достичь значительного экономического эффекта от реализации подобных проектов.

Согласно отечественному и зарубежному опыту оценки целесообразности реализации инновационных проектов, выбор оптимальных с экономической точки зрения проектов осуществляется с использованием сравнительных характеристик следующих показателей [1; 8; 10; 16]: срок окупаемости капитальных вложений (tok) — pay-back period method; чистый дисконтированный доход (ЧДД) — method of net present value (NPV); индекс доходности (ИД) — profitability index (PI); внутренняя норма доходности (ВНД) — method of internal rate of return (IRR). Рассмотрим их более детально.

1. Срок окупаемости капитальных вложений характеризует период времени, за который при заданных условиях доходы, генерируемые инвестициями, покрыли бы затраты на инвестиции.

Расчет срока окупаемости (формула 1 в табл. 1) представляет собой одновременно первый и самый простой этап оценки количественных характеристик проектов [5]. Его главным недостатком можно считать статичность. Иными словами, он не учитывает изменение стоимости денежных средств с течением времени. Тем не менее, срок окупаемости рассчитывается всегда из-за необходимости понимания срока отвлечения денежных средств из оборота компании или инвесторов при конкретных условиях. При малейшем изменении параметров проекта пересчитыв-

вается и срок окупаемости. Это первый, необходимый, но недостаточный этап оценки проекта.

2. Чистая приведенная стоимость (NPV) — абсолютный показатель оценки эффективности инвестиционных проектов, характеризующий прирост богатства акционеров. Чистый дисконтированный доход сопоставляет сумму потенциальных чистых денежных потоков, полученных за внедрение инновационного проекта, с размером инвестиций за период всего жизненного цикла проекта.

Определяется чистый дисконтированный доход по формуле 2 (см. табл. 1). По результатам расчетов в зависимости от величины NPV рекомендуется принимать следующий алгоритм принятия решения для дальнейшей реализации инновационных проектов: если $NPV > 0$, проект можно считать выгодным; если $NPV < 0$, проект исключается из дальнейшего рассмотрения; если $NPV = 0$, проект требует дополнительного анализа. Показатель чистой приведенной стоимости получил наибольшее практическое применение и стал одним из ведущих индикаторов для оценки эффективности инновационных проектов.

3. Индекс рентабельности инвестиций (PI) представляет собой отношение совокупного дисконтированного денежного потока к первоначальным инвестициям и по-

Система показателей для оценки целесообразности
Table 1. The system of indicators for expediency

Определение показателя	Обозначение показателя	Международное название
Срок окупаемости капитальных вложений — это показатель, определяющий временной период от начала реализации проекта (вложение средств) до полного покрытия расходов на него дисконтированными поступлениями денежных средств по этому проекту	t_{ok}	Pay-Back Period
Чистая приведенная стоимость — это абсолютный показатель эффективности инвестиционных проектов, характеризующий прирост богатства акционеров. Чистый дисконтированный доход сопоставляет сумму потенциальных чистых денежных потоков, полученных за внедрение инновационного проекта, с размером инвестиций за период всего жизненного цикла проекта	NPV	Net Present Value
Индекс рентабельности инвестиций — относительный показатель, характеризующий отношение суммы дисконтированных денежных потоков к первоначальным инвестициям	PI	Profitability Index
Внутренняя норма доходности — это особый показатель, который помогает оценить доходность и запас прочности проекта при увеличении ставки дисконтирования	IRR	Internal Rate of Return

казывает, сколько чистой приведенной стоимости приходится на единицу инвестированных денежных средств (формула 3).

По результатам расчетов в зависимости от величины PI рекомендован следующий алгоритм принятия решения для дальнейшей реализации инновационного проекта: если $PI > 1$, проект можно считать выгодным и реализовывать; если $PI < 1$, проект убыточен и его реализация требует дополнительной, особой аргументации.

4. Еще одним применяемым для оценки проекта показателем является внутренняя норма доходности (IRR), которая помогает оценить доходность и запас прочности проекта при увеличении ставки дисконтирования (см. формулу 4 в табл. 1). Сразу определим условие: при прочих равных условиях и при $IRR > k$ проект выгоден.

Внутренняя норма доходности помогает ранжировать проекты по степени их привлекательности, невзирая на размер первоначальных инвестиций и вид экономической деятельности, где реализуется проект. Этот довольно популярный показатель не лишен недостатков: невозможность учета реинвестиций и дохода в абсолютных величинах, а также зависимость от качества оценки потоков денежных средств. По сути, IRR — это ставка дисконтирования в условиях, когда приведенная стоимость проекта равна нулю. Поэтому для расчета внутренней нормы доходности применя-

Таблица 1

реализации инновационных проектов
assessment of innovative projects

Формула расчета показателя	Интерпретация переменных, применяемых в формуле расчета показателя
$t_{ok} = \frac{IC}{NI} \quad (1)$	IC — начальные инвестиции; NI — усредненное значение чистого денежного потока за определенный период времени
$NPV = \sum_{i=1}^n \frac{FCF_i}{(1+k)^n} - I_0 \quad (2)$	FCF_i — чистый денежный поток от реализации проекта за отчетный год; I_0 — объем инвестиций; n — порядковый номер года реализации проекта; k — ставка дисконтирования или требуемая норма доходности проекта
$PI = 1 + \frac{NPV}{I_0} \quad (3)$	NPV — чистая приведенная стоимость, которая сопоставляет сумму потенциальных чистых денежных потоков, полученных за внедрение инновационного проекта, с размером инвестиций за период всего жизненного цикла проекта. Расчет см. в формуле (2). I_0 — объем средств, инвестированных в проект в базовом периоде
$NPV(k = IRR) = 0 \quad (4)$ $NPV = -IC + \sum_{t=1}^N \frac{CF_t}{(1+IRR)_t} = 0 \quad (5)$	CF — суммарный денежный поток за период t ; t — порядковый номер периода; i — ставка дисконтирования денежного потока (ставка приведения); IC — сумма первоначальных инвестиций

ется та же формула, что и для определения чистой приведенной стоимости (см. формулу 5 в табл. 1).

В результате вычисления вышеперечисленных показателей принимается дальнейшее решение о целесообразности ведения инновационной деятельности в данном направлении [1; 3]. В случае, если срок окупаемости капитальных вложений минимальный и устраивает акционеров, чистый дисконтированный доход положительный и по своему абсолютному значению достигает максимума по отношению к другим проектам, индекс доходности больше единицы, внутренняя норма доходности больше ставки дисконтирования и дает определенный запас финансовой устойчивости инновационному проекту, данный проект рекомендуется к его практической реализации.

2. Исследование эффективности инновационного проекта по утилизации выбросов летучих органических соединений в атмосферу

Интенсивное развитие добычи, а теперь и активизация переработки углеводородов на территории Российской Федерации влечет за собой не только позитивные, но и негативные последствия. Так, технологические процессы различных производств сопровождаются выходом побочных продуктов. К ним следует отнести летучие органические соединения газовых выбросов, серьезно загрязняющие окружающую среду и нуждающиеся в дальнейшей утилизации.

Кроме того, что выбросы летучих органических соединений в атмосферу предприятиями нефтеперерабатывающего комплекса наносят вред экологической обстановке в регионе, их выбросы также влекут за собой определенную систему штрафных санкций. Именно поэтому в качестве примера оценки целесообразности внедрения инновационного проекта и апробации авторских разработок выбран проект внедрения инновационного проекта по утилизации газовых выбросов для нефтехимических производств в России — установки каталитического окисления газовых выбросов. Исходные данные, выбранные в качестве примера, по выбросам загрязняющего вещества (ЗВ) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика выброса загрязняющего вещества в атмосферу

Table 2. Characteristics of emissions of pollutant in the atmosphere

Наименование вещества	Объем выбросов, кг/ч
Масляный альдегид	135,5

Для расчета показателей, определяющих целесообразность внедрения проекта, следует учитывать, что нормативные выплаты, дополнительные повышающие и понижающие коэффициенты штрафов установлены Постановлением Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»¹. При превышении допустимого количества выбросов загрязняющих веществ сумма штрафов рассчитывается по формуле 6:

$$\Pi_{\text{ср}} = \sum_{i=1}^n M_{\text{ср},i} HK_{\text{от}} K_{\text{ср}}, \quad (6)$$

¹ О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах: Постановление Правительства РФ от 13.09.2016 г. № 913 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204671 (дата обращения: 28.11.2018).

где $M_{ср.i}$ — масса сверхбалансовых выбросов i -го компонента в окружающую среду (т); H — ставка платы за размещение отходов определенного класса опасности (руб./т); $K_{от}$ — дополнительный коэффициент к ставкам платы в отношении территории и объектов, находящихся под особой охраной в соответствии с законодательством; $K_{ср}$ — коэффициент к ставкам платы за выброс соответствующего загрязняющего вещества, равный 25.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 913, ставка платы за одну тонну газовых выбросов, содержащих загрязняющее вещество — масляный альдегид, составляет 365,8 руб./т. Применив формулу 6, несложно подсчитать ежегодные затраты предприятия на выброс этого загрязняющего вещества:

$$P_{ср.} = \frac{135,5 \frac{\text{кг}}{\text{час}} \cdot 24 \frac{\text{час}}{\text{день}} \cdot 365 \frac{\text{дней}}{\text{год}} \cdot 365,8 \frac{\text{руб.}}{\text{т}} \cdot 25}{1000 \frac{\text{кг}}{\text{т}}} = 10,8 \frac{\text{млн руб.}}{\text{год}}$$

Таким образом, можно утверждать, что внедрение установки каталитического обезвреживания газовых выбросов будет способствовать ежегодной экономии предприятию — заказчику 10,8 млн руб. Однако этого недостаточно для принятия решения. Для решения задачи по утилизации газовых выбросов предприятию необходимо заложить в свой бюджет совокупность из капитальных и эксплуатационных затрат. Под капитальными затратами в рассматриваемом случае понимаются затраты на приобретение оборудования, под эксплуатационными — затраты на обслуживание оборудования, рассматриваемого в инновационном проекте.

Согласно данным компаний, являющихся лидерами рынка технологий каталитической очистки газовых выбросов в РФ, стоимость оборудования подобной установки может составить около 20 млн руб. Дополнительные эксплуатационные затраты для предприятия могут составить около 1 млн руб. в год. Средний срок эксплуатации подобной установки составит 15 лет. Расчет основных экономических показателей эффективности инновационного проекта осуществлялся по формулам (2) и (3). Результаты расчета чистой приведенной стоимости (NPV) и индекса доходности (PI) при ставке дисконтирования, равной 7,75%, представлены в табл. 3. В результате расчета получаем суммарный NPV проекта, равный 65,2 млн руб., и индекс доходности проекта, равный 4,3.

Для визуализации результатов определения срока окупаемости инвестиционно-го проекта представим зависимость чистого дисконтированного дохода проекта от времени его реализации на графике (см. рис. 1).

Таблица 3

Результаты расчета NPV и PI предлагаемого к внедрению инновационного проекта

Table 3. Results of calculation of NPV and PI of the innovative project offered to introduction

Год	Инвестиции I_0 , млн руб.	Текущие затраты, млн руб.	Прибыль, млн руб.	FCF , млн руб.	NPV , млн руб.	PI
0	20	0	0	-20	-20	0
1	0	1	10,8	9,1	-10,9	0,5
2	0	1	10,8	8,4	-2,5	0,9
3	0	1	10,8	7,8	5,4	1,3
4	0	1	10,8	7,3	12,6	1,6

Год	Инвестиции I_0 , млн руб.	Текущие затраты, млн руб.	Прибыль, млн руб.	FCF , млн руб.	NPV , млн руб.	PI
5	0	1	10,8	6,7	19,4	2,0
6	0	1	10,8	6,3	25,6	2,3
7	0	1	10,8	5,8	31,5	2,6
8	0	1	10,8	5,4	36,9	2,8
9	0	1	10,8	5,0	41,9	3,1
10	0	1	10,8	4,6	46,5	3,3
11	0	1	10,8	4,3	50,8	3,5
12	0	1	10,8	4,0	54,8	3,7
13	0	1	10,8	3,7	58,5	3,9
14	0	1	10,8	3,4	62,0	4,1
15	0	1	10,8	3,2	65,2	4,3

Из графика видно, что срок окупаемости проекта составляет чуть более двух лет. На графике срок окупаемости соответствует точке (x) , то есть точке пересечения кривой $NPV(n)$ с осью OX (количеством лет реализации проекта). При этом площадь фигуры S_1 характеризует убыточную часть от реализации проекта, а площадь фигуры S_2 — его прибыльную часть. Чтобы найти внутреннюю норму доходности (IRR) проекта, проанализируем зависимость между чистым дисконтированным доходом и ставкой дисконтирования проекта (требуемой нормой доходности) (см. рис. 2).

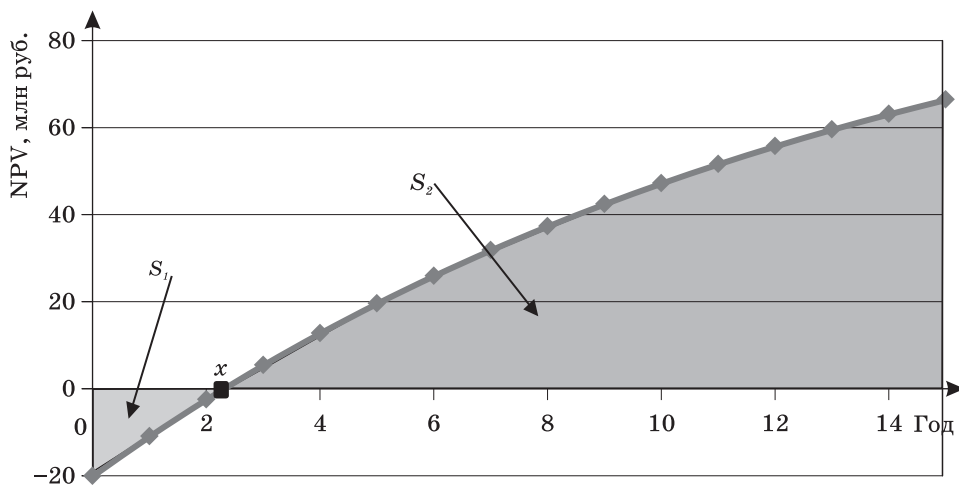

Рис. 1. График зависимости чистого дисконтированного дохода проекта от времени его реализации
 Fig. 1. The schedule of dependence of the net discounted income of the project from time of its realization

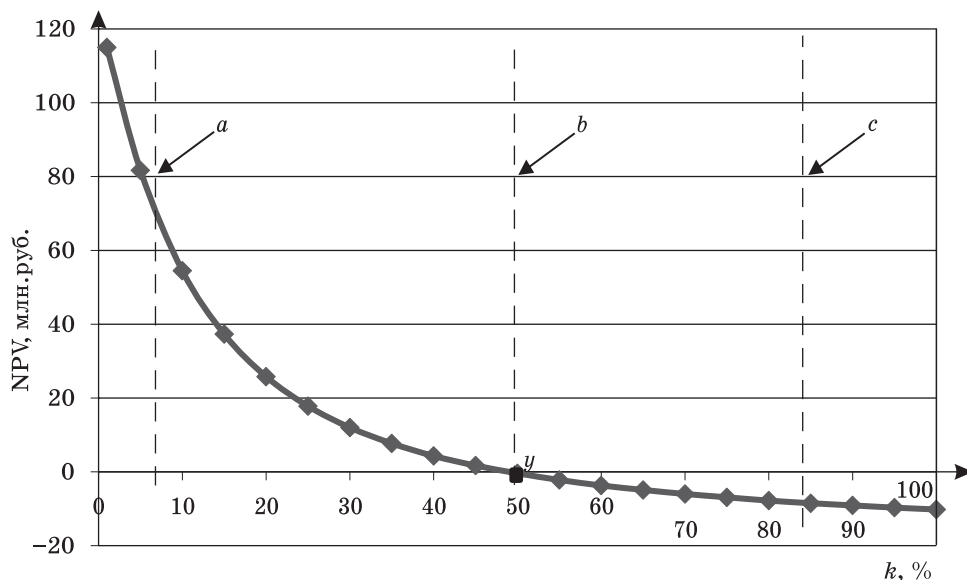

Рис. 2. График зависимости между чистым дисконтированным доходом и ставкой дисконтирования инновационного проекта

Fig. 2. The schedule of dependence between the net discounted income and a discount rate of the innovative project

3. Анализ результатов исследования

Визуализация исследуемой зависимости $NPV(k)$ (рис. 1, 2) показала, что при разных значениях ставки дисконтирования достигается разный экономический эффект. Так, например, при $k = 7,75\%$ значение чистого дисконтированного дохода характеризуется точкой пересечения кривой $NPV(k)$ с прямой (a) и в абсолютном выражении составляет 65,2 млн руб. При $k = 50\%$ значение чистого дисконтированного дохода характеризуется точкой пересечения (точка y) кривой $NPV(k)$ с прямой (b) и в абсолютном выражении составляет 0 млн руб. Данное значение k отвечает требуемому соотношению и является внутренней нормой доходности проекта. При $k > 50\%$, например, равном 84%, значение чистого дисконтированного дохода характеризуется точкой пересечения кривой $NPV(k)$ с прямой (c) и в абсолютном выражении составляет -8,5 млн руб. Таким образом, при $k > 50\%$ проект убыточен.

Стадия анализа полученных результатов представляет собой ключевой этап оценки показателей эффективности инновационных проектов. Это своего рода диагностика всего комплекса результатов, полученных с применением методики. Одновременно каждый показатель сам по себе неидеален. И в задачи эксперта, применяющего эту методику, входит не просто интерпретация результата, но и его сопоставление с накопленной практикой, а также экстраполяция на прогнозируемый результат внедрения инновационного проекта в области утилизации газовых выбросов.

Применительно к рассматриваемому проекту можно утверждать следующее.

1. Расчетный срок окупаемости проекта по поставке установки каталитического окисления газовых выбросов составит чуть более двух лет. Для предприятий нефтеперерабатывающего комплекса данное значение соответствующего показателя является приемлемым, проект рекомендуется к дальнейшему анализу показателей экономической эффективности.

2. Чистый дисконтированный доход проекта составит 65,2 млн руб. (табл. 3). Это означает, что в случае внедрения проекта на производство, предприятие сможет полностью уйти от выплат штрафных санкций и сэкономить в собственном бюджете около 65,2 млн руб. за 15 лет.

3. Расчетное значение индекса рентабельности (см. табл. 3) составило 4,3. Данный показатель означает, что при внедрении проекта в эксплуатацию предприятие с одной вложенной в реализацию денежной единицы получит выгоду в 4,3 денежных единиц.

4. Расчетное значение внутренней нормы доходности составило около 50%. Данный показатель характеризует такое значение ставки дисконтирования, при котором ЧДД равен 0. Таким образом, внутренняя норма доходности показывает максимальную цену проекта, при котором вложения останутся безубыточными. Так, например, если для финансирования проекта привлекаются заемные денежные средства кредитной организации, то внутренняя норма доходности продемонстрирует максимальную величину процентной ставки, которую данный проект способен окупить — в конкретно данном случае — 50%. Как видно, проект обладает весьма существенной финансовой устойчивостью.

Заключение

В процессе исследования были рассмотрены и проанализированы основные подходы к оценке показателей экономической эффективности инновационных проектов. В результате разработана методика оценки экономической эффективности реализации проектов применительно к процессам утилизации газовых выбросов (на примере загрязняющего вещества — масляного альдегида), что дает возможность ее применения к проектам по переработке любого типа газовых выбросов нефтехимических производств. Как и предполагалось, внедрение подобных проектов способно не только улучшить экологическую ситуацию, но и выгодно для предприятий с экономической точки зрения — проекты быстро окупаемы, имеют высокие показатели чистого дисконтированного дохода и индекса рентабельности, обладают высокой финансовой устойчивостью.

Очевидно, что в условиях постоянного ужесточения требований к показателям экологических норм выбросов побочных продуктов нефтехимических производств, ужесточения мер и санкций по отношению к нарушителям — внедрение инновационных проектов по утилизации газовых выбросов в обозримом будущем будет являться одним из ключевых факторов экономически эффективного функционирования предприятий.

Литература

1. Балакина Ю. Ю. Теоретические аспекты инновационной деятельности и пути внедрения инноваций в организации // Управление экономическими системами. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-puti-vnedreniya-innovatsiy-v-organizatsii> (дата обращения: 27.11.2018).
2. Ким У., Моборн Р. Стратегия голубого океана. М. : HIPPO, 2005.
3. Коссов В. В., Лившиц В. Н., Шахназаров А. Г. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: третья редакция, исправленная и дополненная. М. : Экономика, 2008.
4. Попов Е. В. Эконотроника // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 13–28.
5. Bruseva M. Financial-economic assessment of innovative projects. Department of International Economics and Politics. Varna Free University. Scientific technical conference «Innovations in engineering». 2015. P. 20–22.
6. Glazkova V., Marchenko E. Assessment of the efficiency of social innovative and investment projects according to the social sphere direction // Web of Conferences «International Science

- Conference SPbWOSCE-2017 “Business Technologies for Sustainable Urban Development”, 2018. P. 01049.
7. *Glukhova M. G., Zubarev A. A.* Development of the methodological approach to the assessment of the innovation position of oil and gas machine-building enterprises in the market // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2017. Vol. 7. N 5. P. 279–290.
 8. *Kharisova A. R., Puryaev A. S.* Research on the matters of innovative projects effectiveness evaluation // *Modern research of Social Problems*. 2013. N 8 (28).
 9. *Lashmanova N. V., Kossukhina M. A., Syrovatskay O. Y.* Of the activities of small innovative enterprises in the implementation of the technology consulting // *Proceedings of 2017 IEEE 6th Forum Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations)*, SPUE 2017. 2018. P. 175–176.
 10. *Maghsoudi S., Duffield C., Wilson D.* Innovation evaluation: Past and Current Models and Framework for Infrastructure Projects // *International Journal of Innovation Science*. 2015. N 7. P. 281–298.
 11. *Malysheva T. V., Shinkevich A. I., Zelenkina E. V., Denisov I. S. et al.* Development and concentration efficiency study of enterprises innovation activity in real sector of economy // *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12. N 7. P. 1347–1356.
 12. *Marchuk T., Ryzhakov D., Ryzhakova G., Stetsenko S.* Identification of the basic elements of the innovation-analytical platform for energy efficiency in project financing // *Investment Management and Financial Innovations*. 2017. Vol. 14. N 4. P. 12–20.
 13. *Mironova M. D., Romanova A. I., Fyodorova S. F., Dobroserdova E. A.* Features financial investment of innovations in the Russian economy // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. T. 15. N 17. P. 191–198.
 14. *Murgul V., Popovic Z.* Energy performance simulation and evaluation of various construction types for a residential building (international ODOO project) // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2018. Vol. 692. P. 563–576.
 15. *Reznichenko S. M., Bershitsky Yu. I., Shichiyakh R. A., Kurnosov S. A. et al.* Methodological characteristics for the efficient evaluation of investments in updating the technical basis of agricultural organizations dedicated to planting // *Espacios*. 2018. Vol. 39. N 31. P. 10.
 16. *Sedliachikova M.* Evaluation of economic efficiency of the investment project through controlling’s methods // *Forestry and Wood Technology*. 2013. N 84. P. 153–158.
 17. *Shvetsov A. N.* Growth points or black holes: how efficient are state stimulation tools for territorial development? // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. N 2. P. 108–119.
 18. *Tovma N. A.* Prospects of the development of the “green economy” at the global level // *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017. — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth 30, Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth*. 2017. P. 4712–4719.

Об авторах:

Ермишов Кирилл Вячеславович, аспирант кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); lskm2@mail.ru

Конягина Мария Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); konyagina-mn@ranepa.ru

References

1. *Balakina Y. Y.* Theoretical aspects of innovation activity and ways of introducing innovations in an organization. // *Management of economic systems*. 2016 [Electronic resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-innovatsionnoy-deyatelnosti-i-puti-vnedreniya-innovatsiy-v-organizatsii> (date of access: 27.11.2018). (In rus).
2. *Kim Wu., Moborn R.* *Blue Ocean Strategy*. M. : HIRRO, 2005. (In rus).
3. *Kossov V. V., Livshits V. N., Shakhnazarov A. G.* *Guidelines for evaluating the effectiveness of investment projects: Third edition, revised and supplemented*. M. : Ekonomika, 2008. (In rus).
4. *Popov E. V.* *Econotronics* // *Economy of the region*. 2018. Vol. 14. N 1. P. 13–28. (In rus).

5. Bruseva M. Financial-economic assessment of innovative projects. Department of International Economics and Politics. Varna Free University. Scientific technical conference «Innovations in engineering». 2015. P. 20–22.
6. Glazkova V., Marchenko E. Assessment of the efficiency of social innovative and investment projects according to the social sphere direction // Web of Conferences “International Science Conference SPbWOSCE-2017 “Business Technologies for Sustainable Urban Development” 2018. P. 01049.
7. Glukhova M.G., Zubarev A.A. Development of the methodological approach to the assessment of the innovation position of oil and gas machine-building enterprises in the market // International Journal of Energy Economics and Policy. 2017. Vol. 7. N 5. P. 279–290.
8. Kharisova A.R., Puryaev A.S. Research on the matters of innovative projects effectiveness evaluation // Modern research of Social Problems. 2013. N 8 (28).
9. Lashmanova N.V., Kossukhina M.A., Syrovatskay O.Y. Of the activities of small innovative enterprises in the limplementation of the technology consulting // Proceedings of 2017 IEEE 6th Forum Strategic Partnership of Universities and Enterprises of Hi-Tech Branches (Science. Education. Innovations), SPUE 2017. 2018. P. 175–176.
10. Maghsoudi S., Duffield C., Wilson D. Innovation evaluation: Past and Current Models and Framework for Infrastructure Projects // International Journal of Innovation Science. 2015. N 7. P. 281–298.
11. Malysheva T.V., Shinkevich A.I., Zelenkina E.V., Denisov I.S. at all. Development and concentration efficiency study of enterprises innovation activity in real sector of economy // Eurasian Journal of Analytical Chemistry. 2017. Vol. 12. N 7. P. 1347–1356.
12. Marchuk T., Ryzhakov D., Ryzhakova G., Stetsenko S. Identification of the basic elements of the innovation-analytical platform for energy efficiency in project financing // Investment Management and Financial Innovations. 2017. Vol. 14. N 4. P. 12–20.
13. Mironova M.D., Romanova A.I., Fyodorova S.F., Dobroserdova E.A. Features financial investment of innovations in the Russian economy // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. T. 15. N 17. P. 191–198.
14. Murgul V., Popovic Z. Energy performance simulation and evaluation of various construction types for a residential building (international ODOO project) // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 692. P. 563–576.
15. Reznichenko S.M., Bershitsky Yu.I., Shichiyakh R.A., Kurnosov S.A. at all. Methodological characteristics for the efficient evaluation of investments in updating the technical basis of agricultural organizations dedicated to planting // Espacios. 2018. Vol. 39. N 31. P. 10.
16. Sedliachikova M. Evaluation of economic efficiency of the investment project through controlling’s methods // Forestry and Wood Technology. 2013. N 84. P. 153–158.
17. Shvetsov A.N. Growth points or black holes: how efficient are state stimulation tools for territorial development? // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7. N 2. P. 108–119.
18. Tovma N.A. Prospects of the development of the “green economy” at the global level // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 — Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth 30, Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. 2017. P. 4712–4719.

About the authors:

Kirill V. Ermishov, Postgraduate Student of the Chair of Economics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); lskm2@mail.ru

Maria N. Konyagina, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); konyagina-mn@ranepa.ru

Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия*

Рукинов М. В.

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a97440533@protonmail.com

РЕФЕРАТ

В статье выполнен анализ структуры антироссийских санкций с точки зрения их цели и используемых инструментов. Показано, что санкции направлены на ограничение притока финансов в России и на противодействие технологическому развитию нашей страны. Выполнен анализ политики импортозамещения как инструмента противодействия санкциям, показана ее ограниченность. Сформулированы рекомендации по разработке комплексной антисанкционной стратегии.

Ключевые слова: санкции, импортозамещение, внешний рынок, финансовая система

Anti-Russian Sanctions: Structure and Strategies of Counter-Action

Maksim V. Rukinov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; a97440533@protonmail.com

ABSTRACT

The paper contains an analysis of the structure of the anti-Russian sanctions from the point of view of their goals and tools that are used. It is demonstrated that the sanctions aim at the limitation of capital inflow into Russia and at countering technological development of our country. The policy of substitution of import as an anti-sanction tool is analyzed. It is demonstrated that this policy is limited. Recommendations for the complex anti-sanction strategy are formulated.

Keywords: Sanctions, substitution of import, external market, financial system

После 2014 г. против Российской Федерации применяются непрерывно ужесточающиеся меры экономического и политического давления (санкции), цель которых заключается в принуждении нашей страны к отказу от самостоятельной политики [23]. Сущность этих санкций состоит в ограничении доступа России к мировому рынку, что не позволяет нашей стране использовать потенциал глобальной экономики в интересах собственного развития. Эффективность такого санкционного подхода основывается на том, что после 1991 г. Россия стала участником мировой системы разделения труда (к сожалению, на достаточно невыгодных для себя условиях), что привело к ее экономической зависимости от мировых рынков (на которых наша страна либо приобретает необходимые ей ресурсы, в том числе и для обеспечения функционирования стратегических отраслей, таких, как нефтегазовый комплекс или ОПК [10; 15], либо продает свою продукцию и тем самым обеспечивает себе валютную выручку).

С момента начала активного санкционного давления против нашей страны прошел уже достаточный срок, который позволяет выполнить как анализ сущности санкционных мер, так и эффективности антисанкционной политики Российской Федерации).

* ГРНТИ 06.51.51.

Действующие санкционные ограничения проявляются в ряде форм (мы не рассматриваем запреты на поставки в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации и говорим лишь о санкциях, которые затрагивают хозяйствующих субъектов за пределами военной организации РФ) [7; 11; 14].

1. Запрет (или жесткие ограничения) на поставки в Россию высокотехнологичных товаров и услуг в целях снижения эффективности национальной экономики и ограничения экономического потенциала нашей страны [17] (и, как следствие, финансовой базы государственного бюджета). Этот запрет охватывает, в частности, современное прецизионное машиностроительное оборудование, передовые технологии для нефтегазовой промышленности и т.д. Его следствием является усложнение технического перевооружения промышленных предприятий, замедление ввода в эксплуатацию новых месторождений, невозможность выпуска высокотехнологичной продукции (в частности, продукции ОПК) и т.д. Фактически речь идет о консервации технологической отсталости нашей страны. Запрет на поставки технологий для нефтегазового комплекса хорошо известен, в качестве еще одного примера можно привести запрет на продажу материалов для производства крыльев для совместного российско-китайского авиалайнера МС-21.

Необходимо отметить, что США вместе со своими союзниками после 1945 г. (когда в полной мере была осознана важность технологий для обеспечения экономического роста) активно противодействовали технологическому развитию тех стран, в которых они видели угрозу своему экономическому лидерству и реализовывали стратегию контролируемого технологического отставания (организационным инструментом осуществления которой был КОКОМ) [18]. Даже после отказа СССР от противостояния и последующего распада социалистической системы ограничения на поставку высокотехнологичной продукции в Россию сохранялись (что не позволяло нашей стране занять значимое место в глобальных производственных цепочках [9]). Таким образом, действующие сейчас против России санкции не являются чем-то новым — речь идет об ужесточении политики технологических ограничений, но не о принципиально новой стратегии США и их союзников в отношении нашей страны.

2. Запрет на долгосрочное финансирование ключевых банков и предприятий нефтегазового сектора, что усложняет финансирование национальной экономики и наносит косвенный удар по бюджету РФ (который вынужден замещать за счет собственных ресурсов выпавшее внешнее финансирование). Санкционные ограничения в этой области будут непрерывно расширяться, в частности, обсуждаются перспективы запрета на операции с государственным долгом нашей страны.

3. Запрет на сотрудничество зарубежных покупателей с предприятиями российского ОПК (примерами могут быть запрет на проведение платежей в долларах США для «Росвооружения», открытое противодействие поставкам российских комплексов ПВО С-400 в адрес Турции и Индии и т.д.). Сущность этих мер заключается в ограничении финансирования российского ОПК за счет международных продаж (что косвенно препятствует инновационному развитию российской экономики в целом, поскольку отечественный ОПК является одной из немногих отраслей, в которой сохранилась ориентация на технологические инновации собственной разработки), удорожании военной техники для ВС РФ (снижение международных продаж устранил эффект экономии на масштабе производства в ОПК) и снижении эффективности ОПК в целом (что приведет к падению обороноспособности России).

4. Противодействие наращиванию российского нефтяного и газового экспорта (самым ярким примером выступает давление на газопровод «Северный поток-2»). Суть этих мер аналогична запрету на экспорт нефти и газа, наложенному на Иран, — ограничение притока денег в российскую экономику, подрыв ее ресурсной обеспеченности, создание дисбаланса между потребностями государства и нацио-

нальной экономики в целом в финансировании и возможностями привлечения финансовых ресурсов.

Отметим, что перечисленные выше меры не только снижают эффективность российской экономики, но и прямо или косвенно подрывают обороноспособность нашей страны [10]. Это происходит за счет:

- недопущения к технологиям и элементной базе, необходимым для производства вооружений и военной техники;
- сокращения возможностей финансирования ОПК и, как следствие, урезания оборонных программ (примером может быть отказ от разработки межконтинентальных ракет железнодорожного базирования «Баргузин»);
- ограничения возможностей международных продаж российской военной техники и вооружений, что снижает эффективность ее производства и приводит либо к росту затрат российского бюджета на ее разработку и приобретение, либо к отказу от производства отдельных моделей.

Таким образом, санкции имеют комплексный характер. Однако в данном исследовании мы будем анализировать преимущественно экономические аспекты санкций.

Проделанное выше описание направлений санкционного давления на российскую экономику позволяет установить структуру санкций с точки зрения тех целей, для достижения которых осуществляется давление, и используемых инструментов санкционного принуждения (см. табл). Уточним, что в таблице речь идет об экономических целях давления, но эти цели являются промежуточными (общей и конечной целью давления является принуждение России к отказу от своего внешнеполитического курса; имеет место ориентация на принуждение России к отказу от политического суверенитета путем лишения ее суверенитета экономического).

Анализ таблицы позволяет произвести предварительную оценку эффективности мероприятий по противодействию санкционному давлению.

В качестве ведущей антисанкционной стратегии в нашей стране выступает импортозамещение, т. е. развитие собственных производств тех ресурсов, в доступе к которым России откато. Выбор такой стратегии очевиден, поскольку нашей стране в ситуации невозможности приобретения этих ресурсов на мировом рынке необходимо найти их альтернативный источник [3; 5; 6; 8; 12; 16; 19; 20; 22]. Интересно отметить, что по отдельным видам ресурсов Россия сама стимулирует импортозамещение, введя запрет на их поставки из-за рубежа (речь идет о продовольственном эмбарго и опирающемся на него аграрном импортозамещении [21]).

Приоритетом является создание в нашей стране инновационных промышленных производств, позволяющих сформировать полноценные цепочки создания ценности по выпуску высокотехнологичной продукции в интересах ключевых отраслей отечественной экономики (нефтегазовый комплекс, включая разведку, добычу, переработку и транспортировку, особое значение имеет освоение технологии сжижения газа; горнодобывающая промышленность; ОПК; авиастроение, где остро стоят вопросы автоматизации, микроэлектроники и материаловедения; станкостроение и т. д.). Определенные успехи в этом направлении достигнуты, в частности, активно развиваются нефтегазовые технологии [13], постепенно создается спрос на продукцию отечественного станкостроения со стороны предприятий ОПК и т. д. Важным результатом следует считать готовность отечественной промышленности обеспечить композитными материалами проект МС-21 (интересно, однако, что работа над импортозамещающими композитами началась задолго до введения санкций против этого проекта, но при этом вплоть до самого последнего момента оператор проекта все равно ориентировался на поставки композитов из-за рубежа).

Структура мер экономического давления на Россию
 Table. Structure of measures of economic pressure upon Russia

		Цель давления	
		Ограничение притока финансов в Россию	Ограничение технологического развития России
Инструменты давления	Ограничения на поставку в Россию	I. Запрет на долгосрочное финансирование российских банков и компаний. Запрет (перспективный) на операции с госдолгом России	II. Запрет на поставки российским компаниям передовых технологий и высокотехнологичного оборудования в ряде отраслей
	Ограничения на поставки из России	III. Противодействие экспорту нефти и газа из России	IV. Противодействие экспорту продукции российского ОПК

Последний эпизод иллюстрирует тот факт, что, несмотря на заявленную важность импортозамещения, при реализации стратегических проектов в нашей стране предпочтение зачастую отдается закупкам у иностранных поставщиков (из государств, не присоединившихся к санкциям против России или даже из государств, которые поддерживают санкции, — в надежде на то, что санкции соответствующие поставки затронут не сразу) вместо размещения заказов у отечественных производителей (даже в тех случаях, когда в нашей стране уже существуют или создаются собственные производства). Вероятно, это связано с более высокой репутацией иностранных поставщиков и с меньшими рисками покупателей, а также с тем, что иностранные компании могут предложить более выгодные условия продажи. Иными словами, стратегия импортозамещения реализуется не в полном объеме, и к подлинному импортозамещению предприятия приступают нередко только в том случае, когда доступ к иностранной продукции закрыт. Это позволяет говорить о том, что в отечественной экономике формируются две группы компаний:

- лидеры рынка, которые предпочитают закупать продукцию у проверенных иностранных поставщиков;
- инноваторы, которые на свой страх и риск инвестируют в разработку импортозамещающей продукции даже при отсутствии заказов со стороны потенциальных потребителей (упомянутых выше лидеров).

Проблема заключается в том, что поддержка инноваторов со стороны лидеров минимальна, и необходимо принимать меры к тому, чтобы российские компании (в первую очередь — компании с государственным участием) переходили к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающей продукции и инициировали создание импортозамещающих производств, не дожидаясь введения санкций.

Тем не менее импортозамещение в сфере передовых технологий устраняет (или, точнее, в перспективе позволит устранить) лишь те негативные эффекты санкций, которые связаны с квадрантом II табл. Ясных стратегий, которые позволили бы элиминировать риски, связанные с остальными квадрантами табл., пока предложено не было. Ниже мы рассмотрим, как отсутствие этих стратегий препятствует обеспечению национальной экономической безопасности и какие угрозы оно создает для реализации стратегии импортозамещения. Важность последнего аспекта хотелось бы подчеркнуть особо. Санкции, направленные на подавление экономи-

ческого потенциала нашей страны, несут комплексный характер. Столь же комплексными должны быть и меры противодействия им. Если противодействие санкциям будет точечным, то, во-первых, полностью нейтрализовать негативный эффект санкций не удастся и, во-вторых, сами эти точечные меры не будут достаточно успешными из-за того, что они не поддерживаются другими антисанкционными мероприятиями.

Прежде всего, импортозамещение, осуществляемое исключительно в интересах российской экономики для обеспечения ее технологиями собственной разработки, альтернативными западным, в современных условиях будет заведомо неэффективным и ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет. Фактически есть риск того, что проводимое импортозамещение превысит возможности национальной экономики и подорвет ее — в полном соответствии с ожиданиями государств, вводящих против России санкции. Именно перенапряжение российской экономики, по мнению специалистов Rand Corporation, должно стать главным оружием США и их союзников в разворачивающемся геополитическом противостоянии [24], и проводимое импортозамещение, т. е., по сути дела, дублирование в локальном масштабе глобальных производственных цепочек может быть эффективным инструментом такого перенапряжения.

Экономика в настоящее время носит глобальный характер, и задача отдельных национальных экономик заключается не в выстраивании автаркического хозяйства, а в использовании преимуществ глобального разделения труда [9; 12]. Полностью замкнутые в пределах одной страны производственные цепочки (которые сейчас выстраиваются в нашей стране) будут заведомо неэффективны по сравнению с глобальными производствами. Эта неэффективность обуславливается тем, что глобальные цепочки, во-первых, получают выгоду от наиболее эффективного размещения производств в разных странах, и, во-вторых, получают гораздо большую экономию на масштабе. В случае национальных производственных цепочек эти факторы отсутствуют. Это означает, что нашей стране необходимо сохранять хозяйственные связи с иностранными компаниями из дружественных России государств в рамках единых цепочек создания ценности, но при этом развивать в нашей стране те этапы производств, которые имеют стратегическое значение для национальной экономической безопасности. Иными словами, необходимо находить оптимальный с точки зрения долгосрочных интересов нашей страны баланс внешних и внутренних ресурсов. Пока же такой баланс не найден. Либо декларируется стремление к полному импортозамещению (и это ведет к тому, что импортозамещение будет осуществляться ради импортозамещения, поскольку это позволяет осваивать средства и позволяет прикрыть рыночные провалы декларациями об ориентации на стратегические интересы государства), либо сохранится старая модель использования исключительно иностранных ресурсов (изменились лишь страны, из которых осуществляются поставки).

Далее, рынок нашей страны сравнительно невелик по сравнению с ведущими экономическими центрами мира (Евросоюз, США, Китай) и предполагаемый объем спроса на импортозамещающую продукцию будет мал. Это означает, что необходимо обеспечить сбыт производимой продукции на мировом рынке, т. е. развивать экспорт (с похожей проблемой столкнулись российские аграрии, которые нарастили производство свыше возможностей отечественного рынка, и в настоящее время вынуждены развивать международные продажи в условиях достаточно жесткой конкуренции; их рентабельность сильно сократилась из-за перенасыщения российского рынка, и ряд крупных компаний закрыли отдельные направления или полностью прекратили свою деятельность). Однако США и их союзники будут стремиться перекрыть возможности сбыта российской продукции — как из-за стремления подавить экономический потенциал нашей страны, так и из-за желания не

допустить конкуренции со стороны российских производителей (как это имеет место в случае проекта МС-21).

Ключевой задачей в этом случае становится формирование внешнего рынка для сбыта отечественной продукции, защищенного от потенциальных санкций. Аналогом такого рынка во времена СССР была мировая социалистическая система, в рамках которой в первую очередь осуществлялись произведенные в социалистических странах товары с высокой добавленной стоимостью (в том числе и высокотехнологичные). В этом контексте следует подчеркнуть особо политику Китая, поскольку он в настоящее время сам выстраивает собственный международный рынок для обслуживания своих экономических интересов на основе проекта «Один пояс, один путь». Это показывает, что даже государство со столь емким внутренним рынком, как Китай, нуждается во внешних партнерах для сбыта своей продукции, чтобы обеспечить эффективность своей экономики, и подтверждает наш тезис о необходимости выстраивания для России собственного внешнеэкономического рынка для сбыта конечной продукции.

Сразу следует уточнить, что в качестве такого внешнего рынка не может выступать Китай. Он заинтересован в использовании России как рынка сбыта и как ресурсной базы для своей экономики. Те же высокотехнологичные товары, которые Россия может ему предложить, Китай предпочтет не закупать, а копировать.

Энтузиазм относительно перспектив сотрудничества с Китаем, который нередко демонстрируется в российских аналитических работах и новостных публикациях, нам представляется неоправданным. Китай не заинтересован в выстраивании долгосрочных отношений с Россией в ущерб отношениям с США. Китай не будет — в силу разницы в масштабах экономики — рынком сбыта для нашей страны. Наконец, простая переориентация на Китай тех торговых потоков, которые раньше имели место или предполагались со странами, оказывающими санкционное давление на Россию, будет означать замещение зависимости от одних рынков сбыта (Европа) зависимостью от других рынков, но только зависимостью более жесткой, поскольку Пекин не преминет воспользоваться изоляцией России в своих интересах [15].

Это означает, что гипотетическое российское внешнеэкономическое пространство должно быть достаточно диверсифицированным, чтобы избежать зависимости от одного партнера.

В настоящее время такой рынок теоретически может быть создан на основе стран, проводящих независимую от коллективного Запада политику, но при этом не претендующими на то, чтобы стать самостоятельными центрами силы (как это имеет место в случае Китая и Индии), но, с другой стороны, обладающих достаточно емкими рынками, на которых российская продукция будет конкурентоспособной. Проблема, однако, заключается в том, что эти страны в большинстве своем либо неплатежеспособны (Куба, Венесуэла, КНДР), либо их самостоятельная политика не имеет под собой никаких иных оснований, кроме устремлений их диктаторского руководства (иными словами, она не подкреплена экономическими и политическими факторами), и сотрудничество с Россией будет исключительно конъюнктурным и привязанным к фигуре правителя, либо по своему технологическому потенциалу сопоставимы с Россией и сами стремятся к лидирующим позициям (Турция, Бразилия; в частности, Турция заинтересована не просто в покупке российской военной техники, а в локализации военных производств), либо за них конкурируют иные центры силы, кроме России (большую активность проявляет Китай), либо они находятся на большем удалении от России, что затрудняет взаимные поставки (ЮАР). Разумеется, для отдельных государств эти факторы совпадают. Это сильно ограничивает выбор потенциальных направлений сотрудничества. Безусловно, партнерство надо раз-

вивать даже с такими неудобными контрагентами, но при этом всецело обеспечивая экономические и политические интересы нашей страны (так, как это делает Китай, который получает контроль над значимыми активами в тех странах, в которых реализует свои проекты).

Наиболее перспективным, на наш взгляд, с точки зрения сбыта высокотехнологичной продукции в настоящее время выступает партнерство с такими странами, как Пакистан, Бангладеш и Вьетнам. Несмотря на то, что на доминирование на этих рынках ориентируется Китай, эти государства сами по себе достаточно крупны с экономической точки зрения, чтобы быть заинтересованными в наличии альтернативного центра силы среди своих партнеров. Эта ориентация соответствует декларируемому «повороту на Восток» [4].

Что касается экспорта сырьевых товаров, и прежде всего — нефти и газа, то необходимо, помимо сохранения доли рынка в Европе, стремиться обеспечить поставки в Юго-Восточную Азию (в первую очередь — сжиженного природного газа). При этом, разумеется, следует наращивать глубину переработки российского сырья, чтобы максимизировать валютную выручку и уйти от конкуренции исключительно на сырьевом рынке. Приоритетными направлениями аграрного экспорта выступают, по нашему мнению, также страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки.

Логичным было бы выстраивать внешний рынок на основе ЕАЭС, однако входящие в него государства, несмотря на дружественные декларации, проводят по отношению к России очень осторожную внешнюю политику и находятся под сильным влиянием других центров силы (ЕС, США, Китай). Кроме того, будучи в прошлом частью СССР, они опасаются усиления экономических позиций России у себя, поскольку воспринимают это как угрозу своему суверенитету. Наконец, зная о заинтересованности России в политическом сотрудничестве, эти страны склонны выставлять завышенную цену (в частности, в виде экономических преференций) за возможность партнерства (которое, к тому же, чаще всего является не реальным, а фиктивным; наглядным примером служит Белоруссия, активно противодействующая соблюдению режима продовольственного эмбарго, но при этом длительное время получавшая высокие доходы от реэкспорта российской нефти и нефтепродуктов). Безусловно, работу над сотрудничеством с этими государствами следует продолжать, однако чрезмерные надежды с ними связывать не стоит.

Однако даже выстраивание собственного международного рынка сбыта устраняет только проблемы, связанные с квадрантами III и IV, при этом нерешенным остается вопрос с финансовым обеспечением российской экономики (квадрант I). Предполагается, что его также можно решить при помощи импортозамещения, т. е. замещения внешних источников денежных средств внутренними, однако на практике этого не произошло. Полноценная самостоятельная финансовая система в нашей стране еще не выстроена. Банки крайне настороженно относятся к кредитованию бизнеса. В настоящее время основным источником финансирования народного хозяйства становится государство (либо напрямую, либо через квази-государственные банки). Хотя важность госбюджета как источника финансирования отрицать нельзя [1], его также не следует рассматривать в качестве ведущего источника средств для национальной экономики, а сейчас имеет место именно такая ситуация. Это ограничивает потенциал роста и, кроме того, ведет к перекосу стимулов при отборе проектов для финансирования. Еще сильнее ухудшает ситуацию жесткая антиинфляционная политика Банка России, которая ограничивает доступ хозяйствующих субъектов к финансированию.

По этой причине первоочередной задачей следует признать создание собственной финансовой системы, а также обеспечение альтернативного доступа к внешним

источникам финансирования (из-за ограниченности существующих возможностей российского финансового рынка и банковской системы). В противном случае наша страна столкнется с нехваткой финансовых ресурсов для проведения антисанкционных мероприятий [2]. На остроту этой проблемы (и отсутствие реальных возможностей ее устранения) указывает то, что руководство Банка России готово в качестве инструмента организации доступа к международному финансированию рассматривать такие экзотические варианты, как создание специальной криптовалюты (что создает нежелательные ассоциации с Венесуэлой, где национальная криптовалюта также рассматривалась в качестве универсального способа борьбы с кризисом). Более разумным вариантом выглядит создание разного рода банков развития в рамках тех организаций и неформальных объединений, участником которых является Россия (в частности БРИКС), однако ресурсные возможности таких банков пока ограничены.

Мы можем сформулировать следующие выводы:

- санкции против России с точки зрения направлений их действия можно разделить на ограничения на поставки в Россию и ограничения на поставки из России, а с точки зрения целей — на санкции, ограничивающие приток финансов в Россию, и санкции, препятствующие технологическому развитию российской экономики;
- санкции против России носят комплексный и взаимосвязанный характер и ориентируются на причинение максимального ущерба российской экономике;
- основной акцент в стратегии противодействия санкциям делается на импортозамещении, однако крупные компании-лидеры российской экономики интерес к импортозамещению проявляют в недостаточной степени, предпочитая сотрудничать с проверенными поставщиками. Необходимо принять меры по стимулированию импортозамещающей политики путем побуждения российских заказчиков к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающих товаров;
- к реализации стратегии импортозамещения необходимо подходить взвешенно. Не следует стремиться дублировать в условиях ограниченного российского рынка максимальное число глобальных производственных цепочек. Необходимо стремиться с учетом действующих санкционных ограничений использовать преимущества глобального разделения труда;
- стратегия противодействия санкциям может быть охарактеризована как точечная, не позволяющая нейтрализовать все негативные эффекты санкций. Следует принять меры по приданию ей комплексного характера за счет выстраивания экспортных рынков для российской продукции и формирования эффективной финансовой системы.

Литература

1. *Аганбегян А. Г.* Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 142–151.
2. *Аганбегян А. Г., Ершов М. В.* О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. 2013. № 6. С. 3–11.
3. *Афонцев С. А.* Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2016. № 1. С. 13–19.
4. *Братерский М. В., Кутырев Г. И.* Россия между двух систем: перспектива транзита из атлантического мира в мир евразийско-тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 220–240.
5. *Василенко Т. А.* К вопросу о перспективах импортозамещения в России // Сибирская финансовая школа. 2016. № 1. С. 69–72.

6. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 38–47.
7. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10. С. 24–32.
8. Гусев М. С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. С. 30–43.
9. Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 17–30.
10. Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. 2015. № 3. С. 22–28.
11. Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 67–77.
12. Загашвили В. С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 137–148.
13. Кершенбаум В. Я. Направления импортонезависимости в нефтегазовом комплексе России // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2016. № 1. С. 9–10.
14. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
15. Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 45–64.
16. Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 72–77.
17. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45–56.
18. Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. 2017. № 2. С. 54–65.
19. Левченко Л. В., Иванова Н. И. Стратегии импортозамещения в мировой экономике: уроки для России // Экономические науки. 2016. № 138. С. 125–128.
20. Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 40–49.
21. Хайруллина О. И. Оценка влияния продовольственного эмбарго на рынок мяса // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 2. С. 75–84.
22. Харитоновна Е. В. Теоретические аспекты импортозамещения как модели развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 2. С. 85–92.
23. Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1. С. 36–39.
24. Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B. et al. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019. Available online at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.

Об авторе:

Рукинов Максим Владимирович, докторант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; a97440533@protonmail.com

References

1. Aganbegyan A. G. How the State Budget Can Become a Locomotive of the Socio-Economic Development of the Country // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 7. P. 142–151. (In rus)

2. Aganbegyan A. G., Ershov M. V. On the Relationship between Monetary and Industrial Policy in the Activity of the Russian Banking System // Money and Credit [Den'gi i kredit]. 2013. N 6. P. 3–11. (In rus)
3. Afontsev S. A. Perspectives of import substitution in the Russian economy // Bulletin of Omsk University. Ser.: Economy [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika]. 2016. N 1. P. 13–19. (In rus)
4. Bratersky M. V., Kutuyev G. I. Russia between two systems: the prospect of transit from the Atlantic world to the Eurasian-Pacific world // Contours of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2019. Vol. 12. N 1. P. 220–240. (In rus)
5. Vasilenko T. A. On the Question of the Prospects for Import Substitution in Russia // Siberian Financial School [Sibirskaya finansovaya shkola]. 2016. N 1. P. 69–72. (In rus)
6. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Import Substitution: Theoretical Foundations and Prospects for Implementation in Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11. P. 38–47. (In rus)
7. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G. Sanctions in the context of globalization and their impact on the economic development of Russia // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 10. P. 24–32. (In rus)
8. Gusev M. S. Import Substitution as a Strategy for Economic Development // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2016. N 2. P. 30–43. (In rus)
9. Dementiev V. Ye., Novikova Ye. S., Ustyuzhanina Ye. V. Russia's place in global value chains // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2016. N 1. P. 17–30. (In rus)
10. Erasova E. A., Plotnikov V. A. Prospects for the development of the defense-industrial complex of Russia in the context of economic sanctions // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 3. P. 22–28. (In rus)
11. Zagashvili V. S. Western sanctions and the Russian economy // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. V. 59. N 11. P. 67–77. (In rus)
12. Zagashvili V. S. Foreign experience of import substitution and possible conclusions for Russia // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2016. N 8. P. 137–148. (In rus)
13. Kershenbaum V. Ya. Directions of import independence in the oil and gas complex of Russia // Quality management in the oil and gas complex [Upravlenie kachestvom v neftegazovom komplekse]. 2016. N 1. P. 9–10. (In rus)
14. Klinova M. V., Sidorova E. A. Economic sanctions and their impact on the economic relations of Russia with the European Union // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2014. N 12. P. 67–79. (In rus)
15. Kotlyarov I. D. The outsourcing model of the organization of the Russian oil and gas industry: problems and solutions // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 9. P. 45–64. (In rus)
16. Kurbanov A. Kh., Naruzhnyi V. Ye. Prospects for the implementation of the import substitution program in the interests of the defense-industrial complex of Russia in modern conditions // Problems of the Modern Economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2015. N 3. P. 72–77. (In rus)
17. Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. The economic potential of the country as an economic category // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2016. N 3. P. 45–56. (In rus)
18. Levin M. I., Sheveleva I. V. Memoirs about the Future: Technology Transfer and the Experience of the Cold War // Finance and Business [Finansy i biznes]. 2017. N 2. P. 54–65. (In rus)
19. Levchenko L. V., Ivanova N. I. Strategies for import substitution in the global economy: lessons for Russia // Economic Sciences [Ekonomicheskie nauki]. 2016. N 138. P. 125–128. (In rus)
20. Manturov D. V., Nikitin G. S., Osmakov V. S. Planning for Import Substitution in Russian Industry: The Practice of Russian Government // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2016. N 9. P. 40–49. (In rus)
21. Khairullina O. I. Assessment of the impact of the food embargo on the meat market // Economics of Agriculture of Russia [Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii]. 2019. N 2. P. 75–84. (In rus)
22. Kharitonov Ye. V. Theoretical Aspects of Import Substitution as a Model for the Development of the Russian Economy // Social and Economic Phenomena and Processes [Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]. 2018. Vol. 13. N 2. P. 85–92. (In rus)

23. Kharlamova A. A. The emergence of new threats to the economic security of Russia // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2017. N 1. P. 36–39. (In rus)
24. Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B. at al. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019. Available online at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.

About the author:

Maksim V. Rukinov, Doctoral candidate of the Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; a97440533@protonmail.com

Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период

Липатова Л. Н. *, Градусова В. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *In.lipatova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель: проследить изменение позиций РФ в мировых рейтингах по уровню гуманитарного развития, определить основные движущие силы, а также выявить проблемы и предложить пути их решения.

Методы: демографический и экономико-статистический анализ.

Результаты: охарактеризована динамика человеческого потенциала России в 2018 г. Страна впервые вошла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Выявлены основные проблемы в развитии человека в РФ.

Выводы: развитие человека в России сдерживают: низкий уровень жизни, длительное снижение реальных денежных доходов россиян (2014–2018 гг.), высокая степень материального неравенства, низкая продолжительность жизни населения, высокая избыточная смертность отдельных категорий населения, резкое падение показателя численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, в расчете на 1000 чел. населения.

Ключевые слова: человеческий потенциал, доходы, неравенство, продолжительность жизни, образование

Main Trends and Problems of Human Development in Russia in the Post-Soviet Period

Lyudmila N. Lipatova, Valentina N. Gradusova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *In.lipatova@yandex.ru

ABSTRACT

Target. The purpose of this study is to trace the change in Russia's position in world rankings in terms of humanitarian development, identify the main driving forces, as well as identify problems and suggest ways to solve them.

Methods: Methods of demographic and economic and statistical analysis.

Results and discussion: Characterized by the dynamics of the human potential of Russia — in 2018, the country first entered the group of countries with a very high level of human development.

Выводы: The main problems in human development in the Russian Federation are revealed: low standard of living, long-term permanent decline in real money incomes of Russians (2014–2018), a high degree of material inequality, low life expectancy of the population, high excess mortality of certain categories of the population, a sharp drop in the number of students enrolled in higher education programs, per 1000 people population.

Keywords: human potential, income, inequality, life expectancy, education

Введение

Главная задача социально ориентированного государства — обеспечение условий для гармоничного развития человека, включая их материальные и гуманитарные

составляющие. Важным проявлением мирового тренда усиления внимания к содержанию жизни людей, повышению ее качества в различных сферах стали многочисленные исследования в области человеческого развития, смещающие приоритеты экономического прогресса с целей по достижению определенного уровня макроэкономических показателей на повышение уровня жизни людей¹.

Цель данного исследования — на основе анализа демографических показателей, индикаторов жизненного уровня и образования выявить основные проблемы развития человека в России и предложить меры по улучшению условий жизнедеятельности.

Изучение различных аспектов заявленной темы необходимо для корректировки социально-экономической политики. Отсутствие точных данных о масштабах, характере и причинах проблемы не позволяет разработать эффективный инструментарий для ее решения. Есть немало примеров, демонстрирующих неэффективность социальной политики из-за неправильного определения и понимания факторов бедности, неверного выделения групп бедного населения. Так, в 60–70-х гг. XX в. была распространена точка зрения, что бурный экономический рост автоматически решит проблему бедности: будут созданы новые рабочие места, люди смогут работать и получать заработную плату. Однако проблема бедности и в XXI в. остается одной из главных мировых проблем, несмотря на значительные успехи в экономике.

Необходимость проведения подобных исследований диктует и отсутствие позитивной динамики в уровне жизни россиян, что закономерно вызывает вопрос «в какой мере реализуемые подходы соответствуют состоянию дел в этой сфере?» и требует выработки иных подходов к ее изучению и регулированию. В этой связи необходимо детально исследовать все слагаемые развития человека, используя при этом все возможные источники: данные официальной статистики, авторитетных международных организаций, экспертные оценки, результаты опросов и др. Исследование опирается на материалы одного из наиболее известных исследований в области гуманитарного развития, которое реализуется ООН в рамках Программы развития (ПРООН) — ранжирование стран мира по уровню Индекса развития человеческого потенциала (Индекса человеческого развития), результаты которого ежегодно публикуются в виде Доклада о развитии человеческого потенциала (Доклада о человеческом развитии).

Значительный вклад в развитие исследований проблем человеческого развития в России внесли В. Н. Бобков, П. С. Масловский-Мстиславский (теоретические и методические аспекты качества жизни), Е. Ш. Гонтмахер (уровень жизни в регионах), И. И. Дмитричев (методика оценки уровня жизни) и др.

Материалы и методы

Исследование опирается на методику ПРООН по оценке развития человеческого потенциала, согласно которой при расчете индекса используются данные о средней продолжительности жизни в стране, уровне развития образования и величине

¹ [Электронный ресурс]. Human Development Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://www.hdr.undp.org>; Gross Domestic Product (GDP) / The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org>; Gross National Income (GNI) / The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org>; Education Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://www.hdr.undp.org/>; The Happy Planet Index / New Economic Foundation. URL: <http://www.happyplanetindex.org/>; Life Expectancy Index / United Nations Development Programme (UNDP). URL: <http://www.hdr.undp.org/>; The Legatum Prosperity Index / The Legatum Institute. URL: <http://www.prosperity.com/>; The Sustainable Development Goals Report. 2018. URL: <https://www.unstats.un.org/sdgs/files/report/2018/TheSustainableDevelopmentGoalsReport2018> (дата обращения: 15.12.2018).

дохода, приходящегося на каждого гражданина, степени социального и гендерного неравенства. Для обоснования выводов и рекомендаций использованы данные официальной российской статистики, других авторитетных международных и национальных организаций, собственных исследований, проведенных ранее, а также других специалистов, занимающихся исследованием данной проблемы.

Трудности в исследовании и оценке уровня развития человека в РФ связаны с «запаздыванием» статистики, что нередко приводит к потере актуальности; недостатками методик счета отдельных показателей (например, при расчете базового индекса потребительских цен (базовой инфляции), от величины которого зависят многие индикаторы уровня жизни, учитываются изменения цен на такие товары, как видеоманитофоны и видеокассеты); различиями (изменениями) в методиках расчета показателей (например, периодически производимые изменения классификации видов экономической деятельности); субъективизмом и политической зависимостью оценок (например, уменьшение величины прожиточного минимума на фоне растущей инфляции и др.), что затрудняет проведение анализа; известными дефектами стоимостных показателей и средних значений, не позволяющими объективно характеризовать изучаемое явление.

Результаты

В постсоветский период положение РФ в рейтинге по уровню развития человека сильно менялось. Худшие позиции страна занимала в 2007 г. (табл. 1).

В сентябре 2018 г. был опубликован очередной доклад ООН, в котором представлены результаты исследований по 189 странам по итогам их развития в 2016 г. Рейтинг вновь возглавила Норвегия. В первую десятку также вошли Швейцария, Австралия, Германия, Ирландия, Исландия, Гонконг, Швеция, Нидерланды и Сингапур. Из постсоциалистических стран в эту группу вошли Эстония (30-е место), Польша (33-е), Литва (35-е), Латвия (41-е), Белоруссия (53-е), Казахстан (58-е место). Российская Федерация поднялась за год на 1-ю позицию, заняла 49-е место и впервые вошла в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, объединившую 59 государств¹. Проследим динамику показателей по каждому из измерений человеческого развития.

Данные табл. 2 показывают, что россияне живут очень мало в сравнении с гражданами других стран этой группы. Даже во многих странах со средним уровнем человеческого развития этот показатель выше, чем в РФ.

Хотя, конечно, прогресс очевиден: за 2000–2017 гг. продолжительность жизни россиян увеличилась с 65,34 года до 72,7 года, и только за 2017 г. показатель увеличился на 0,8 года². Но в рейтинге стран мира по продолжительности жизни Россия занимает 116-е место, соседствуя с Северной Кореей и государством Белиз. Для сравнения: воюющая Сирия находится на 120-м месте³. Одна из причин этого кроется в структуре причин смерти. Смертность от внешних причин в РФ в 3–4 раза выше, чем в европейских странах, лидирующих по уровню человеческого развития. Показатели смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения и органов пищеварения тоже в 2–3 раза больше (табл. 3).

¹ [Электронный ресурс]. Human Development Indices and Indicators 2018. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf (дата обращения: 27.01.2019).

² Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 96.

³ Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 20.02.2019).

Таблица 1

**Положение Российской Федерации в рейтинге стран мира
по уровню развития человека**

Table 1. The position of the Russian Federation in the ranking of countries of the world in terms of human development

Год	1990	1992	2000	2005	2007	2009	2010	2015
Индекс ИРЧП / ИЧР	0,873	0,862	0,781	0,792	0,817	0,755	0,788	0,798
Место в рейтинге ООН	33	37	60	67	71	66	55	50

Источники: [Электронный ресурс]. Human Development Report. 1990 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/219/hdr_1990_en_complete_nostats.pdf; Human Development Report. 1995 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/256/hdr_1995_en_complete_nostats.pdf; Human Development Report. 2000 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/261/hdr_2000_en.pdf; Human Development Report. 2005 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/266/hdr05_complete.pdf; Human Development Report. 2010 / UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf; Human Development Report. 2013 / UNDP. URL: www.undp.org/content/undp/en/home/.../hdr/human-development-report-2013.html; Human Development Report. 2015 | UNDP. URL: hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015-work-human-development (дата обращения: 27.01.2019).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)

Table 2. Life expectancy at birth (years)

Страна	Год	Все население	Мужчины	Женщины
Россия	2016	71,9	66,5	77,1
	2017	72,7	67,5	77,6
Норвегия	2016	82,5	80,6	84,3
Швейцария	2016	83,3	81,2	85,2
Австралия	2016	82,9	81,0	84,8
Германия	2016	81,0	78,7	83,3
Ирландия	2016	81,5	79,7	83,4
Швеция	2016	82,4	80,6	84,1
Нидерланды	2016	81,6	80,0	83,2
Сингапур	2016	82,9	80,8	85,0
США	2016	78,5	76,0	81,0
Эстония	2016	77,8	73,0	82,1
Польша	2016	77,8	73,8	81,6
Литва	2016	75,0	69,7	80,2
Латвия	2016	75,0	70,0	79,6
Беларусь	2017	74,4	69,3	79,2
Казахстан	2017	72,9	68,7	76,9

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. // Росстат. М., 2018. С. 49–50.

**Смертность по основным классам причин смерти
(число умерших на 100 000 человек населения)**

Table 3. Mortality by major causes of death (deaths per 100 000 population)

Страна	Год	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Россия	2016	19,0	113,0	293,0	26,8	40,7	88,2
	2017	18,8	109,1	273,8	22,9	37,6	80,2
Норвегия	2015	7,2	108,1	90,8	33,8	11,2	29,7
Швейцария	2015	4,2	98,9	90,2	20,5	12,6	25,9
Австралия	2015	6,2	107,3	85,6	28,0	12,5	32,9
Германия	2015	8,8	116,2	139,0	28,7	20,3	23,8
Швеция	2016	7,1	101,1	109,0	22,8	12,7	30,6
Нидерланды	2016	7,6	128,6	89,9	28,7	12,0	24,7
США	2016	12,9	107,2	131,8	42,6	19,9	62,1

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. // Росстат. М., 2018. С. 51–52.

Не удается справиться с таким тяжелейшим явлением, как сверхсмертность, за которым стоит ранний во многих случаях предотвратимый уход из жизни. Только за 2016–2017 гг. такие потери в России составили 838,6 тыс. чел. В основном это мужчины. Главные причины таких трагедий — болезни системы кровообращения и так называемые внешние причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства, случайные отравления, утопления, травмы и т.п.)¹. Сравнение с европейскими странами ярко характеризует масштаб проблем с избыточной смертностью в России (табл. 4).

Таблица 4

Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий и количество умышленных убийств в отдельных странах мира (тыс. чел.)

Table 4. The number of road traffic crash victims and the number of premeditated murders in individual countries of the world (Thousand Persons)

Страна	Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, тыс. чел., 2016 г.	Количество умышленных убийств на 100 000 человек населения, 2015 г.
Россия	20,3	7,9
Норвегия	0,1	0,6 (2014 г.)
Швейцария	0,2	0,7
Австралия	1,3	1,0
Германия	3,2	0,9
Ирландия	0,2	0,6
Швеция	0,3	1,2
Нидерланды	0,5	0,6
США	37,5	4,9

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. // Росстат. М., 2018. С.145–148.

¹ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. // Росстат. М., 2018. С. 32.

По данным известного российского ученого-демографа А. Вишневого, главный источник избыточной смертности мужчин в возрасте до 45 лет — внешние причины смерти (публикация датирована 2012 г.) [1]. Министр здравоохранения РФ В. Скворцова недавно сообщила, что основная причина преждевременных смертей российских мужчин — алкоголизм — заболевание, которое опасно не только само по себе, но и выступает фактором риска для развития многих других болезней¹.

Хотя в уменьшении числа преждевременных смертей от внешних причин достигнут большой прогресс (за 2000–2017 гг. число убийств и покушений на убийство уменьшилось в 3,3 раза²), сокращение сверхсмертности остается одним из главных резервов повышения продолжительности жизни в России. Сильное отставание РФ от стран Европы, входящих в первую десятку стран по уровню человеческого развития, наблюдается и по показателям младенческой, детской и материнской смертности³. Изменение ситуации в этой сфере — еще один резерв улучшения демографической ситуации в стране и повышения продолжительности жизни людей.

Выявляя причины больших различий в показателях заболеваемости и смертности в РФ и большинстве европейских стран, следует обратить внимание на то, что по основным количественным показателям развития здравоохранения РФ не уступает передовым странам (табл. 5).

Но огромные различия в величине государственных расходов позволяют предположить наличие технологического отставания отечественной медицины от экономически развитых стран, а также невысокую эффективность системы отечественного здравоохранения. Другая очень вероятная причина — пренебрежительное отношение россиян к своему здоровью (особенно это касается мужчин), что, в частности, проявляется в отношении к диспансеризации, организуемой лечебными учреждениями с установленной периодичностью. Далеко не все россияне принимают в ней участие, даже будучи оповещены обращениями со стороны страховых компаний.

Для исправления ситуации в сфере охраны здоровья россиян, обеспечения доступности всех граждан страны к современной высокотехнологичной медицине, подготовки квалифицированных кадров, обеспечения раннего выявления заболеваний, организации профилактической работы, популяризации здорового образа жизни потребуются увеличить расходы, в том числе государственные, по которым РФ кратно отстает от стран, добившихся больших успехов в гуманитарном развитии.

Уровень жизни россиян пока тоже далек от европейских стандартов. По производству ВВП на душу населения отрыв от лидера рейтинга по уровню человеческого развития — 2,7 раза. Главная причина этого — низкая производительность труда, показатель ВВП в расчете на одного занятого в РФ в 3,3 раза меньше, чем в Ирландии, в 2,4 раза — чем в США, 2,2 раза — чем в Норвегии (табл. 6).

Низкая производительность труда в России, в свою очередь, связана с высокой степенью износа основных средств, что требует принятия неотложных мер по стимулированию обновления материально-технической базы производства, а также привлечению инвесторов.

Специалисты высказывают обоснованные опасения по поводу низкого уровня жизни россиян и связанных с этим демографических и экономических проблем, что представляет угрозу экономической безопасности и социальной стабильности [2–13].

¹ Скворцова назвала алкоголь главной причиной смертности мужчин в России [Электронный ресурс] // Известия. URL: https://iz.ru/842927/2019-02-07/nazvana-glavnaia-prichina-smertnosti-rossiiskikh-muzhchin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.02.2018).

² Российский статистический ежегодник. 2018. С. 251.

³ Россия и страны мира. 2018. С. 45–48; Российский статистический ежегодник. 2018. С. 632.

Некоторые показатели, характеризующие охрану здоровья населения
Table 5. Some indicators characterizing public health

Страна	Численность населения на 1 врача, чел.	Численность населения на 1 больничную койку, чел.	Государственные расходы на здравоохранение, в % к ВВП
	2015 г.	2016 г.	2016 г.
Россия	218	123	3,1
Норвегия	228	271	8,5
Германия	239	124	9,4
Швеция	239 (2014)	428	9,2
Нидерланды	287	276	8,6
США	389 (2014)	345 (2013)	8,5

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. С. 126–127; Российский статистический ежегодник. 2018. С. 641–642.

Таблица 6

Некоторые показатели, характеризующие уровень жизни населения
Table 6. Some indicators of the standard of living of the population

Страна	ВВП на душу населения, 2014 г.		Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности на душу населения, 2014 г. (Россия = 100)	Валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого (по паритету покупательной способности; долл.), 2016 г.	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), %
	по ППС, долл.	индекс физического объема ВВП (США = 100)			
Россия	25 797	47	100	50 286	41,0
Норвегия	66 018	121	199	111 373	27,5
Швейцария	61 902	113	192	107 743	32,5
Австралия	46 632	85	178	97 259	34,7
Германия	47 092	86	182	92 360	31,7
Ирландия	51 468	94	138	165 968	31,9
Швеция	46 524	85	165	99 244	29,2
Нидерланды	48 612	89	166	96 652	29,3
США	54 651	100	236	121 264	41,5

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. С. 91, 95, 103–105.

Согласно официальной статистике, доходы россиян в 2014–2017 гг. неуклонно снижались. Происходило это столь стремительно, что уже в 2016 г. по их реальному содержанию население страны было отброшено к уровню 2010 г. (табл. 7).

За 4 года реальные располагаемые доходы уменьшились на 10,5%, реальная начисленная заработная плата — на 4,5%, реальный размер назначенных пенсий — на 6%. Такого продолжительного падения уровня жизни населения в постсоветской

Динамика реальных денежных доходов населения, процентов (1995 = 100)

Table 7. Real disposable money income of population, percent

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Реальные располагаемые денежные доходы	215,6	216,6	226,7	235,7	234,1	226,7	213,6	211,1
Реальный размер назначенных пенсий	251,1	254,1	266,6	274,1	276,6	266,1	257,0	257,8
Реальная начисленная заработная плата работников организаций	263,2	270,6	293,3	307,4	311,1	283,1	285,4	293,7

Источники: Российский статистический ежегодник. 2018. С. 146; Российский статистический ежегодник. 2015. С. 141; Российский статистический ежегодник. 2016. С. 139; Российский статистический ежегодник. 2017. С. 145.

России не было. В дефолт 1998 г. сокращение доходов отмечалось в течение 2-х лет, за 1998–1999 гг. реальные располагаемые доходы россиян уменьшились на 26,3%, реальная начисленная заработная плата — на 32,4%, реальный размер назначенных пенсий — на 42,3%. Но уже в 2000 г. начался рост показателей доходов, уровень жизни населения быстро восстановился и в 2002 г. превысил докризисный уровень¹.

В кризис 2008–2010 гг. снижения уровня жизни статистика не зафиксировала: реальные располагаемые доходы граждан России увеличились за эти 3 года на 11,7%, реальный размер назначенных пенсий — в 1,8 раза, реальная начисленная заработная плата — на 13,2%. Небольшое уменьшение последнего показателя отмечалось только в 2009 г. (на 3,5%). В 2018 г., по предварительным данным Росстата, падение уровня жизни россиян продолжилось — реальные денежные доходы снизились на 0,2%².

А вот по степени социального расслоения равных нам в Европе нет. Самая низкая в мире подоходная стратификация — в Японии. Именно эта страна в рейтинге по индексу человеческого развития с учетом неравенства занимает 1-е место. Значение этой модификации индекса в России 0,705 при среднем по миру уровне 0,658, в Японии — 0,948. По индексу развития человека, скорректированному с учетом социально-экономического неравенства, РФ входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития и занимает в ней одно из последних мест (входной порог в группу — 0,7)³.

Главная причина, по которой РФ удастся занимать столь высокие позиции в мировом рейтинге по индексу развития человека — высокий уровень образованности населения. Степень охвата образованием в России — одна из самых высоких в мире, а по начальному и высшему образованию эти показатели даже выше, чем в стране, длительное время лидирующей по уровню развития человека — Норвегии. По численности студентов на 1000 чел. населения РФ опережает, например, Германию и Швейцарию⁴. На высокий уровень образования в России указывают и эксперты Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН, ежегодно формирующей рейтинг самых инновационных стран.

¹ Российский статистический ежегодник. 2003. С. 169; Российский статистический ежегодник. 2004. С. 175.

² Росстат: Доходы россиян в 2018 году падают пятый год подряд [Электронный ресурс] // Vestifinance. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113732> (дата обращения: 12.02.2019).

³ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьевой. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018. С. 158.

⁴ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. С. 132–133.

Однако удельный вес государственных расходов на функционирование этой важнейшей для общества отрасли экономики в РФ ниже, чем в странах, добившихся больших достижений в области человеческого развития. Что может повлиять на качество отечественного образования (табл. 8).

Настораживает то обстоятельство, что численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, в расчете на 1000 чел. населения в России быстро сокращается (в 1,6 раза за 2010–2017 гг.), в то время как в большинстве стран, добившихся высоких показателей по уровню развития человека, этот показатель растет (табл. 9).

Возможно, это связано со снижением доступности образования в России, поскольку уровень жизни россиян в последние 5 лет неуклонно снижался.

Таблица 8

Некоторые показатели, характеризующие уровень образования населения

Table 8. Some indicators characterizing the level of education of the population

Страна	Охват населения образованием в 2015/16 уч. г. ¹⁾ (удельный вес численности обучающихся на определенном уровне образования в процентах от численности населения в возрасте, официально соответствующем данному уровню)			Численность студентов на 1000 чел. населения, 2016 г.	Государственные расходы на образование, в % к ВВП, 2015 г.
	Начальное образование	Среднее образование	Высшее образование		
Россия	103	98	84	46	3,5 (2017)
Норвегия	100	116	81	—	7,6
Швейцария	104	102	58	35	5,1
Австралия	101	154	122	79	5,3
Германия	102 (2014/15)	102	68	37	4,8
Ирландия	101	117	78	—	3,8
Швеция	123 (2014/15)	145	64	43	7,6
Нидерланды	103	133	80	49	5,4
США	99 (2017/18)	99	89	60	5,0 (2014)

¹⁾ Удельный вес численности обучающихся может превышать 100% в случае, если фактический возраст обучающихся отличается от возраста, официально соответствующего данной ступени.

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. С. 132–133.

Таблица 9

Численность обучающихся по программам третичного (высшего) образования, на 1000 человек населения

Table 9. Number of students enrolled in tertiary (higher) programs education per 1000 population

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия ¹⁾	65	61	58	54	51	48	46
Норвегия	46	46	47	50	52	52	53
Швейцария	32	32	34	34	35	35	35

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Австралия						80	79
Германия				34	36	36	37
Ирландия	43	43	42	43	44	46	47
Швеция	49	49	48	45	45	44	43
Нидерланды	39	47	47			50	49
США	66	67	67	63	62	61	60

¹⁾ 2017 г. — 40 человек.

Источник: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. С. 134–135.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, занятых исследованием проблем развития человека, а также могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке программ социально-экономического развития, касающихся регулирования народонаселения, организации здравоохранения и образования, борьбы с бедностью.

Заключение

Согласно методике ООН, Россия относится к странам с очень высоким уровнем человеческого развития. По двум индикаторам из 3 (продолжительность жизни и уровень доходов) наша страна существенно отстает от европейских стран. Резервы повышения продолжительности жизни россиян: преодоление сверхсмертности, сокращение младенческой и материнской смертности. Для существенного повышения жизненного уровня россиян необходимо обеспечить рост производительности труда и разработать более справедливую систему распределения доходов.

Главный фактор, благодаря которому стране удалось выйти на столь высокие позиции в мировом рейтинге по уровню развития человека, — высокий уровень образованности населения. Однако резкое сокращение численности и удельного веса в составе населения студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования, может не только ухудшить позиции РФ в мировых рейтингах гуманитарного развития, но и оказать негативное влияние на экономическое развитие. Повысить доступность качественного образования возможно путем преодоления негативной тенденции в уровне жизни россиян, за счет введения льготных образовательных кредитов, а также путем активизации региональных программ по выявлению и содействию образования одаренных детей.

Литература

1. Вишневский А. Причины смерти: демографическая диагностика [Электронный ресурс] // Демоскоп. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535> (дата обращения: 15.12.2018).
2. Игнатьева М. В., Липатова Л. Н. Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127–134.
3. Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П. Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49–56.

4. Липатова Л. Н., Бирюков И. Г. Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Росстат-МЭСИ. М., 2015. С. 56–61.
5. Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации: Никоновские чтения-2015: Материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 370–373.
6. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Лещев Д. М. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2014. № 1. С. 106–119.
7. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Сивиркина Н. Н. Основные тенденции демографического развития Республики Мордовия в постсоветский период // Идеологическое противодействие этнорелигиозному терроризму в современной России: Сборник статей по вопросам возникающих угроз в этнокультурной и религиозной среде и методикам противодействия радикализации этнорелигиозного фактора и профилактики конфликтов на этнорелигиозной почве. Саранск, 2014. С. 159–170.
8. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Солдатов А. А. Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2010. № 3. С. 7–13.
9. Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю. Развитие народонаселения России в 1990-е — 2000-й годы // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2013. № 2. С. 7–18.
10. Липатова Л. Н., Модин Е. В. Социально-демографические факторы экономической безопасности // сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: XV Макаркинские научные чтения. Саранск, 2015. С. 363–371.
11. Липатова Л. Н., Сивиркина Н. Н. Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2014. № 2. С. 114–128.
12. Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю. Особенности и проблемы демографического развития Республики Мордовия в постсоветский период // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2014. С. 246–259.
13. Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю. Региональные особенности демографического развития // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты: XV Макаркинские научные чтения. Саранск, 2015. С. 70–77.

Об авторах:

Липатова Людмила Николаевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент; ln.lipatova@yandex.ru

Градусова Валентина Николаевна, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; vgradusova@gmail.com

References

1. Vishnevsky A. Causes of death: demographic diagnostics [Electronic resource] // Demoscope. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535>. (date of the address: 15.12.2018). (In rus)
2. Ignatyeva M. V., Lipatova L. N. Human potential of economic development: federal and regional aspects // Regionology [Regionologiya]. 2014. N 3 (88). P. 127–134. (In rus)
3. Imyarekov S. M., Lipatova L. N., Yurtaev K. P. Comparative characteristic of conditions of formation of labor capacity of regions of the Volga Federal District // Economy, labour, management in agriculture [Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve]. 2014. N 4. P. 49–56. (In rus)
4. Lipatova L. N., Birykov I. G. Statistical assessment of human development // Statistics and calls of the present: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference / Rosstat-MESI. M., 2015. P. 56–61. (In rus)
5. Lipatova L. N., Gradusova V. N. Demographic bases of formation of labor potential of agriculture: regional aspects // Agrarian policy of modern Russia: scientific and methodological aspects

- and strategy of realization: Nikonovsky readings-2015: Materials of XXth international scientific and practical conference. M., 2015. P. 370–373. (In rus)
6. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Leshchev D. M. Influence of migration on formation of labor potential of the population // Research Institute of the Humanities (NIIGN) [Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve RM]. 2014. N 1. P. 106–119. (In rus)
 7. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Sivirkina N. N. Top trends of demographic development of the Republic of Mordovia during the Post-Soviet period // Ideological counteraction to ethnoreligious terrorism in modern Russia: The collection of articles concerning the arising threats in the ethnocultural and religious environment and to techniques of counteraction of radicalization of an ethnoreligious factor and prevention of the conflicts on ethnoreligious grounds. Saransk, 2014. P. 159–170. (In rus)
 8. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Soldatov A. A. Reproduction of labor capacity of Mordovia in modern conditions // Research Institute of the Humanities (NIIGN) [Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve RM]. 2010. N 3. P. 7–13. (In rus)
 9. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Fadeev V. Yu. Development of the population of Russia in the 1990th — the 2000th // Research Institute of the Humanities (NIIGN) [Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve RM]. 2013. N 2. P. 7–18. (In rus)
 10. Lipatova L. N., Modin E. V. Social demographic factors of economic security // Cooperation: social and economic and legal aspects: The XVth Makarkinsky scientific readings. Saransk, 2015. P. 363–371. (In rus)
 11. Lipatova L. N., Sivirkina N. N. Demographic dynamics as a factor of formation of labor capacity of agrarian and industrial complex of the Republic of Mordovia // Research Institute of the Humanities (NIIGN) [Vestnik NIIGN pri Pravitel'stve RM]. 2014. N 2. P. 114–128. (In rus)
 12. Lipatova L. N., Fadeev V. Yu. Features and problems of demographic development of the Republic of Mordovia during the Post-Soviet period // Ethnos and society in the context of the international relations: Materials of the All-Russian scientific and practical conference / Kuban State University. Krasnodar, 2014. P. 246–259. (In rus)
 13. Lipatova L. N., Fadeev V. Yu. Regional features of demographic development // International cooperation: social, economic and legal aspects: The XV Makarkinsky scientific readings. Saransk, 2015. P. 70–77. (In rus)

About the authors:

Lyudmila N. Lipatova, Professor of the Chair of Economics of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology), PhD in economics, Associate Professor; In.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in economics, Associate Professor; vgradusova@gmail.com

The Push-Pull Factors in the Study of the Ethnic Minority's Migration of Vietnam*

Nguyen Dinh Tan^{1, 2}, Nguyen Canh Toan³, Dang Anh Tuyet^{1, *}

¹Institute of Sociology, Ho Chi Minh National Academy of politics (Socialist Republic of Vietnam)

²Applied Sociology Institute under the Vietnam Union of Science and Technology associations (Socialist Republic of Vietnam)

³Vietnam Academy of Social Science (Socialist Republic of Vietnam) *tuyetxahoihoc@gmail.com

ABSTRACT

Ethnic minority migration in Vietnam is a unique type of migration. It is the migration of individuals, groups (families, clans, hamlets), communities of ethnic minorities (to villages, communes, districts, provinces, intra-/inter provinces), regions; the migration could be in the Northwest — Central Highlands direction, or could be rural — urban, rural — rural, urban — rural, rural — industrial zones migration. It could be cross border migration (to China, Laos, Cambodia, Thailand, Myanmar; to Middle East countries). These migration could take various forms: spontaneous migration (free migration), organized migration (planned migration) for reasons such as migration to take refuge, for marriage with foreigners, for economic reasons, for labor export, for familial reunion.

Keywords: ethnic minority migration, spontaneous migration (free migration), organized migration (planned migration), labor export

Push-pull факторы в исследовании миграции этнических меньшинств Вьетнама

Нгуен Дин Тань^{1, 2}, Нгуен Цан Тоань³, Данг Ань Туейт^{1, *}

¹Институт социологии Национальной академии политики Хошимина (Социалистическая Республика Вьетнам)

²Институт прикладной социологии при Вьетнамском союзе научно-технических ассоциаций (Социалистическая Республика Вьетнам)

³Вьетнамская академия академия социальных наук (Социалистическая Республика Вьетнам)

*tuyetxahoihoc@gmail.com

РЕФЕРАТ

Миграция этнических меньшинств во Вьетнаме является уникальным типом миграции. Это миграция отдельных лиц, групп (семей, кланов, деревень), сообществ этнических меньшинств в деревни, коммуны, районы, провинции, внутри / между провинциями, в регионы; миграция может происходить в направлении Северо-Запад — Центральное нагорье или может быть миграцией из сельской местности в города, из сельской местности в сельскую местность, из города в сельскую местность, из сельской местности в промышленную зону. Это может быть трансграничная миграция (в Китай, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Мьянму; в страны Ближнего Востока). Эта миграция может принимать различные формы: спонтанная (свободная) миграция, организованная (плановая) миграция по таким причинам, как миграция в поисках убежища, для брака с иностранцами, по экономическим причинам, для экспорта рабочей силы, для семейного воссоединения.

Ключевые слова: миграция этнических меньшинств, стихийная (свободная) миграция, организованная (плановая) миграция, экспорт рабочей силы

Research of the ethnic minority migration trends in Viet Nam in the context of national reform, modernization, industrialization and international integration is a significant part

¹ The research was carried out within the framework of the projects of the Science and Technology Program in Vietnam to 2030, code: CTDТ / 16-20.

of general Vietnamese migration investigation. Therefore, ethnic minority's migration process is defined by the same norms and rules. "Pull-push factors" were first proposed by Everett Lee [9]. Aside from characteristics unique to specific ethnic minority areas, the "pull-push" factors are the main determinants for migration. This theory views population migration as the physical change of residence in specific contexts, and points out that migration is the result of the interplay between pull - push factors associated with the area of origin, area of destination, intervening obstacles, and personal factors [9]. It is a process affected by the "pull" factors of the destination, and the "push" factors of the place of origin. Everett Lee explained, that the natural "push" factors of the area of residence, such as hardships (in the place of origin) and the "pull" factors of the destination (area of destination) which are more favorable, offers more life and work opportunities have objectively created flows of migration [9].

Using this theory, many other academics have further developed its offshoots, making it much more applicable in various conditions and circumstances. Other notable researchers include: Lipton (1976), Todaro (1976) et al... Stressing out special significance of Lee's theory, they all concurred with Lee's "pull-push factors", creating the basis for flexible application of migration in the following decades across countries and continents, including Viet Nam.

The main tenets of "pull-push factors" can be summarized as follows:

"Pulls factors" can be present in:

- Developed countries or industrialized metropolitan areas. These are "pull factors" compared to countries and areas that are less-developed, have low-income levels, backward economies and many hardships in life.
- Countries with a modern communication system, where phones, the internet, social networks are readily accessible, allowing greater access to and exchange of information, having more comfortable life. These factors create "pull" factors for the act of migration.
- Countries with a lack of labor as a result of the declining birthrates (countries such as Germany, Japan...)
- Developed economies with above average social welfare systems such as: Sweden, Denmark, Norway, Finland...
- Advanced democracies, where religious freedom and human rights are highlighted. These are usually "pull" factors for many people living in countries where these rights and freedoms are limited or persecuted.
- Countries where English is the predominant language. This is also a pull factor for younger people.
- Less-developed countries with big fertility rate and growing population of school age have additional "pull" factor in this demographic cohort inspiration to migrate to get better chances to be educated, improve their professional skills and find better jobs compared to their current place of residence.

"Push" factors include:

- Poverty and low-income levels;
- Lack of professional development prospects;
- Lack of arable land, geographically isolation, lack of resources;
- High unemployment, lack of jobs;
- Prevalence of social issues, lack of guarantee of human rights;
- Wars and internal strife;
- Worsening natural disasters, climate change, famine, skyrocketing crime rates.

Application of this theory in ethnic minority migration in Viet Nam after 1975 — up to now could be described considering particularly the trend of free migration of ethnic minorities to particular provinces that could be explained by the different factors.

I. Northwestern provinces (northern mountainous provinces) migration to the Central Highlands

Free migration in this area is mainly by ethnic minorities, of various faiths: Protestantism, Catholicism, Cao Dai, Islamism. In the beginning, migration was chaotic and in large numbers. Eventually, the numbers tapered off and migration became by small groups, their destinations were mainly the Central Highlands and the Southeastern region (2000–2010). During this period, the Central Highlands saw roughly 43,000 households with nearly 200,000 people of ethnic minority descent migrating from the Northern mountainous region. About 50% were intra-province migration. Of 13/14 Northwestern mountainous provinces, free migration departures were mainly from the 2 provinces of Dien Bien and Cao Bang (accounting for nearly 50% of the total free migration of the region). The reasons for this are very diverse, but can be attributed mainly to a lack of arable land, geographical isolation, many hardships in livelihoods (push factors); for the H'mong minority, their generational vagrant lifestyle results in conducting reclamational agricultural burning and moving from one place to another. Due to the lack of fertile, arable land in their place of residence, this population is forced to move to new areas; meanwhile, their destination in the Central Highlands (area of destination) had fertile red basalt soil, open land, with much easier livelihoods. Their place of destination has also marked improvements in population planning and zoning, in creating favorable conditions for migrants to have access to farm land, and settlement foundation in the long-run basis. In terms of policy, they became beneficiaries of state policies, with incentives for housing, farmlands, water, medical insurance. The State had implemented the policy of: “continuing to improve regulations, policies, ensure that all ethnicities were equal, respected, united, and differences harmoniously resolved to create a marked change in socioeconomic and cultural development of ethnic minority areas, particularly in the Northwest, Central Highlands, Southwest, western part of the Central coastal region” [10], and the policy of “equality, unity, mutual respect for joint development”. These were strong pull factors. However, this phenomenon also led to the concentration of migrants in border areas, resulting tension along the border.

II. Mountain to delta migratory trend

A number of ethnic minorities have shown a preference for migrating to the delta region, including the Tho people in Nghe a province. As mentioned above, the reasons for migration are diverse, but for the Tho people, it was also due to **“pull, push factors”**. Historically, the Tho people’s ancestors were delta-inhabitants who moved to the mountains to avoid the heavy taxation policies of the feudal regime, and to avoid the diseases that were common among the people of deltas. Their family tree scrolls state that they came from Quy Hop, Nghia Dan of Nghe An province; others stated even more clearly that they came from Dien Chau, Quynh Luu, Yen Thanh of Nghe a province. Tay people were previously known as the Tho ethnic group are agricultural people. They were advanced slope-farmers, tilling the soil with a special type of plow, planting seeds with a round stick... Beside planting rice, they also plant corn, peanuts, sugarcane. The Tho people thrived on planting ramie, and making products from this fiber such as hammocks, fishing and hunting nets. The majority of men in the villages make wickers, and produces rattan chairs, clothing and needings to trade. In a few other places, they also developed special fishing tools. Group hunting became a tradition, partly for economic reasons. They also make a living by gathering local forestry products, along with people of other ethnicities such as the Dan Lai, Ly Ha, or Tay Pong [4]. In short, the Tho’s migration was a result of “pull-push factors”, to improve their livelihoods. While they had originally lived in the delta where livelihoods and the living environment were much easier than in the mountains, they had migrated to avoid persecution in the past. Today, living in the mountains, where

livelihoods are harder to make and life has many hardships, has become “push factors” for them to move to new locations with more favorable conditions and livelihoods. It is this reason that they have plans to migrate back to where they originally came from.

III. Mountain to commercial zones migratory trend

The destination for this type of migration is the delta provinces which are undergoing strong industrialization. The localities with the most migrants are Thai Nguyen, Bac Giang, Bac Ninh, Quang Ninh, Vinh Phuc. The majority of migrants following this trend are young people who have graduated from high school. Despite being highly educated compared to the average education level of their ethnicity, they are under increasing pressure in terms of work hours and the requirements of the modern, industrial production belt which in turn, are taxing on their health. They are also under pressure from warnings that their occupation longevity will only last 10–15 years. Therefore, they must always be proactive in finding new jobs or return home to live. However, for ethnic minorities, they retain their preference for seasonal, free work, leaving free the option of returning home during the harvest season or when the village community and family clan require them to return.

This is a typical type of migration and accounts for a large percentage of ethnic minority migration.

IV. Migration of ethnic minorities in border areas

As mentioned above, there are many reasons for migration, such as gender, age, marital status, level of education, technical competence. However, these factors do not exist separately but rather interact with different, particularly economic factors, an interaction between “pull and push factors”. In reality, the poverty rate for ethnic minorities in localities are usually high, with a redundant work force at the locality, and female workers have become a highly sort-after resource in female-labor-intensive industries (leather shoes, textiles, electronics assembly) for the past several decades. This has created a strong impact on the migratory patterns of ethnic minority populations, one that is heavily gender-segmented. The main destination for female workers are urban areas, and is spreading quickly through border areas. This can be attributed to high poverty rates and redundant laborers in many localities. But even when women migrate for family reasons, both men and women share the same goal of improving their living standards. The average age for inter-provincial migration is the youngest, at only 24, while intra-/inter-district migration average age is a bit older. The average age of migrant women dropped from 25 years old in 1989 down to 24 years old in 1999, 23 years old in 2009. Meanwhile, the average age of non-migrant women increased commensurately from 25 in 1989 to 28 in 1999, and 31 in 2009. Marital status is also another major factor affecting migration. Familial migrations are met with more obstacles versus single-individual migrations. Competence is another factor in migration. Ethnic minorities have a lower average training percentage as compared to the national average. A domestic migration survey in 2015 [5] showed only 31.7% (or about 1/3) has special profession and passed through technical expertise; 27% have finished secondary school. Non-migrant ethnic minorities have a secondary school graduation rate of 29.5%, 24.5% have technical training, 18.6% primary school graduation rate, and only 18.2% high school graduation rate. Statistics show that migrant ethnic minority populations have a higher level of education as compared to non-migrants ethnic minorities. Aside from the age factor, the higher level of education is another “pull factor” for the destination areas. Migrants mainly come to urban areas, industrial zones, colleges and vocational training centers, socioeconomic and cultural centers of localities, places that has higher requirements for education, craftsmanship, and technical expertise

for migrant workers. This reality is the main pull factor for migrants, causing severe competition, natural selection among migrants, resulting in the fact that not all of them can migrate successfully. Only those who have equipped themselves with a sufficient level of education can join this migration flow.

V. Cross-border migration:

Free migration: Hardship living conditions, unemployment and low incomes are “push factors”. Meanwhile, on the other side of the border, it is much easier to find a job. Better incomes, simpler transactions and more convenient daily communication create “pull factors” tempting domestic workers into moving abroad to settle and work. In some cases, out of convenience or as part of prior agreements, some women become wedded to foreign men from South Korea, Hong Kong, Taiwan, China, among other nationalities. With the exception of a few odd cases, the majority enjoy a much wealthier and happier life compared to before migration period. Many send money back home to parents and relatives so that these people can build or buy houses, cars and other luxuries. This has given rise to the so-called Taiwanese, Korean towns with luxurious mansions in the middle of the countryside. Some individuals, who cross the border as a result of being deceived or illegally trafficked, have been married to foreigners and, out of good luck, enjoy a much better life. They then encourage others to follow suit, creating illegal flows of migrants. However, not everybody is so lucky. Quite a few are faced with dire consequences and risks which have been covered in the media and press as a warning for those tempted to migrate.

VI. Migrant guest-workers to foreign countries

The majority of migrants are workers. Many of them are migrating to work as unskilled workers in South Korea and the Middle East (Syria, Iran, Iraq, Saudi Arabia, etc.). More skilled workers are moving to Japan and Germany, among other countries. The attractive thing about these countries is the opportunity for higher incomes, advanced management system, modern human relations, way of living, convenient transport and communications, thus the workers can acquire a lot of knowledge about new technologies, production and management approaches. After their working tour, the workers might bring home industrial production experience (including direct working skills, management experience, software and technological know-how). Many migrant workers have returned home with technical knowledge, new ways of DOI 10.22394/1726-1139-2019-6-ng business which enables them to succeed, and inspire many others to follow in their footsteps. They also create new countryside highlights. Most ethnic minorities are found in the first group of migrant workers, a.k.a. unskilled migrant workers in South Korea and the Middle East (Syria and Saudi Arabia). Even though the level of skill requirement in these countries are not too high, it is still higher than that of the home country; the migrant workers are also entitled to more convenient and modern social communications. Average incomes and social security are generally higher than in their home country.

VII. Migration across the border into Chinese provinces

The largest flow of cross-border migrants, however, remains free migration into China. This is due to labor shortages in Chinese provinces along the border. Amidst China's industrialization and modernization, many industrial cities and new trading hubs have been formed, attracting millions of workers from abroad.

Large cities such as Shenzhen, with many industrial and commercial zones, require a high proportion of skilled workers that are scattered in other cities such as Beijing,

Shanghai, Jiangsu, Guangdong and Guangxi. Against this backdrop, the main source of labor remains young people, those who are physically healthy, well-educated and self-motivated, and thus are often attracted to working in industrial and commercial zones in big cities. This has created a major gap in terms of agricultural workers, a.k.a unskilled workers who are involved in cultivation or animal husbandry. These agricultural jobs are very familiar to rural Vietnamese population in the ethnic minority region in general or in the border areas in particular. Filling in the gap, thousands of Vietnamese people, particularly those residing along the border, have moved to China for work, creating a spontaneous flow of migrants that is very difficult to control. They do familiar jobs which are simple and mostly manual such as cutting sugarcanes, planting banana trees, ploughing a new furrow and planting forests. Those are very familiar jobs to ethnic minority farmers; therefore, they adapt very quickly and easily to the jobs. Younger people having secondary school education level can find jobs working for small companies that are very popular in the border areas. This group of migrants is characterized by its seasonal nature and the fact that it involves people of all ages and gender types. The majority of this type of migrants is from localities along the borderline with China. According to local reports, Lang Son and Ha Giang top the list of departure provinces in this category. With regards to 2017 alone, nearly 800 people from Pho Cao, Dong Van, Ha Giang have moved to China to do housekeeping jobs. Other provinces such as Son La and Nghe An have also seen the flow of thousands of migrants to China. Despite DOI 10.22394/1726-1139-2019-6-ng simple jobs, the migrant workers manage to bring home relatively big sums of money. Thanks to this source of remittance, many households in the border areas have been able to refurbish or build their house anew, bringing a brand new look to the entire countryside. All of these are evidence of the “push and pull” factors on the migrants’ hometown.

All in all, the article above presents an analysis of the major trends of migration of Vietnamese ethnic minorities during the past decades. In general, there are many push and pull factors, co-existing with other aspects such as social factors, traditional customs, religions, education and skill levels. For example, H'Mong people's migration is due to their nomadic nature and/or the deceptive words of Evangelicals. But it is also due to the fact that in the Northwestern mountainous areas, the cultivation land of the H'Mong people is increasingly contracted, so there is a rising H'Mong population who cannot find arable land for farming and living. Faced with such pressures, they are obliged to migrate to the Central Highlands or other areas with more favorable living conditions. Here, the “push and pull” effect remain the cross-cutting factors through the myriad of diverse factors and conditions. Among the on-going migration trends of ethnic minorities, the flow of low-education, unskilled workers, seasonal migration, and temporary migration remain the major trends involving the vast majority of migrants.

References

1. Everett S. Lee, A Theory of Migration // Demography. Vol. 3, N 1 (1966). P. 47–57.
2. Excerpt from “Synthesis report on science and technology research results at provincial level, 2015 on the topic of Cross-border migration of ethnic minorities in Dien Bien province — Reality and Policy interventions.” Published by the People's Committee of Dien Bien province, Department of Science and Technology” (Dien Bien 2017), Assoc. Prof. Doan Minh Huan; (p. 3–4).
3. Đảng cộng sản Việt Nam, văn kiện đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XII, NXB Chính trị quốc gia, Hà Nội 2016. P. 164.
4. Excerpt from Summary of surveys of the Project was carried out within the framework of the Science and Technology Program in 2030, code: CTDТ / 16-20. (The research was carried out

in the provinces of Lang Son, Ha Giang and Nghe An in Vietnam from January to July 2018. The document is archived at the Institute of Sociology at the Hochiminh National Academy of Politics).

5. National Inland Migration Surveys in 2015 (Viet Nam).
6. Vietnam Population (1950–2018) [Electronic resource]. URL: <http://www.worldometers.info/world-population/vietnam-population/>
7. International Organization for Migration. The UN Migration Agency in Viet Nam: Vietnam Migration Data & Reports. [Electronic resource]. URL: <https://vietnam.iom.int/en/Migration-Data-Reports>
8. Vietnam Net migration rate. Net migration rate: -0.3 migrant(s)/1,000 population (2017 est.). Source: CIA World Factbook — This page was last updated on January 20, 2018. [Electronic resource]. URL: https://www.indexmundi.com/vietnam/net_migration_rate.html
9. Brief summary of the "Summary report of the provincial Scientific and Technological research index for 2015", topic "Cross border migration of ethnic minorities in Dien Bien — Realities and policy solutions". Published by the People's Committee of Dien Bien province, Department of Science and Technology (2017) authored by Ass. Prof, Dr. Doan Minh Huan; (p. 3–4).
10. Communist Party of Viet Nam, 12th Party Congress Resolution, National Political Publishing House of Viet Nam, Ha Noi, 2016. P. 164.

About the authors:

Nguyen Dinh Tan, Director of Applied Sociology Institute under the Vietnam Union of Science and Technology associations (VUSTA), senior lecturer of the Institute of Sociology, Ho Chi Minh National Academy of politics, Doctor of Science (Philosophy), Professor; nguyenanhtanxhh@gmail.com

Nguyen Canh Toan, Leading Researcher of the Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Science (VASS), Doctor of Sciences (Sociology), Professor; okabc007@gmail.com

Dang Anh Tuyet, Director of Institute of Sociology, Ho Chi Minh National Academy of Politics, Doctor of Sciences (Sociology); tuyetxahoihoc@gmail.com

Об авторах:

Нгуен Дин Тань, директор Института прикладной социологии при Вьетнамском союзе научно-технических ассоциаций (VUSTA), старший преподаватель Института социологии Национальной академии политики Хошимина, доктор философских наук, профессор; nguyenanhtanxhh@gmail.com

Нгуен Цан Тоань, ведущий научный сотрудник Института европейских исследований Вьетнамской академии социальных наук (VASS), доктор социологических наук, профессор; okabc007@gmail.com

Данг Ань Туйет, директор Института социологии Национальной академии политики Хошимина, доктор социологических наук; tuyetxahoihoc@gmail.com

Рабство как форма человеческого бытия (видение античных авторов в свете идей русских философов)

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются взгляды античных авторов на человеческий аспект феномена рабства. Автор исходит из того, что значимость подобного исследования связана с существованием архетипических пластов в самых различных культурах, обуславливающих воспроизведение феномена рабской модели личности и соответствующих ей форм поведения.

Обращается внимание на три аспекта в понимании оснований существования раба как особого человеческого типа, зафиксированные античными авторами. Это, во-первых, рабство «по закону», в соответствии с которым захваченные пленники продаются в рабство. Во-вторых, это рабство, обусловленное человеческой природой, связанной с этническим происхождением, по формуле «варвар и раб по природе своей понятия тождественные». В-третьих, это рабство в духовном смысле, порождаемое характером деятельности, которой занимается человек. Видами деятельности, формирующими свободного человека, является для них философское размышление как бескорыстный поиск истины, а также, по Аристотелю, политическая деятельность.

Взгляды античных авторов соотносятся в статье с воззрениями русских религиозных философов, исходящих из иной парадигмы деятельностного основания свободного существования, укорененной в христианском мировоззрении. Суть ее заключается в том, что стремление к истине, реализующееся в занятиях философией, должно руководиться глубинной ценностной установкой, смысл которой в стремлении к соединению человека с Богом.

Ключевые слова: рабство, рабская модель личности, русская религиозная философия, Аристотель, Платон

Slavery as a Form of Human Life (Vision of Antique Authors in the Light of the Ideas of the Russian Philosophers)

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In the article views of antique authors of human aspect of a phenomenon of slavery are considered. The author recognizes that the importance of a similar research is connected with existence of archetypic layers in the most various cultures causing reproduction of a phenomenon of slave model of the personality and corresponding to it behavior forms.

The attention to three aspects in understanding of the bases of existence of the slave as special human type, recorded by antique authors is paid. It, first, slavery “under the law” according to which the captured captives are on sale in slavery. Secondly, this slavery caused by the human nature connected with ethnic origin on a formula “the barbarian and the slave by the concept nature identical”. Thirdly, this slavery in spiritual sense generated by the nature of activity in which the person is engaged. The types of activity forming the free person is for them philosophical reflection as disinterested search of the truth and also, according to Aristotle, political activity.

Views of antique authors correspond in the article to views of the Russian religious philosophers proceeding from other paradigm of the activity basis of free existence implanted in Christian outlook.

Its essence is that the aspiration to the truth which is implemented in occupations by philosophy has to be directed deep valuable installation, which sense in aspiration to connection of the person good luck.

Keywords: slavery, slave model of the personality, Russian religious philosophy, Aristotle, Platon

Рабство обычно характеризуется как исторически необходимый тип экономических отношений, сыгравший значительную роль в становлении цивилизации в различных регионах Древнего мира. Однако институт рабства не остался лишь феноменом, определявшим специфику способа производства в древних обществах. Его влияние носило всеобъемлющий характер. Он преобразовал все стороны общественной жизни, в том числе и сферу, которую сегодня мы бы определили как сферу культуры. Это, в частности, выразилось в формировании особых человеческих типов, наиболее характерными из которых были свободный гражданин, могущий иметь в собственности рабов, и сам раб с его особой психологией, особым внутренним миром, а также особых отношений, как и между рабами и рабовладельцами, так и между самими рабами.

Современники, как известно, относились к рабам как к говорящему орудию, использование которого было необходимо для поддержания благополучной жизни свободных граждан. Поэтому интерес к личности раба, нюансам его внутренней жизни был минимальным, тем более что основную массу рабов составляли военнопленные, люди другой, чуждой и, для эллина, низшей культуры.

Тем не менее наиболее глубокие античные авторы, так или иначе, затрагивали тему «человеческого измерения» рабства, смыслового наполнения слова «раб». Судя по всему, это было связано с тем, что осознание своего отличия от биологически подобных свободным гражданам рабов, выступало условием самоидентификации члена греческого общества, что, по-видимому, имело значение не только в «теоретическом», но и в «практическом» отношении. Постоянное общение с рабами, людьми в своих желаниях и поведенческих проявлениях ведомых обычно простыми инстинктами, ориентировавшимися прежде всего на то, что связано с телесным бытием, и не склонных к моральной рефлексии над своими поступками, не могло не оказывать разрушающего действия на сознание и ценностный мир свободных граждан.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть воззрения на тему рабства, его оснований и человеческих черт рабов таких титанов античной мысли, как Платон и Аристотель, в произведениях которых можно встретить ряд выразительных пассажей, посвященных социальным и психологическим основаниям рабства, характеристикам «человеческой природы» раба.

Надо сказать, что этот аспект их творчества в богатейшей литературе по истории античной цивилизации освещен в недостаточной степени, хотя на внимание античных классиков к указанной теме указывали некоторые выдающиеся философы XX в. Так, в частности, А. Ф. Лосев отмечал недопустимость понимания трактовки Платоном рабства как «строго экономической категории, минуя сословно-правовую и морально-психологическую его оценки» [5, с. 34]. Уточняя взгляды Платона по данному вопросу, он указывал, что рабство для него — категория скорее «сословно-правовая... и притом с весьма большим морально-психологическим заострением» [там же, с. 33], которое выражается, по мнению Лосева, в «весьма низкой моральной оценке раба, лишённого якобы разума и совести». В целом, русский философ оценивает взгляды Платона по вопросу о человеческом измерении рабства как в значительной степени путанные и не подвергает их специальному анализу. Однако за этой путаностью и некоторой хаотичностью представлений антично-

го мыслителя скрываются весьма интересные и вполне недвусмысленные идеи, касающиеся психологической природы рабства.

Рассмотрение «морально-психологической заостренности» взглядов Платона и Аристотеля на природу рабства представляет интерес в двух основных отношениях. С одной стороны, оно имеет вполне определенное историко-культурное значение, позволяет глубже понять античную культуру, степень ее рефлексивности, наличие способности и вкуса у древних греков к размышлению о внутреннем мире человека. Такое углубление представления об античной культуре выступает важным основанием для понимания общественной жизни в эпоху античности, характера присущих древнегреческому обществу отношений.

С другой стороны, на основе исследования взглядов античных авторов по данному вопросу, мы получаем важный материал для размышления на тему природы отношений господства и подчинения, а также эволюции представлений о ценностно-смысловых основах этого рода отношений.

Интерес к этой проблеме в наши дни во многом обусловлен и тем, что тип личности человека, находящегося в рабской зависимости, воспроизводится и в эпохи достаточно удаленные от той, которую называют рабовладельческим обществом. По-видимому, можно говорить о том, что особенности типа сознания, который можно назвать рабским, нашли свое укоренение в архетипических пластах практически всех культур. Этому способствует воспроизведение в истории обстоятельств, стимулирующих сохранение складывающихся между людьми форм зависимости, которые подобны рабским отношениям, существовавшим в античном обществе.

Все это убеждает в том, что к рабству следует относиться не только как к особому типу экономических отношений, имеющих конкретно-историческое содержание, но как к универсальному экзистенциалу, могущему определять смыслы человеческого бытия в любую эпоху. Если же решиться «спуститься» с заоблачных высот мировоззренческой рефлексии на уровень задач, решаемых в современной социальной практике, например, социальном управлении, то нетрудно будет увидеть значение исследования рабства, рабского сознания для расширения поля идей, могущих повлиять на понимание путей повышения его эффективности.

В качестве мировоззренческих координат, в рамках которых мы будем оценивать вклад античных авторов в развитие представлений о рабском сознании, в нашей статье будут выступать воззрения русских религиозных философов, для которых порочность рабства выступает в двух планах. С одной стороны, оно представляет собой уничтожение образа Божьего в человеке, поскольку «всякое покушение на свободу другого есть покушение на убийство в нем человека, на противоестественное потребление в нем «образа и подобия Божия» и превращение его в животное» [7, с. 115]. С другой стороны, рабство для русских философов является духовной основой гибели общества, сделавшего рабство принципом своего существования, поскольку оно, «приводя к потере человеком своего существа как образа Божия, тем самым ведет к параличу и омертвлению жизни, к разложению и гибели общества» [Там же]. При этом не только человек, «который лишается человеческого образа, не может быть членом и участником общества: он может быть только зверем или домашним животным» [Там же, с. 116], но и тот, кто лишает другого человеческого образа рано или поздно, утрачивает качества, необходимые для сохранения нравственных основ общественной жизни.

Развитие этой мысли мы находим в рассуждениях И.А. Ильина о значимости «культуры повиновения» как условия сохранения целостности общественной жизни. Русский философ полагал, что фундаментальной причиной ее разрушения выступает утрата тем, кто находится в состоянии подчинения духовного измерения своих поступков. Эта утрата является следствием непринятия человеком состояния подчинения как позволяющего сохранить свою личностную значимость, и форми-

рующегося в силу этого *неуважения* к себе: «не уважая себя, он утрачивает духовное измерение для своих поступков» [4, с. 377].

При разработке данной темы необходимо учитывать то обстоятельство, что если у Аристотеля представления о природе рабства изложены достаточно отчетливо и последовательно в его «Политике», то взгляды Платона по данной теме разбросаны по многим произведениям, в разной связи и последовательности. Поэтому реконструкция его воззрений по данному вопросу в виде некоторой целостной системы предполагает установление имплицитной логики, лежащей за мозаикой частных суждений, размышлений по поводу тех или иных явлений политической и социальной жизни, в которых эллину приходилось сталкиваться с проявлениями «рабской психологии».

Первое, вполне очевидное положение, проходящее красной нитью через все рассуждения античных авторов на данную тему, состоит в том, что рабство представляет собой утрату свободы, неспособность действовать по своей свободной воле и безусловное следование воле господина. Категория свободы выступает для них принципиальной противоположностью понятия рабства.

Эта утрата свободы является, конечно, результатом насилия по отношению к человеку, ставшему рабом. Это насилие, как отмечают классики античной философской мысли, обуславливает определенные трансформации во внутреннем мире человека, связанные с изменением системы ценностных координат, определяющей его самосознание.

Однако возможна и обратная ситуация. Как полагает Платон, оправданно говорить о том, что изначально существует тип человека, характеризующийся готовностью принять рабство. Этому может способствовать характер воспитания, результатом которого оказывается конкретная совокупность предпочтений, создающая предпосылки для того, чтобы человек стал добровольным рабом, возможно, формально таковым не являясь.

Важнейшим фактором, формирующим рабское сознание, является вид *деятельности*, которой занимается человек. В свете этой установки Платон рассматривает различные виды деятельности — как те, которые формируют свободного человека, так и те, которые явно или неявно ведут к внутреннему рабству. Такой «деятельностный» подход приводит Платона к мысли о том, что подлинная свобода возможна лишь в сфере духа, в сфере занятий философией, в размышлениях о фундаментальных смыслах бытия. Формально свободный человек, отлученный от философии и погруженный в суету повседневной жизни, ведет, по сути, добровольное рабское существование. Как замечает Сократ в «Теэтете», «вероятно, если сравнить тех юношей, что толкаются в судах и тому подобных местах, с теми, что проводят время в философии и ученых беседах, то воспитание первых будет рабским перед свободным воспитанием вторых» (Теэтет, 172d). Свобода предполагает успешность, главное для свободного человека — это истина (суть дела), как бы много времени движение к ней ни занимало.

Тем же, кто занят, например, судебными делами, «всегда недосуг, их подгоняют водяные часы, не позволяя им держать речь о чем либо, их связывает противник и зачитываемый иск, сверх которого ничего нельзя говорить. Речи же свои они держат как раб за раба — перед господином, что восседает со своим законом... Величие, прямоту и независимость с малых лет у них отняло рабство, принудившее их к коварству, угрозами и страхом отравившее их нежные еще души...и теперь, превратившись из детей во взрослых людей, они, совсем не имея разума, почитают себя искусными и мудрыми» (Теэтет, 172e–173b).

Говоря о рабских чертах, Платон называет и качества, противостоящие рабству. Как следует из приведенного высказывания, это прежде всего способность в своих суждениях о мире опереться на разум, стремление к истине, реализующееся

в философских рассуждениях. Привлекает внимание такая не обязательная, на первый взгляд, характеристика образа жизни свободного человека, как *неспешность*. И действительно, забота о сроках, подчиненность необходимости достижения цели к определенному назначенному свыше или определенному самим человеком времени, что обычно оказывается тоже результатом внешнего давления, противостоит искреннему и свободному поиску истины.

Еще одна важная черта свободного человека, по Платону, это *чувство собственного достоинства, величие*, несоместимые с погруженностью в пошлость и дрязги повседневности, в которых человек теряет самого себя. Отсутствие этих качеств означает добровольное рабство, которое является недостойным человека.

Кроме того, экзистенциальная несостоятельность, свойственная добровольному рабству, характеризуется действиями, черты которых в нравственном отношении далеки от добродетельности. Это *коварство, страх, восприятие угроз* как важнейшего фактора, формирующего человеческое поведение.

Таким образом, для Платона свобода, строго говоря, возможна лишь в сфере духа, в процессе бескорыстного и бесстрашного поиска истины.

Через века идею свободы от рабства свяжут с занятием философией русские мыслители. Однако они пойдут дальше, наполняя поиск истины глубоким ценностным содержанием, связанным с приобщением к божественному началу, наполняющему смысл и жизнью космос, соединение с которым возможно только лишь в церковной жизни верующих. Как писал Бердяев, философия «будет свободной, когда будет церковной, так как только в Церкви — свобода, освобождение от рабства и необходимости. Философия церковная есть философия, приобщенная к жизни мировой души, обладающая мировым смыслом — Логосом, так как *Церковь и есть душа мира, соединившаяся с Логосом*. Философия отвлеченная, рационалистическая, «гносеологическая», схоластическая порывает с мировой душой и теряет пути к ней [2, с. 27–28]. Мы видим, что представление о свободе русского мыслителя связано с углублением самого понятия духовности, выводящим ее за пределы рационалистического поиска истины, пусть даже и устремленного к постижению мирового плана, выраженного в идее «нуса» или мировой гармонии. Свобода для него — это напряженный поиск личностного единения с Высшей Личностью, являющейся творцом и управителем мира.

Еще одна тема, связанная с пониманием природы рабства, это установление того рода отношений, которые принципиально противостоят рабству. Таковым согласно Платону является любовь, хотя она и выступает сильнейшей по своей силе формой подчинения человека человеку. Поэтому установление отличия любви от рабства становится необходимым условием понимания природы последнего, как, впрочем, и самой любви. Главное отличие любви от рабства мыслители разных эпох видели в том, то она важнейшим своим смысловым началом имеет совершенствование, возвышение, как любящего человека, так и предмета его любви.

В своеобразном виде эта тема находит свое выражение у Платона. Для него значимость любви, как отношения противостоящего рабству, обусловлена тем, что она может стать путем к совершенствованию, собственному духовному возвышению. Любовь может обретать облик добровольного рабства, но в том случае, когда она наполнена стремлением к совершенному бытию, она оборачивается высшей формой свободы. Как говорит Платон устами одного из персонажей знаменитого «Пира» Павсания, «если поклонника, как бы рабски ни служил он по своей воле предмету любви, никто не упрекнет в позорном угодничестве, то и другой стороне остается одна не позорная разновидность добровольного рабства, а именно рабства во имя совершенствования» (Пир, 184b-c).

Через тысячелетия эту мысль повторит Бердяев: «Можно быть в рабстве лишь у того, что чуждо и враждебно. То, что близко и мило, то не принуждает. Любящие

и соединенные — свободны, лишь враждующие и разъединенные находятся в рабстве и знают принуждение» [2, с. 374].

Правда, у Платона тема совершенствования понимается еще достаточно «прагматично», как тема обретения знания о добродетелях, достижения мудрости, позволяющей успешно существовать среди себе подобных. «И в самом деле, — продолжает Платон высказанную выше мысль, — если кто-нибудь оказывает кому-нибудь услуги, надеясь усовершенствоваться благодаря ему в какой-либо мудрости или в любой другой добродетели, то такое добровольное рабство не считается у нас ни позорным, ни унижительным» (Пир, 184с). Для русских философов служение в любви означает не просто стремление к реализации некоторого практического интереса, являющегося, по сути дела, безбожным, но духовное возвышение, ведущие к божественному абсолюту.

Платон не просто характеризует черты рабской психологии, о которых мы говорили выше: коварство, утрату собственного достоинства, зависимость от обстоятельств, мелочную суетливость, но пытается найти тип человека, характеризующегося готовностью принять рабское существование. Одним из таких типов выступает, по Платону, тиранический человек.

Рассматривая тираническую натуру, Платон предвосхищает ставшие популярными через две с половиной тысячи лет рассуждения Э. Фромма об авторитарной личности. Тиранический человек никогда и ни с кем не состоит в дружеских отношениях. Люди этого типа либо господствуют, либо находятся в рабстве. Платон характеризует стиль их поведения таким образом: «С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем-нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но, чуть добьются своего, они опять с ним чужие» (Государство, IX, 576 а).

Платон намечает и психологический механизм, формирующий тираническую натуру. Этот механизм весьма прозрачно соотносится с идеями фрейдистской психологии бессознательного. Тиран — раб своих бессознательных вожелений. Будучи трансформацией человека демократического типа, в своей прежней демократической жизни он подчинялся обычаям, законам и своему отцу. Но когда на волю вырывается Эрот, которого Платон называет тираном, правящим всем, что есть в душе и ведущим за собой «все желания, словно телохранителей» (Государство, IX, 573е), в прежнюю пору приходившие в душу только во сне, тогда и сам человек становится тираном. Во сне разумное начало дремлет, «зато начало дикое звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы удовлетворить свой норов... в таком состоянии оно отваживается на все, откинув всякий стыд и разум» (Государство, IX, 571с).

Однако буйство Эрота и связанных с ним вожелений не делает человека счастливым. Находясь во власти своих вожелений, тиранический человек оказывается несчастным. «Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая» (Государство, IX, 577d). Соответственно страданий у этого человека, неистовствующего из-за своих вожелений и страстей, больше, чем у кого-либо другого. Особенно много их у тиранического человека, который не смог прожить жизнь частным лицом, а, в силу тех или иных обстоятельств, стал тираном. «Ведь он полон множества разных страстей и страхов; со своей алчной душой только он один во всем государстве не смеет ни выехать куда-либо, ни пойти взглянуть на то, до чего охотники все свободнорожденные люди» (Государство, IX, 579b).

Свободе в сфере духа Платон противопоставляет свободу в обществе, которую он оценивает как предпосылку несвободы, выводящий на авансцену общественной

жизни тираническую натуру. Диалектика здесь такова: крайняя свобода рождает несвободу, а именно тиранию, которая, по его мнению, может возникнуть только из демократии и не из какого-то другого строя. «Из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» (Государство, VIII, 564а). Чрезмерная свобода, замечает мыслитель, и для отдельного человека (как свобода личного произвола), и для государства оборачивается ничем иным, как величайшим рабством.

Определенную степень концептуальности в представлении о природе рабства вносит великий ученик Платона — Аристотель. Стагирит в свойственной ему манере осуществляет достаточно четкое и последовательное рассмотрение природы рабства как особого типа отношений. Первым шагом на этом пути у него становится выработка определенной категориальной структуры, в свете которой оказывается возможным рассмотрение различных аспектов данного феномена.

Исходной категорией, позволяющей развернуть трактовку сущности рабства, у Аристотеля выступает собственность. Как отмечает мыслитель, собственность является «своего рода орудием для существования». Раб же — это одушевленная собственность, необходимая постольку, поскольку орудие само по себе не способно выполнять свойственную ему работу. «...Если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы» (Политика, 1253b35).

Конкретизация категории собственности осуществляется с помощью понятия «часть», осуществляя которую Аристотель, по сути дела, характеризует диалектику части и целого. «Собственность нужно понимать в том же смысле, что и «часть». Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немыслима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба, но не принадлежит ему; раб же не только раб господина, но и всецело принадлежит ему» (Политика, 1254a10). И далее следует определение раба: «...Кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб. Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью; последняя представляет собой орудие активное и отдельно существующее» (Политика, 1254a15). Итак, «собственность», «частичность» и «орудие» — такова категориальная структура, через которую Аристотель приходит к определению рабства.

Следующий шаг заключается в том, чтобы определить, существуют ли люди, по своей природе предназначенные быть рабами или нет. Эту тему, как мы помним, разрабатывал Платон. Аристотель, отвечая на этот вопрос, обращается к категории человеческой природы. При размышлении на эту тему он опять же исходит из принципа целостности, предполагающего рассмотрение объекта как совокупности связанных между собой частей. Такими частями в человеке выступают душа и тело. При этом в душе Аристотель выделяет две инстанции — аффективную и разумную. Вообще во всяком живом существе можно усмотреть, согласно Аристотелю, власть господскую и политическую. «Душа властвует над телом как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж. Отсюда ясно сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души — быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души» (Политика, 1254b5).

Строгого различения разума и рассудочного элемента души мы у Аристотеля не находим. Но суть его представлений по этому вопросу можно, по-видимому, реконструировать следующим образом. Разум, как политик, определяет стратегию человеческой деятельности, ее основные принципы, а рассудок — конкретные способы ее организации и осуществления. Аристотель отказывает рабу не только в разуме, но и в рассудке, у раба его нет. Единственное, что ему доступно — это понимать приказания, что является своего рода первичной формой причастности к рассудку.

В остальном, как и все животные, он повинуется движению чувств. Способность понимать приказания рассудка это единственное, чем раб отличается от животного. Если же не принимать это обстоятельство в расчет, то следует признать, что «польза, доставляемая домашними животными, мало чем отличается от пользы, доставляемой рабами: и те и другие своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей» (Политика, 1254b20–25).

На мысль Аристотеля о том, что раб — существо, которое прежде всего повинуется движению чувств, обращает внимание французский историк рабства А. Валлон. Правда, Валлон полагает, что Аристотель прошел мимо вопроса о том, в какой степени — это качество рабской природы является формируемым, а в какой изначально присуще человеку, оказывающемуся в положении раба [3, с. 273]. «Вот именно этот вопрос избегал ставить Аристотель, а его между тем было так легко проверить опытом. Таким образом, тот самый факт, который оправдывает определение философа, осуждает его теорию» [Там же]. Насчет того, что прирожденность готовности к рабству можно легко проверить опытом, с Валлоном можно было бы поспорить. Но в любом случае тот факт, что для рабского сознания свойственно доминирование чувственного отношения к жизни, не вызывает сомнения. Можно согласиться и с тем, что именно это качество обуславливает в первую очередь порочность рабской природы. «Механизм», с помощью которого чувственное начало рабской природы порождает порочность его природы, Валлон описывает весьма выразительно: «Чувственность, которая в силу самого принципа рабства и вследствие физического воспитания рабов составляла всю их сущность, — пишет А. Валлон, — породила и развила в них все пороки, корнем которых она сама и является. Раб обладал чувствами, нуждающимися в удовлетворении, но так как все принадлежит хозяину, то он может это сделать только за счет хозяина; он похитит у него свой труд и плоды своего труда, чтобы доставить несколько незаконных удовольствий в течение этого похищенного отдыха. Лень, инстинкт воровства — таковы были первые признаки противодействия со стороны его подавленной природы; затем хитрость и притворство, чтобы подготовить или чтобы загладить свои мошенничества» [там же, с. 274].

Аристотелю известно, что наряду с пониманием рабства как следствия определенного типа человеческой природы, существует точка зрения, согласно которой рабство имеет своим основанием закон. Причиной рабства, — полагает он, — может быть и некоторое соглашение, «в силу которого захваченное на войне называют собственностью овладевших им» (Политика, 1255a5).

Однако если принять данную точку зрения, возникает возможность того, что человек, не заслуживающий быть рабом, может стать таковым. Эту возможность Аристотель констатирует следующими словами: «...Окажется, что люди заведомо самого благородного происхождения могут стать рабами и потомками рабов только потому, что они, попав в плен, были проданы в рабство» (Политика, 1255a25). В силу того что такое положение дел будет несправедливым, люди, разделяющие эту точку зрения, волей-неволей приходят к необходимости признать, что справедливым обращать в рабов только варваров, которые не ведают благородства и самой своей природой обречены на рабство.

Рабской природе противостоит благородная природа, состоящая в происхождении от божественных предков. Такое благородство является безусловным и оно присуще только эллинам, которые благородны всегда и везде. С определенными оговорками можно говорить и о «варварском благородстве», но оно относительно, в том смысле, что имеет место только на их родине. Таким образом, понимание рабства как имеющего своим источником закон сводится опять к тому, что раб, в конечном счете, обладает особой природой, коренящейся в его человеческой, в частности этнической специфике.

Вместе с тем в рассуждениях Аристотеля нередко этническая отнесенность рабской природы как бы затушевывается, и речь идет о рабской природе вообще. Аристотель признает оправданным колебание во взглядах на природу рабства, поскольку вообще «одни не являются по природе рабами, а другие — свободными, а с другой стороны, у некоторых это различие существует и для них полезно и справедливо одному быть в рабстве, другому — господствовать» (Политика, 1255b5). Все дело в характере соотношенности души и тела. У рабов «тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов; свободные же люди держатся прямо и неспособны к выполнению подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни» (Политика, 1254b25–30). Различны и души свободных и рабов, правда, «красоту души не так легко увидеть, как красоту тела» (Политика, 1255a).

Что касается тех видов деятельности, которые достойны свободного человека, то здесь Аристотель идет вслед за Платоном, хотя и существенно дополняет его. По Аристотелю для подлинно свободного человека достойным видом занятий является не только поиск истины, т. е. философия, но и политика, которая, в общем-то, если следовать логике Платона, является весьма суетным и несвободным видом деятельности. Платон, как отмечалось, весьма критически и даже презрительно относился к политике в условиях демократии, считая идеальным такой способ управления государством, который основывается на принципе истины, носителем которого выступают философы.

Однако более конкретно и аналитически мыслящий Аристотель, в своем учении о государстве исходящий из принципа блага как для общества в целом, так и для составляющих его частей, распространяет возможность свободы на сферу общественной жизни. Поясняя свою точку зрения, Аристотель отмечает, что даже господская наука, смыслом которой является умение пользоваться рабами, не включает в себе ничего ни великого, ни возвышенного, «ведь то, что раб должен уметь исполнять, то господин должен уметь приказывать. Поэтому у тех, кто имеет возможность избежать таких хлопот, управляющий берет на себя эту обязанность, сами же они занимаются политикой и философией» (Политика, 1255b30–35).

Мы видим, что общая логика рассуждений и Платона, и Аристотеля состоит в том, что рабство, в конечном счете, коренится в природе человека, которая понимается ими как изначально присущее ему качество. «Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно также обстоит дело с рабом и свободным» (Политика, 1255b20). Природа человека характеризуется античными мыслителями, как с точки зрения телесной специфики, так и особенностей души, которая, так или иначе, «отпечатывается» в человеческой телесности. Несмотря на то, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Политика, 1252b5), для античных авторов этническая основа рабской природы не является вполне очевидной. При определенном воспитании и образе жизни рабская душа может сформироваться и у эллина.

Что касается свободы в сфере социальной жизни, то по данному вопросу взгляды мыслителей разнятся. Для Платона сферой, где реализуется свобода человека, выступает духовная жизнь человека, и, соответственно, главной формой деятельности свободной личности является отвлеченное философское рассуждение, имеющее своей целью истину, а социальная активность, обретающая свой наиболее выраженный вид в условиях демократии, является путем к рабству. Для Аристотеля, философа, чей стиль мышления отличается большей степенью конкретности и практичности, наряду с философией, и политика, имеющая своей целью общее благо, выступает тем видом деятельности, занятием которым может стать формой проявления человеческой свободы. В этом различии позиций по поводу «локализации» человеческой свободы и, соответственно, рабского существования, про-

смаатриваются истоки современной философской дискуссии о свободе в условиях демократии, о возможности свободы в сфере социального бытия вообще.

Литература

1. *Аристотель*. Соч. в 4 т. М., 1976–1984.
2. *Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
3. *Валлон А.* История рабства в античном мире. Смоленск, 2005.
4. *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М. : Русская Книга, 1994.
5. *Лосев А. Ф.* Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба // Платон и его эпоха. М., 1979.
6. *Платон*. Собр. соч. в 4 т. М., 1968–1972.
7. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. М., 1992.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Aristotle. Works in 4 v. M., 1976–1984. (In rus)
2. Berdyayev N. A. Freedom philosophy. Sense of creativity. M., 1989. (In rus)
3. Wallon H. History of slavery in a classical antiquity. Smolensk, 2005. (In rus)
4. Ilyin I. A. Collection of works in 10 v. V. 4. M. : Russian Book, 1994. (In rus)
5. Losev A. F. Objective idealism of Platon and its tragic destiny // Platon and his era. M., 1979. (In rus)
6. Platon. Collection of works in 4 v. M., 1968–1972. (In rus)
7. Frank S. L. Spiritual bases of society. M., 1992. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru

Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском

Часть 1

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в условиях угроз и вызовов перед Российской Федерацией и ее Вооруженными Силами стоит задача по обеспечению национальной безопасности страны, воспитанию молодого поколения и общества в целом в духе патриотизма. Одним из инструментов достижения этой стратегической цели является исторический военный опыт нашей Великой страны. Военная история и история войн и военного искусства свидетельствуют, что Курская битва по своим итогам и значению победы советских войск под Москвой и Сталинградом стала мощным этапом на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. Если Сталинградская битва предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой. Большую роль в достижении победы сыграло единство фронта и тыла, всесторонняя помощь местного населения. В данной статье на большом архивном и документальном материалах, воспоминаниях участников битвы, материалах газет раскрывается всесторонняя помощь населения прифронтовых областей Действующей армии. Автор особо выделяет в Курской битве организаторскую деятельность, роль и место органов власти, органов военного управления.

Ключевые слова: битва, органы власти, партийные и советские органы, органы военного управления, Военные советы фронтов и армий, тыл, Городской комитет обороны, Управление оборонительного строительства (УОС), оборонительные сооружения, мужество и героизм

Helping the Front: Help of the Local Population in the Battle of Kursk. Part 1

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The relevance of this topic is due to the fact that in the face of threats and challenges, the Russian Federation and its Armed Forces face the task of ensuring the national security of the country, educating the young generation and society as a whole in the spirit of patriotism. One of the tools to achieve this strategic goal is the historical military experience of our Great country. Military history and the history of wars and military art indicate that the Battle of Kursk, in its results and the significance of the victory of the Soviet troops near Moscow and Stalingrad, became a powerful stage on the way to the victory of the Soviet Union over fascist Germany. If the Battle of Stalingrad foreshadowed the decline of the German fascist army, the battle of Kursk put it before a catastrophe. A great role in achieving victory was played by the unity of the front and rear, all-round assistance of the local population. In this article, extensive archival and documentary materials, memoirs of participants in the battle, newspaper materials reveal comprehensive assistance to the population of the front-line areas of the army in the field. The author emphasizes in the Battle of Kursk organizational activity, the role and place of government, military administration.

Keywords: battle, authorities, party and soviet bodies, military authorities, military councils of fronts and armies, rear, City Defense Committee, Directorate of Defensive Construction (SLD), defenses, courage and heroism

Одним из главных, решающих источников Победы над фашистской Германией во Второй мировой войне явилось единство Армии и многонационального советского народа.

Этот источник особенно ярко проявился в битве под Курском — одной из крупнейших в Великой Отечественной войне, 75-летие которой мы отметили в 2018 г.

Курская битва, как сказал Президент Российской Федерации В. В. Путин, стала поворотным пунктом во Второй мировой войне. Это важнейшее событие в истории нашего государства. Не будь таких побед, неизвестно, как сложилась бы судьба народов нашей страны. «Скорее всего, она была бы печальной, если не сказать — трагической. Но этого не произошло благодаря вашему героизму, героизму ваших однополчан, героизму советского народа», — обратился он к ветеранам¹.

Важнейшим условием достижения победы на Курской дуге, как и победы в войне в целом, была всенародная поддержка Действующей армии трудящимися освобожденных прифронтовых районов Курской, Воронежской, Орловской и Харьковской областей.

Партийные и государственные органы возглавили патриотическое стремление советских людей и придали стихийно возникающим движениям организованность и широкий размах. С этой целью была развернута организаторская и массово-воспитательная работа среди населения. На заводах и фабриках, в учреждениях, колхозах и совхозах прошли общие собрания трудящихся о предстоящих задачах. Так, в марте 1943 г. на собрании жителей Ленинского района г. Курска выступил первый секретарь обкома партии П. И. Доронин, призвавший приложить все усилия для оказания всесторонней помощи доблестной Красной Армии. В работе собрания приняли также участие председатель исполкома областного совета В. В. Волчков и председатель городского совета Н. А. Масленникова и др.²

Руководители Курской области, обращаясь к населению, призывали: «...успех боевых операций наших войск во многом зависит от того, как население поможет Красной Армии сооружать укрепления, аэродромы, восстанавливать мосты, ремонтировать дороги и т. д. Чем лучше и быстрее мы оборудуем новые аэродромы, тем успешнее ...авиация будет громить вражеские войска. Чем лучше возведем мы укрепления, тем больше гарантий будет против возможных авантюр немецко-фашистской армии. Скорее будут восстановлены мосты и железные дороги — больше снарядов и мин обрушится на голову врага. Каждый аэродром, мост, любой военный объект должен быть пущен в ход вовремя, стало быть, выполнение норм должно стать законом для всех работающих»³.

Органы власти Воронежской, Орловской и Харьковской областей также в основу своей деятельности ставили задачу оказания помощи фронту⁴ [10, с. 263–264]. Основными направлениями их организаторской деятельности являлась мобилизация населения на ремонт боевой техники и вооружения, создание оборонительных сооружений, восстановление и строительство автогужевых и железных дорог, ока-

¹ Дуга истории (Выступление Президента Российской Федерации в г. Курске на праздновании 75-летия со дня завершения сражения на Курской дуге) [Электронный ресурс]. URL <https://rg.ru/gazeta/rg/2018/08/24.html> (дата обращения: 10.02.2019).

² Поможет Красной Армии добиться полной победы // Курская правда. 1943. 5 марта.

³ Долг каждого гражданина перед Красной Армией // Курская правда. 1943. 12 марта.

⁴ Воронежская область в Великой Отечественной войне: сб. док. и материалов. Воронеж: Обл. кн. изд-во, 1948. С. 189; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 3 т. 2-е изд. доп. Киев : Наукова думка, 1985. Т. 2. С. 152–153, 157.

вание помощи в налаживании быта воинов, организации госпиталей и шефства над ними, разносторонняя забота о семьях военнослужащих¹.

Важное место в деятельности партийных и советских органов занимала организация ремонта боевой техники и вооружения, в которых особенно нуждались фронты. И делалось в этом направлении много.

Так, согласно постановлению ГКО от 22 февраля 1943 г. Курский городской комитет обороны 25 марта принял решение организовать на базе Курского мотороремонтного завода стационарную танкоремонтную базу². Трудности были огромные: помещения разрушены, из оборудования осталось всего лишь два токарных станка. Необходимо было восстановить разрушенное предприятие, установить оборудование, освоить новую технологию, организовать размещение, питание и медицинское обслуживание рабочих и служащих базы.

Вся эта большая и сложная работа контролировалась непосредственно обкомом и горкомом партии. Восьмого апреля, например, бюро Курского горкома ВКП(б) заслушало отчет начальника ремонтной базы С. Выменец о ходе выполнения постановления Комитета обороны г. Курска от 25 марта 1943 г. об организации танкоремонтной базы и приняло решение: 1) подобрать кандидатуру на должность заместителя начальника ремонтной базы по политической части; 2) Сталинскому райкому партии оказать практическую помощь базе в решении насущных задач; 3) рассмотреть 17 апреля вопрос о готовности ремонтной базы к работе³.

Чтобы увеличить выпуск отремонтированной боевой техники накануне Курской битвы, необходимо было организовать подготовку специалистов для ремонтной базы, что стало вскоре предметом специального обсуждения бюро Курского горкома партии. 7 июня был рассмотрен вопрос «О состоянии подготовки и обучения кадров ремонтной базы № 6 Промкомбината» и принято постановление, где бюро наметило пути решения данной задачи. В частности, Сталинскому райкому партии предлагалось усилить политико-воспитательную работу среди молодых кадров, положив в основу разъяснение и пропаганду первомайского приказа № 195 Верховного Главнокомандующего, а руководству ремонтной базы — организовать техническую учебу для всех групп рабочих⁴.

Осуществление намеченных мер дало возможность приступить в короткие сроки (с апреля 1943 г.) к ремонту боевых машин и к началу сражения на Курской дуге отремонтировать более 300 танков [9, с. 229].

В ходе начавшегося 5 июля 1943 г. наступления немецко-фашистских войск под Курском наиболее ярко проявилось единство фронта и тыла. Так, на общем собрании танкоремонтной базы в ответ на обращение воинов-фронтовиков дать больше продукции для разгрома врага было принято решение: «Полностью и досрочно выполнять все июльские фронтовые заказы. Каждому рабочему вырабатывать не меньше полутора-двух норм»⁵. Рабочие сдержали свое слово. За трудовую доблесть в выполнении государственного плана коллектив ремонтной базы был награжден переходящим Красным Знаменем Курского городского комитета партии и исполкома горсовета депутатов трудящихся и Красным Знаменем Сталинского

¹ См. подробнее: Гриднев В. П. Руководство тыловым обеспечением войск в Курской битве // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 131–139; Он же. Руководство медицинским обеспечением войск в Курской битве // Управленческое консультирование. 2017. № 12. С. 171–180.

² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. Сб. док. и материалов: в 2 т. Курск : Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 242.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 29.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 65.

⁵ Резолюция общезаводского собрания // Курская правда. 1943. 11 июля.

райкома ВКП(б), а во Всесоюзном социалистическом соревновании занял второе место¹. Многие работники предприятия были награждены орденами и медалями, а токарь А. И. Якшин — орденом Красной Звезды².

Бронетанковая техника восстанавливалась и на других предприятиях Курской области. По инициативе рабочего А. Д. Бобкова на Дерюгинском сахарном заводе была организована мастерская по ремонту танков, самоходных артиллерийских установок и тягачей. Несколько десятков их вернули в строй рабочие завода [4, с. 257].

Помимо выполнения своих основных обязанностей активное участие в ремонте боевых машин принимали и железнодорожники Курского вагонного участка. Силами комсомольской смены во внеурочное время были отремонтированы один бронепоезд и четыре танка³.

Большую помощь куряне оказали и в ремонте стрелкового вооружения. Только механическим заводом г. Курска были отремонтированы десятки пулеметных установок для самолетов 2-й и 16-й воздушных армий [2, с. 159].

К августу 1943 г. из 50 восстановленных предприятий Курска большинство работало для фронта. Промышленность города произвела продукции на 7511 тыс. руб., из них 4 млн — исключительно для армии⁴.

Не отставали от тружеников Курской области и воронежцы. Они восстанавливали танки, самолеты и другую военную технику. В частности, в г. Воронеже ремонтные базы № 2 и № 17 занимались ремонтом танков, а завод № 450 — самолетов⁵. Этому вопросу Воронежская партийная организация уделяла пристальное внимание, установила самый строгий контроль за выпуском продукции. Подтверждением этого является следующий пример. Когда танкоремонтная база № 2 не смогла обеспечить выполнение производственного плана: в апреле при плане 35 танков и в мае — 70 было фактически отремонтировано соответственно один и три танка, то городской комитет партии принял решение заслушать 17 мая на бюро начальника этой базы тов. Синявского⁶. Проанализировав положение дел, бюро Воронежского ГК ВКП(б) отметило, что, несмотря на двухмесячное существование базы, руководство не подготовило ее к среднему и капитальному ремонту боевых машин, не добилось от Наркомтанкпрома и заводов-поставщиков получения необходимого оборудования, инструментов и запчастей для налаживания производства.

Горком партии принял постановление, в котором отметил, что необходимо просить Воронежский обком ВКП(б) поставить вопрос перед ЦК партии о неудовлетворительном обеспечении ремонтных баз № 2 и № 17 со стороны Наркомтанкпрома и заводов-поставщиков, а также о необходимости укрепления этих баз. Далее в постановлении говорилось, что необходимо мобилизовать коллектив предприятия на борьбу с недостатками и на всемерное увеличение выпуска боевой техники высокого качества.

Принятые меры благотворно сказались на деятельности танкоремонтных баз: в третьем квартале ими было отремонтировано более 200 танков [1, с. 30].

Ремонтные бригады, созданные в Харьковской области, оказали существенную помощь в восстановлении боевой техники и вооружения войскам Воронежского

¹ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 259.

² Курский областной краеведческий музей (далее: КОКМ). Фонд Великой Отечественной войны. Д. 8864.

³ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 995. Л. 15.

⁴ Пленум Курского горкома ВКП(б) // Курская правда. 1943. 12 августа.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 285. Л. 64, 94.

⁶ Инициалы в источнике не указаны — авт.

и Юго-Западного фронтов, за что были отмечены Военными советами, а многие ремонтники были представлены к государственным наградам¹.

Таким образом, население прифронтовых областей под руководством партийных и советских органов занималось решением очень важной и нужной задачи — ремонтом военной техники для Действующей армии. Она была успешно решена.

Выиграть битву под Курском невозможно было без создания укрепленных рубежей. Учитывая опыт двух лет Великой Отечественной войны, органы власти прифронтовых областей развернули широкую деятельность по мобилизации трудящихся на помощь частям Красной Армии в создании мощной обороны.

Так, десятый пленум Курского обкома партии отмечал, что оборонительное строительство является одной из важнейших задач областной партийной организации². «Сооружение оборонительных рубежей, укрепление каждого города, села, железнодорожной станции — дело всех трудящихся нашей области, — писала «Курская правда». — ...Близятся решающие сражения. Чем скорее соорудим мы оборонные укрепления, чем лучше укрепим мы свои города, тем легче будет Красной Армии сломить сопротивление врага, разгромить и изгнать его с нашей земли»³. Аналогичные задачи были поставлены и другими партийными комитетами⁴.

Партийные и советские органы в соответствии с постановлениями Военных советов Центрального фронта, 60-й общевойсковой и 1-й танковой армий⁵ приняли ряд решений о привлечении жителей городов и сел, транспорта на создание оборонительных сооружений. В частности, Орловский обком партии 20 марта 1943 г. постановил: мобилизовать в распоряжение 34-го управления оборонительного строительства (далее: УОС) Центрального фронта 10 тыс. чел. до полного окончания строительства рубежей, а в начале июня — выделить 2300 чел. УОС-35 (Степной военный округ)⁶; Курский областной совет депутатов трудящихся для УОС-34 — 10 тыс. чел. и 300 подвод с лошадьми в марте, в апреле — 20 тыс. чел.⁷

Региональные органы власти взяли под постоянный контроль вопросы мобилизации людей на создание оборонительных сооружений и сам ход строительства.

Курский городской комитет обороны (председатель — генерал-майор Доронин П. И.), например, составил план строительства всех оборонительных объектов и календарный план выделения для них рабочей силы⁸. Эти вопросы только бюро Курского горкома партии неоднократно обсуждало на своих заседаниях: 8 апреля 1943 г. был рассмотрен вопрос о ходе мобилизации населения для оборонных работ; 15 мая — о руководстве Дзержинского РК ВКП(б) ходом строительства; 22 июня вновь был рассмотрен этот же вопрос⁹.

В мае 1943 г. бюро Харьковского обкома партии также обсудило вопрос о ходе строительства оборонительных рубежей¹⁰.

¹ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Док. и материалы: в 3 т. Киев : Наукова думка, 1985. Т. 2. С. 164, 174.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1119. Л. 2.

³ Фронт требует! // Курская правда. 1943. 13 июня.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1132. Л. 36; Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941–1943 гг. : сб. док. и материалов. Харьков : Прапор, 1965. С. 331.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 5. Л. 1–3, 19, 21; ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1039. Л. 90, 113, 116, 132.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1446. Л. 105–109; Д. 1448. Л. 63–65, 74.

⁷ Подсчитано авт.: Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 31–33.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 5. Л. 23.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 29, 53, 74.

¹⁰ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 167.

Принятые меры сыграли свою роль. Если в апреле 1943 г. в полосах Центрального и Воронежского фронтов в создании оборонительных сооружений участвовало 105 тыс. рабочих и колхозников Курской области, то в июне — 300 тыс. чел. [5, с. 138]. Кроме того, свыше 10 тыс. жителей области работало в полосах Степного и Юго-Западного фронтов [6, с. 96]. Самое активное участие в создании рубежей обороны Брянского, Центрального и Степного фронтов принимали трудящиеся Орловской области — 82 245 чел. [10, с. 263]. Не отставали от них и трудящиеся Харьковской области — 32 тыс. чел. возводили укрепления¹.

Партийные, советские и комсомольские организации непосредственно руководили этим сложным и особо важным участком работы. Лучшие коммунисты и комсомольцы были направлены в строительные колонны командирами и политработниками, бригадирами и агитаторами. Кировский РК ВКП(б) г. Курска направил командиром отряда члена партии Г.Т. Мальцева, а Ленинский — заместителем начальника отряда по политической части члена ВКП(б) К.Н. Власову. Курский обком ВЛКСМ назначил 317 комсомольцев заместителями политруков комсомольско-молодежных бригад и отрядов². Бюро Харьковского обкома комсомола Украины рекомендовало ЦК ЛКСМУ в качестве комсorghов на оборонительное строительство комсомольцев М.К. Замараева, В.С. Ермолаеву, А.Г. Шагина, Н.И. Гнедиеву, Н.Г. Нахалову³. Секретари РК ВКП(б) и РК ВЛКСМ несли личную ответственность за выполнение районами заданий на строительстве.

Большое значение придавали партийные комитеты и Советы депутатов трудящихся организации труда. Задача эта была не простой, так как ежедневно на создание оборонительных сооружений выходили десятки и сотни тысяч человек, зачастую им приходилось трудиться в условиях артиллерийского обстрела и бомбежек противника. Враг делал все, чтобы сорвать строительство укреплений или хотя бы замедлить его. Почти все работы приходилось выполнять вручную. На всех участках были созданы рабочие колонны по одной тысяче человек, которые возглавляли начальник и заместитель начальника по политической части; рабочие колонны, в свою очередь, делились на отряды по 100 чел. во главе с командиром и политруком; отряды состояли из взводов, бригад и звеньев⁴.

На строительстве создавались комсомольско-молодежные бригады. Только из числа харьковчан-комсомольцев в УОС-36 насчитывалось 118 таких бригад⁵.

Особое внимание уделяли партийные и советские органы прифронтовых областей идейно-политической работе, направленной на мобилизацию народных масс, своевременное и качественное выполнение заданий военного командования и оказание помощи фронту. Лекции, доклады, беседы, политдни проводились непосредственно на рабочих местах. Только в колонне Дзержинского района г. Курска, например, беседами и читками было охвачено 21,6 тыс. чел.⁶ Вся агитационно-пропагандистская работа нацеливала трудящихся на успешное завершение оборонительного строительства. 16 мая 1943 г. районными комитетами партии Курска был проведен политдень «Текущий момент и задачи по укреплению города Курска». С докладами на нем выступили секретари РК ВКП(б)⁷. В Харьковской области си-

¹ Там же. С. 169.

² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 86, 114.

³ Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. С. 326.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 53; Д. 1446. Л. 109; Д. 1448. Л. 65; ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 6. Л. 8.

⁵ Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 169.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 411.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1. Д. 7. Л. 224.

лами лекторской группы обкома КП(б)У была прочитана с марта по июль 1943 г. 451 лекция с охватом 52 143 чел.¹

Организаторская и массово-политическая работа партийных организаций позволила широко развернуть социалистическое соревнование как между районами, участками и бригадами, так и внутри бригад за досрочное окончание строительства. Партийные комитеты требовали, чтобы коммунисты и комсомольцы, демонстрируя образцы стахановской работы, шли в авангарде коллективов строителей². Партийные организации всячески популяризировали социалистическое соревнование. С этой целью использовались разные формы и методы агитационно-пропагандистской работы, в том числе стенгазеты и боевые листки³.

Соревнование явилось действенным средством дальнейшего укрепления дисциплины и повышения производительности труда. Ярким свидетельством этого явился растущий из месяца в месяц выход населения на строительство фронтовых рубежей, сооружаемых УОС-34: если в начале апреля прибыло около 400 чел., то уже в первой декаде мая работало почти 9 тыс. чел. В дальнейшем в мае-июне работало в среднем 16 033 чел.⁴ Производительность труда увеличилась со 113,9 в мае до 158% в июле 1943 г.⁵

Самоотверженная работа тружеников прифронтовых областей приобрела особо важное значение в период начавшегося наступления немецко-фашистских войск. Партийные и советские органы усилили организаторско-политическую работу и призвали советских людей в эти дни отдать все силы и средства на помощь фронту. «В области идут большие оборонные работы, — писала «Курская правда». — Разве не ясно, как возрастает их значение сейчас, в дни боев. Прифронтовая полоса должна покрыться густой сетью укрепленных рубежей. Каждый город должен стать крепостью, каждая деревня — узлом сопротивления. Строители оборонных укреплений! Работайте еще энергичнее, перевыполняйте нормы. Чем лучше мы построим оборонные объекты, тем легче будет воинам Красной Армии сломить натиск врага»⁶.

Курский обком партии организовал специальный выпуск газеты «Курская правда на стройке укреплений» тиражом 1 тыс. экземпляров (выпуск 2–3 раза в неделю — *авт.*), первый номер которого вышел 11 июля 1943 г.⁷

В газете «Курская правда» была помещена тематическая рубрика «Твоя семья с тобой в бою!». В одном из номеров ее было напечатано письмо П. М. Пяцевич к мужу-фронтовику, в котором сообщалось, что она выполняет норму на 110–120%, не отстают от нее дочь Виктория и сын Виталий⁸.

Для строителей оборонительных сооружений было организовано радиовещание: передано свыше ста сообщений и восемь тематических выступлений о ходе работ⁹.

В результате неустанной работы партийных и советских органов были достигнуты высокие, напряженные темпы строительства и массовое участие в нем гражданского населения. Это позволило основные оборонительные работы закончить своевременно, а некоторые и досрочно. За всем этим стоит самоотверженный труд рабочих, колхозников, советской интеллигенции. Некоторые представления о проделанной работе могут дать следующие данные. Трудящиеся Курской области на

¹ Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. С. 336.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1133. Л. 74.

³ КОКМ. Ф. Великой Отечественной войны. Д. 2642/9.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 131, 133, 380.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 409; Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 7. Л. 225.

⁶ Поможем Красной Армии сломить натиск врага! // Курская правда. 1943. 7 июля.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1126. Л. 55; ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 415.

⁸ Курская правда. 1943. 21 июля.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 412.

участке Центрального фронта вынули свыше 2 млн м³ земли, изготовили более 1,5 тыс. срубов для дзотов¹, отрыли до 5 тыс. км траншей и ходов сообщений, что равно расстоянию от Москвы до Иркутска [9, с. 227–228].

Жителями Харьковской области было отработано 1,5 млн чел.-дней, выполнено 2 млн м³ земляных работ, произведена планировка на площади 500 тыс. м², проведено маскировочных работ на 570 тыс. м².²

В целом объем инженерных работ, выполненных воинскими частями и тружениками прифронтовых областей в районе Курской дуги, был огромен: подсчитано, что на строительстве оборонительных сооружений было вынуто столько грунта, что если собрать всю землю, то получился бы сплошной вал высотой 35 м и длиной 400 км [8, с. 141].

Трудовой героизм, вклад советских людей в историческую победу на Курской дуге получил заслуженную оценку. По неполным данным только из Курской области 52 человека были представлены командованием к государственным наградам³ и 226 — награждены Почетными грамотами⁴.

Отдавая должное героическому труду жителей района Курской дуги, выдающиеся советские полководцы Маршалы Советского Союза Жуков Г. К., Конев И. С. и Рокоссовский К. К., сыгравшие значительную роль в битве под Курском, отмечали впоследствии в своих мемуарах, что без широкой помощи местного населения, которое на промышленных предприятиях прифронтовых районов ремонтировали танки, самолеты, машины, артиллерийскую и иную технику, осуществляли строительство оборонительных рубежей, невозможно было бы войскам одержать победу в Курской битве [3, с. 42; 7, с. 10; 11, с. 199].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. *Аброськин С. В.* Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Воронеж : Коммуна, 1965.
2. *Битва на Курской дуге* / под ред. К. С. Москаленко. М. : Наука, 1975.
3. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М. : Изд-во АПН, 1986. Т. 3.
4. *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945* : в 6 т. М. : Воениздат, 1961. Т. 3.
5. *История Второй мировой войны, 1939–1945* : в 12 т. М. : Воениздат, 1976. Т. 7.
6. *Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г.* Курская битва. М. : Воениздат, 1970.
7. *Конев И. С.* Записки командующего фронтом, 1943–1945. М. : Наука, 1985.
8. *Корнев А. С.* У них были мирные профессии. М. : Воениздат, 1962.
9. *Очерки истории Курской организации КПСС.* Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1980.
10. *Очерки истории Орловской партийной организации.* Тула : Приокское кн. изд-во, 1967.
11. *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М. : Воениздат, 1985.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

¹ ДЗОТ (дерево-земляная огневая точка) — полевое, огневое сооружение, дающее защиту не только от осколков и пуль, но и от мин и снарядов противника // Фортификационный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kfss.ru/content/fortifikacionnyy-slovar> (дата обращения: 01.04.2019).

² Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 175.

³ Подсчитано авт.: ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1057. Л. 87; Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 115.

⁴ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 115.

References

1. Abroskin S.V. Voronezh region during the Great Patriotic War. Voronezh : Commune, 1965. (In rus)
2. Battle of the Kursk Bulge / ed. by K. S. Moskalenko. M. : Science, 1975. (In rus)
3. Zhukov G.K. Memoirs and reflections. M. : APN, 1971. (In rus)
4. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945: in 6 v. M. : Voenizdat, 1961. T. 3. (In rus)
5. History of the Second World War, 1939-1945: in 12 tons. M. : Voenizdat, 1976. (In rus)
6. Koltunov G. A., Soloviev B. G. The Kursk Battle. M. : Voenizdat, 1970. (In rus)
7. Konev I. S. Notes of the front commander, 1943–1945. M. : Science, 1985. (In rus)
8. Kornev A. They had peaceful professions. M. : Voenizdat, 1962. (In rus)
9. Essays on the history of the Kursk organization of the CPSU. Voronezh : Central-Chernozem. publishing house, 1980. (In rus)
10. Essays on the history of the Oryol party organization. Tula : Prioksky publishing house, 1967. (In rus)
11. Rokossovsky K. K. Soldier's debt. M. : Voenizdat, 1985. (In rus)

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

Компетентностный метод формирования проектной и интеграционной команд при реализации сделки слияния в банковском секторе

Рукавишников Д. С.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация; dmitriy.probst@gmail.com

РЕФЕРАТ

Актуальность темы настоящего исследования определяется необходимостью формирования компетентных рабочих команд, участвующих в сделке слияния (поглощения) в банковском секторе, как важного фактора снижения риска неудачного слияния и повышения эффективности сделок.

В статье проведен общий анализ факторов эффективности сделок слияния (поглощения) в банковском секторе. Сделаны выходы относительно переходящего фактора эффективности, охватывающего все основные этапы реализации проекта M&A (англ. Mergers & Acquisitions — слияние и поглощение). Сгруппированы и описаны модели компетенций рабочих команд (проектной и интеграционной).

Предметом исследования выступают организационно-правовые отношения, возникающие при реализации процессов слияний и поглощений в банковской сфере.

Объект исследования — проектная и интеграционная команды, участвующие в реализации сделки слияния.

Ключевые слова: сделки слияния и поглощения, факторы эффективности, компетентностный подход, компетенции, проектная команда, интеграционная команда

Competence Method of Forming Project and Integration Teams in the Implementation of a Merger Transaction in the Banking Sector

Dmitriy S. Rukavishnikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; dmitriy.probst@gmail.com

ABSTRACT

The relevance of the topic of this study is determined by the need to form competent working teams participating in a merger (acquisition) transaction in the banking sector as an important factor in reducing the risk of a failed merger and increasing the efficiency of transactions.

The article contains a general analysis of the efficiency factors of merger (acquisition) transactions in the banking sector. Outputs have been made regarding the transfer factor of efficiency, covering all the main stages of the implementation of the M & A project (Mergers & Acquisitions — mergers and acquisitions). The groups of competences of working teams (project and integration) are grouped and described.

The subject of the research is the organizational and legal relations arising from the implementation of mergers and acquisitions in the banking sector.

The object of study is the project and integration teams involved in the implementation of the merger transaction.

Keywords: Mergers and acquisitions, efficiency factors, competence-based approach, competencies, project team, integration team

Введение

Реструктуризация кредитных организаций — это сложный, долгий и высокозатратный проект, поэтому при принятии решения собственниками и топ-менеджерами

и развитии банковской организации путем реализации проекта M&A следует уделить особое внимание на то, кто именно будет проводить сделку, какими качествами и компетенциями обладают эти сотрудники. Успех сделки во многом зависит не только от общих плановых мероприятий, но и от того, какого уровня специалисты задействованы в данном процессе. Люди — главный элемент реализации проекта слияния, и на успех сделки в первую очередь влияют профессионализм и личные качества членов рабочей команды и менеджеров.

Факторы эффективности сделки слияния (поглощения) в банковском секторе

Проблемы эффективного управления процессами слияний и поглощений напрямую связаны с факторами, влияющими на успех реализации проекта M&A. На основе пошагового алгоритма реализации проекта M&A [4] были определены ключевые факторы, оказывающие непосредственное влияние на успех и неудачу сделки (рис. 1) на каждом этапе ее реализации.

На основании выявленных факторов эффективного управления процессами слияний и поглощений в банковском секторе была определена ключевая особенность, проходящая через все описанные выше процессы и оказывающая прямое влияние на результаты сделки. Она заключается в надлежащей подготовке проектной и интеграционной команд, топ-менеджмента и персонала банка в целом. Отсутствие необходимых компетенций и опыта реализации проектов M&A негативно сказывается на всех этапах управления процессами и может существенно повлиять на эффективность сделки.

Говоря о методах совершенствования управления процессами слияний и поглощений с позиции менеджмента, нами было выявлено, что применение компетентностного подхода при формировании проектной и интеграционной команд является хорошим способом снизить риск неудачи сделки, а также повысить ее эффективность, в том числе за счет снижения временных издержек и возникновения дополнительных финансовых затрат.

Компетентностный подход при формировании проектной и интеграционной команд

От того, какими компетенциями обладают менеджеры, как они могут построить работу своих сотрудников и насколько оперативно и правильно могут принимать те или иные управленческие решения, зависит степень достижения стратегических целей. При этом, говоря о сделках слияния, как об элементе достижения долгосрочных стратегических целей банка, важно понимать, что неудачное и успешное слияние напрямую связано с тем, какими компетенциями обладают менеджеры и члены рабочей команды, участвующие в процессе. В этой связи вопрос построения системы управления компетенциями, именуемой компетентностным подходом, стоит наиболее остро. Основной целью создания такой системы является развитие у работника банка необходимых компетенций и навыков для обеспечения устойчивого развития компании.

Модели компетенций рассматриваются как важный способ достижения высокой организационной эффективности посредством фокусирования на индивидуальных способностях и возможностях сотрудника [1–3; 5–7].

Построение системы управления персоналом на основе компетентностного подхода предполагает, во-первых, определение предметной области компетентностного подхода и, во-вторых, формирование консолидирующих принципов компетентностного подхода в рамках кадровой политики не только при реализации сделки слияния, но и работы банка в целом.

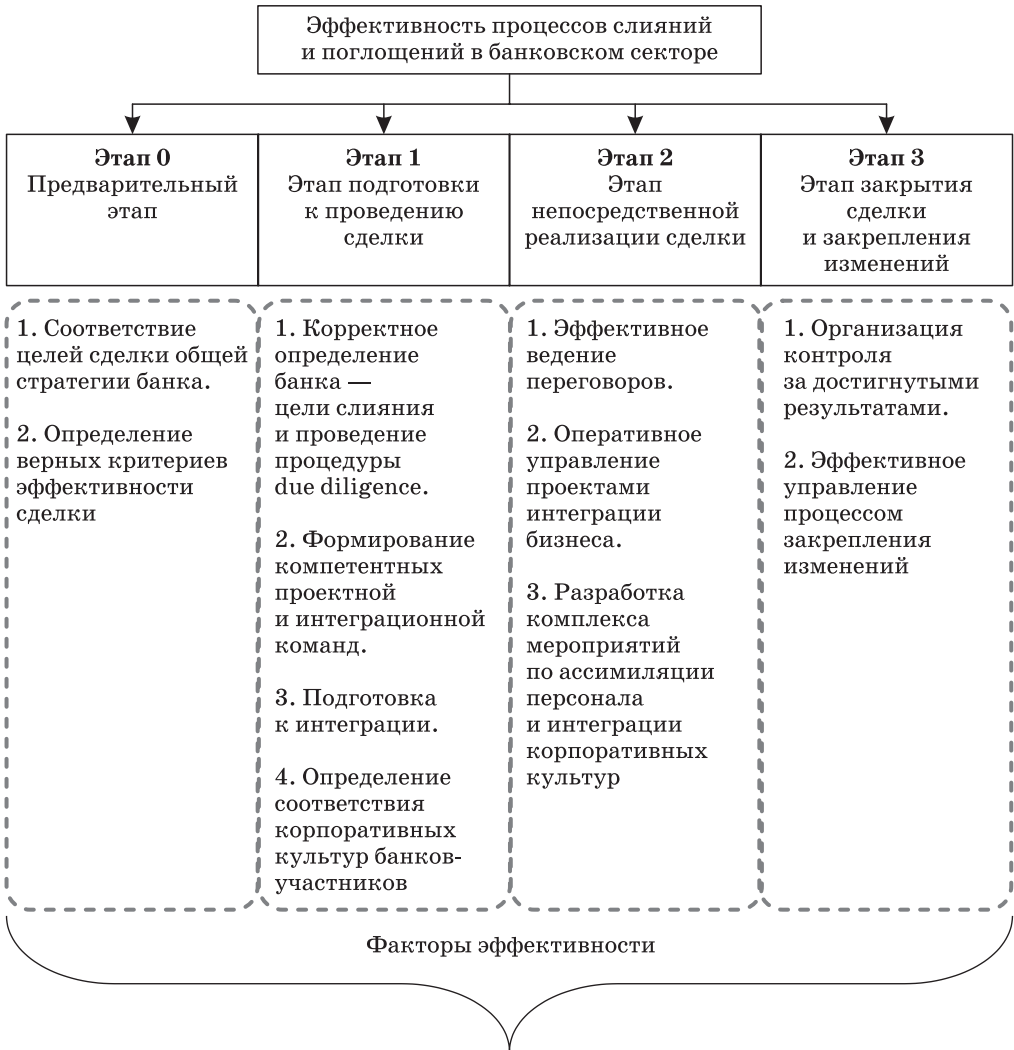

Рис. 1. Факторы эффективности сделки слияния и поглощения в банковском секторе
 Fig. 1. Factors of efficiency of the transaction of merge and absorption in the banking sector

Источник: авторская разработка.

Каждая корпоративная модель компетенций также является уникальной и соответствует «индивидуальности» компании, поэтому не может быть механически скопирована или перенесена из одной компании или банка в другую. Как правило, модель компетенций разрабатывается под конкретного заказчика, зависит от стратегических целей и корпоративной культуры организации. На рис. 2 представлена модель компетенций в общем виде, в которой указаны обобщенные группы качеств и компетенций, которыми должны обладать члены рабочей команды и менеджеры, участвующие в реализации проекта M&A для успешного выполнения поставленных целей и организации рабочего процесса на всех уровнях взаимодействия. Общий вид модели компетенций применим не только при разработке и реализации сделок

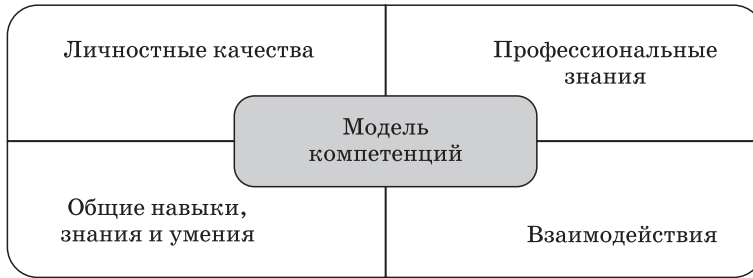

Рис. 2. Общий вид модели компетенций
Fig. 2. General view of model of competences

Источник: авторская разработка на основе базовой модели компетенций.

слияния и иных методов реструктуризации банковского бизнеса, но и при целостном построении систем управления персоналом и взаимодействия внутри рабочего коллектива.

Модель, или карта, ключевых компетенций менеджмента, необходимых для успешной реализации проекта слияния (поглощения), основывается на 3 основных группах компетенций: личные качества — профессиональные знания — общие навыки, знания и умения. Однако, говоря о компетенциях, необходимо разделять компетенции для разных команд, участвующих в сделке. Ввиду особенностей и разнообразия проблем, возникающих при реализации сделки слияния (поглощения), рабочие группы должны обладать разным набором компетенций. Подбирая специалистов в проектную и интеграционную команды, необходимо ориентироваться на разные профессиональные навыки и знания, набор которых должен способствовать эффективному решению возникающих задач и проблем.

В табл. 1 представлена карта ключевых компетенций, которыми должны обладать члены проектной команды при реализации проекта слияния, разложенные по группам.

Функции и задачи, которые стоят перед проектной и интеграционной командами, также отличаются и вступают в работу на разных этапах реализации проекта слияния. Роль и функции проектной команды заключаются в проработке сделки на предварительных и подготовительных этапах. Кроме проектной команды в реализации проекта слияния участвует интеграционная команда. Основная ее задача заключается в проведении процедуры интеграции, которая включает объединение банковской инфраструктуры, ИТ-систем и ассимиляции персонала и корпоративных культур банков-участников. Компетенции, которыми должны обладать члены интеграционной команды, также отличаются от компетенций проектной команды, однако личные качества остались практически без изменений. В табл. 2 представлена карта ключевых компетенций, которыми должны обладать члены интеграционной команды при реализации проекта слияния, разложенные по группам.

Заключение

Управление процессами слияний и поглощений — это долгий и сложный комплекс мероприятий, требующий комплексного, системного подхода. На каждом этапе реализации сделки слияния (поглощения) определены процессы и задачи, некачественное выполнение которых может увеличить вероятность неудачного слияния. Таким образом, выявление проблем, возникающих на каждом этапе реализации проекта M&A и поиск возможностей по их решению, является одной из приоритет-

Карта ключевых компетенций менеджеров и членов проектной команды по группам

Table 1. The card of key competences of managers and members of project team on groups

Личностные качества	Профессиональные знания	Общие навыки, знания и умения
Экономическое, техническое, юридическое или управленческое образование, а еще лучше — и то, и другое		
Коммуникабельность, способность поддерживать контакт	Знание принципов разработки и реализации проектов слияния, в том числе желательно международных	Навык разработки стратегии реализации сделки слияния, формулировки задач и необходимых требований
Инициативность, высокая энергетика, способность к мотивации людей	Знание методов стратегического планирования и менеджмента	Знание бухгалтерии, принципов экономики, корпоративных финансов
Готовность взять на себя ответственность	Глубокие знания в области проектного управления (принципы, методология, взаимодействие)	Навыки и знания в области управления персоналом и эффективной команды
Стратегическое (системное) мышление	Знание принципов этического ведения бизнеса	Навыки проведения презентации и ведения переговоров
Креативность, харизма, самоконтроль	Знания в области корпоративного и гражданского права	Общие знания в области банковской ИТ-инфраструктуры
Ответственность, честность	Знания требований и нормативов ЦБ РФ	Знание методов комплексного анализа хозяйственной деятельности объекта слияния (due diligence)
Гибкость, готовность к изменениям, обучаемость	Знание принципов корпоративного управления	Знания методов управления персоналом и корпоративной культурой

Источник: авторская разработка.

Карта ключевых компетенций менеджеров и членов интеграционной команды по группам

Table 2. The card of key competences of managers and members of integration team on groups

Личностные качества	Профессиональные знания	Общие навыки, знания и умения
Экономическое, техническое, юридическое или управленческое образование, а еще лучше — и то, и другое		
Коммуникабельность, способность поддерживать контакты	Знание принципов реализации проектов слияния, в том числе международных	Навыки и знания в области управления персоналом и эффективностью команды

Личностные качества	Профессиональные знания	Общие навыки, знания и умения
Инициативность, высокая энергетика, способность к мотивации людей	Знание принципов интеграции бизнес-процессов	Знание бухгалтерии, принципов экономики
Готовность взять на себя ответственность	Глубокие знания в области проектного управления (принципы, методология, взаимодействие)	Навыки презентации и ведения переговоров
Креативность, харизма, самоконтроль	Знания в области корпоративного и гражданского права	Глубокие знания в области банковской ИТ-инфраструктуры (архитектура, ИТ-систем, базы данных)
Ответственность, честность	Знания требований и нормативов ЦБ РФ	Знания методов объединения персонала и корпоративных культур
Гибкость, готовность к изменениям, обучаемость	Знание принципов корпоративного управления	Навыки разработки ТЗ на интеграцию

Источник: авторская разработка.

ных задач. В рамках поставленной задачи были определены факторы эффективности сделки слияния и поглощения на каждой стадии реализации проекта слияния (см. рис. 1). Выявленные факторы оказывают прямое влияние на успех сделки и достижения намеченной величины синергетического эффекта.

Одной из ключевых особенностей, охватывающей все выявленные факторы эффективности, является невысокая степень подготовки членов рабочих команд, участвующих в реализации проекта М&А. В ходе исследования нами были разработаны карты ключевых компетенций для двух типов рабочих команд: проектная команда (см. табл. 1), интеграционная команда (см. табл. 2).

Формируя рабочие команды, руководствуясь принципами компетентностного подхода и основываясь на выявленном наборе компетенций, менеджмент и собственники бизнеса могут снизить риск неудачного слияния (поглощения). В первую очередь это будет связано с повышением качества знаний, навыков и опыта сотрудников, что позволит снизить количество ошибок и упущений при реализации проекта слияния.

Литература

1. *Алехина О.* Управление корпоративной компетенцией как один из аспектов долгосрочного развития компании // Управление персоналом. 2000. № 2. С. 73–75.
2. *Басинская И. В.* Компетентностный подход в управлении человеческими ресурсами / О. М. Радюк, И. В. Басинская // Гуманитарно-экономический вестник: научно-теоретический журнал. 2013. № 3. С. 81–87.
3. *Войцеховская Т. В., Герасимова Е. А.* Возможности применения компетентностного подхода в управлении проектными командами // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2015. № 6. С. 339–345.

4. Рукавишников Д. С., Дмитриева А. Г. Анализ алгоритма процессов реализации проекта слияния (поглощения) в банковском секторе [Электронный ресурс] // Российский экономический интернет-журнал, 2019. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2019/Rukavishnikov.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
5. Старкова Н. А. Компетентностный подход в управлении командой проекта // Экономический вестник Ярославского университета. 2014. № 31. С. 69–75.
6. Цыгалов Ю. М. Формирование компетенций организации [Электронный ресурс] // Российский экономический интернет-журнал. 2016. № 4. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/829/829df9b325d703d17f9a3707a623a59e.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
7. Чуланова О. Л. Концепция компетентностного подхода в управлении персоналом // Наукoведение. 2013. № 5. С. 8–15.

Об авторе:

Рукавишников Дмитрий Сергеевич, аспирант департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Российская Федерация); dmitriy.probst@gmail.com

References

1. Alekhina O. Management of corporate competence as one of aspects of long-term development of the company // Human resource management [Upravlenie personalom]. 2000. N 2. P. 73–75. (In rus)
2. Basinskaya I. V. Competence-based approach in management of human resources / O. M. Radyuk, I. V. Basinskaya // Humanitarian and economic messenger: scientific-theoretical magazine [Gumanitarno-ekonomicheskii vestnik: nauchnoteoreticheskii zhurnal]. 2013. N 3. P. 81–87. (In rus)
3. Voytsekhovskaya T. V., Gerasimova E. A. Possibilities of application of competence-based approach in management of project teams // Management of human resources — a basis of development of innovative economy [Upravlenie chelovecheskimi resursami — osnova razvitiya innovatsionnoi ekonomiki]. 2015. N 6. P. 339–345. (In rus)
4. Rukavishnikov D. S., Dmitriyeva A. G. The analysis of an algorithm of the processes of implementation of the project of merge (absorption) in the banking sector [An electronic resource] // Russian economic online magazine [Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal], 2019. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2019/Rukavishnikov.pdf> (date of access: 12.02.2019). (In rus)
5. Starkova N. A. Competence-based approach in management of team of the project // Economic bulletin of the Yaroslavl university [Ekonomicheskii vestnik Yaroslavskogo universiteta]. 2014. N 31. P. 69–75. (In rus)
6. Tsygalov Yu. M. Formation of competences of the organization [Electronic resource] // Russian economic online magazine [Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal]. 2016. N 4. URL: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/829/829df9b325d703d17f9a3707a623a59e.pdf> (date of access: 12.02.2019). (In rus)
7. Chulanova O. L. The concept of competence-based approach in human resource management // Science studies [Naukovedenie]. 2013. N 5. P. 8–15. (In rus)

About the author:

Dmitriy S. Rukavishnikov, Graduate student, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); dmitriy.probst@gmail.com

Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности

Аюшеева Д. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dayusheeva@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается протестное настроение среди российской молодежи, а также его роль в самоидентификации и политическом определении в среде людей в возрастных группах от 16 до 30 лет. Цель: показать отношение к протестным акциям молодежи, а также уровень участия в них. В работе были использованы готовые статистические данные, проведенные ВЦИОМ и ЦЭПР — ведущими аналитическими центрами России. Образ молодежи представлен через призму социально-психологической группы. Результаты: роль протестов оказывает существенное влияние на развитие страны и возможности дальнейшей разработки государственной политики по коммуникациям с молодежью. В статье обсужден актуальный вопрос политической идентичности молодежи, реализуемой посредством участия в протестных акциях. Рассмотрены причины возникновения протестного движения в России и указан ряд мероприятий, в которых принимало активное участие молодое поколение России. Главными причинами, побуждающими молодежь действовать, являются проблемы в таких сферах жизни, как социальная, экономическая и правовая. Менее всего интересны проблемы в правоохранительных структурах, а также национальные и религиозные сферы. Выводы: необходимо выделять больше финансовых средств и человеческих ресурсов на молодежную политику, для обеспечения реализации прав и интересов молодого поколения России.

Ключевые слова: протесты, молодежная среда, активная молодежь, идентичность, политика, политическое участие

Participation of Youth in Protest Actions in Modern Russia as Way of Self-identity

Darima A. Ayusheeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint-Petersburg, Russian Federation; dayusheeva@yandex.ru

ABSTRACT

This article is about protest sentiments of young generation in Russia and its self- and political identity in the age group between 16–30. The aim of this article is to show the relation of young people to protest actions and their participation in it. Statistics are taken from the All-Russian Public Opinion Research and the Economic and Political Realignment Centers; these are the leading analytical organizations in Russia. The Character of young people is shown from the perspective of social and psychological groups. As a result, protests affect the most on national development and future national communication policy in cooperation with young people. The article considers relevant questions of youth's political identity, realized through participation in protest actions, realizes reasons for protest actions, and gives us a list of events, participated by young people in Russia. The main reasons for active participation are problems in such life spheres as social, economic and legal. It also should be mentioned their fewer concerns in law enforcement agencies, national and religious spheres. Therefore, it is necessary for the government to spend more finances and human resources on youth policy to accomplish the rights and interests of Russian young generation.

Keywords: protests, youth environment, active youth, identity, politics, political participation

Сегодня распространено мнение, что граждане постсоветской России пассивны в отношении политики и склонны более поддерживать «сильную авторитарную власть», нежели демократические способы управления. Политическое участие и вовлечение граждан в политику в России находится на низком уровне. Многие исследователи называют граждан России аполитичными. Самой массовой формой политического участия граждан является участие на выборах, однако, явка на выборах различного уровня остается низкой. Многие исследователи отмечают, что сложилась ситуация деполитизации, протекающая с начала 1990-х годов и связанная с разочарованием в публичной политике, поэтому гражданское общество, отрицающая власть и идеологию коммунистического режима, одновременно отвергло публичную сферу и коллективные действия.

Россия традиционно является страной с низким уровнем протестной активности. Принято считать, что способность к массовой мобилизации и протестам граждане продемонстрировали дважды: в период перестройки, когда массовые действия привели к распаду Советского Союза, и акции 2011–2012 гг., когда граждане вышли на улицы с призывами «За честные выборы». Тем не менее Россия сохраняла низкий уровень социально-экономического протеста в сравнении с международными показателями. Объяснить это можно тем, что не произошло формирование организаций, способных к мобилизации масс и последующей протестной активности. Для формирования подобных организаций необходимо существование различных структур коммуникации между единомышленниками, где была бы налажена координация действий. С приходом новых политических акторов и последовавшей смене политического курса спад в экономике прекратился, за чем последовал бурный рост. Поэтому можно судить о том, что основания для массовых протестных акций, связанных с несогласием с политическим и экономическим курсом, снизились. Исключением являются лишь протестные акции 2005 г., связанные с «монетизацией льгот». Таким образом, можно говорить, что до политизации 2011–2012 гг. преобладающим способом выражения несогласия в обществе был деполитизированный протест. То есть коллективные действия в деполитизированном обществе возникают лишь в качестве ответа на ряд вопросов, затрагивающих напрямую повседневную жизнь индивидов. Так, исследовательница Карин Клейман выделяет три проблемы, способные мобилизовать аполитичное российское общество: льготы, жилье и оплата труда [2].

Негативный характер посткоммунистической деполитизации способствовал консолидации режима, так как авторитарный режим существует не столько за счет массовой поддержки, сколько на массовом равнодушии отказа от участия в политической жизни страны. В последние годы можно проследить тенденцию снижения уровня доверия населения к политическим институтам и акторам [1]. В качестве доказательства можно привести статистику Всероссийского центра изучения общественного мнения, в частности, индекс доверия к действующему президенту В. В. Путину постепенно снижается, а индекс недоверия к председателю правительства Д. А. Медведеву растет¹. В последние годы можно наблюдать рост социальной напряженности и протестной активности граждан. Отражением недоверия граждан политическим институтам, к конкретным акторам и ростом социальной напряженности являются протестные акции 2011–2012 гг., напрямую они не затрагивали личные интересы граждан, однако по своей массовости были одними из самых многочисленных за всю историю современной России.

Ситуация начала меняться к декабрю 2011 г., и связано это было с выборами в Государственную Думу и выборами президента России. Несмотря на то что исход выборов был крайне благоприятный для действующей политической элиты, уровень

¹ Доверие политикам [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam/ (дата обращения: 05.03.2019).

массовой политической поддержки режима постепенно снижался. Более того, недовольство результатами переросло в самые массовые протестные акции за последние несколько лет. В период протестной активности 2011–2012 гг. удалось мобилизовать массы для участия в массовых акциях, а также выявить новые каналы рекрутинга, в частности, интернет. Тем не менее протестные акции показали свою низкую эффективность с точки зрения воздействия на политические институты и на ситуацию в целом. Поэтому численность участников протестных акций пошла на спад, и вскоре акции прекратились.

В этой связи протесты 2017 г. являются особенно интересным событием, так как они бросили вызов тотальной деполяризации, мобилизовав человеческие ресурсы, что является само по себе феноменом для системы электорального авторитаризма. Высокий уровень вовлечения народных масс в протестные акции демонстрировал идею о том, что политическая активность является не бессмысленным действием, а выражением собственного мнения и несогласия с проводимым политическим курсом.

О причинах начала массовых протестов 2017 г. высказывались различные точки зрения и предположения. Одни говорили о кризисе легитимности власти и устойчивом снижении рейтингов первых лиц государства, другие связывали это с запросом на политические изменения. Помимо долгосрочных причин и длительных тенденций, имели место и ситуативные факторы, ставшие триггерами мобилизации народных масс. 2017 г. стал знаменательным на массовые акции: протестные акции в Санкт-Петербурге против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви; федеральные антикоррупционные митинги, самые многочисленные за последние десятилетия; акции против реноваций в Москве; акции «За свободный интернет» и другие менее многочисленные акции.

Не последнее значение в подъеме протестной активности и проведении самых многочисленных митингов имело обнародование расследования ФБК о коррупционных связях Председателя Правительства РФ, запустившее волну негодования и несогласия внутри гражданского общества и заставившее выйти на улицу даже тех, кто ранее не принимали участия в массовых демонстрациях, в частности, группу граждан, которую принято называть «молодежь»¹. Немаловажно и то, что свидетельства коррупционного факта являются довольно противоречивыми. Однако высокий уровень коррупции на всех уровнях превратил протест в легитимный, предоставляя протестующим площадку для выражения своей позиции. То есть протесты стали уникальным событием, которое не просто послужило поводом для выражения уже накопившегося недовольства, но и стало самостоятельной мобилизующей повесткой. Кроме того, можно упомянуть и о том, что предпосылками протестной активности были и ряд структурных факторов и тенденций, таких как падение уровня доходов населения, экономический кризис, политическое противостояние России и Запада, недовольство проводимым политическим курсом в стране и ужесточением режима².

Одним из основных участников протестов являются представители молодежной среды, для которых характерна множественная политическая самоидентификация. Политическую идентичность можно описать как особый вид социальной идентичности, направленный на самоопределение индивида в политическом плане через идентификацию с политическими институтами и предполагающий участие индивидов в политическом процессе [6].

¹ Молодежный протест: причины и потенциал [Электронный ресурс] // Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР). URL: <http://cepr.su/2017/05/18/российская-молодежь/> (дата обращения: 05.03.2019).

² Протестная активность в III квартале 2017 года: рост на 60% [Электронный ресурс] // Центр экономических и политических реформ (ЦЭПР). URL: cepr.su/wp-content/uploads/2017/11/протестная-активность-россиян-в-iii-квартале-2017-года-pdf (дата обращения: 08.03.2019).

В настоящее время молодое поколение России проявляет интерес к процессам, происходящим как внутри страны, так и за ее пределами, такой интерес можно рассматривать со стороны государства и гражданского общества. Молодежь выражает свою политическую идентичность посредством участия в политических организациях, будь то политические партии, выборы, массовых протестных акциях, пропаганда политических идей и ценностей. Необходимо принять во внимание, что политическая идентичность молодежи может быть использована для подрыва сложившегося гражданского общества. Дестабилизация стран Ближнего Востока, цветные революции — наглядный пример распространения радикального настроения молодого поколения. На государственном уровне следует закрепить меры, препятствующие противоправным действиям, направленным на молодежь. В связи с этим молодежная политика должна осуществлять поддержку комплексного формирования сознания молодежи. Президент Российской Федерации Владимир Путин подтвердил важность осуществления молодежной политики: «Когда мы говорим о молодежной политике, то имеем в виду целый комплекс экономических, социальных вопросов, проблем демографии, науки, образования, жилищной политики... Это продолжение нашей стратегической линии на инвестиции в человеческий капитал. Это наиболее динамичная и в то же время наиболее уязвимая часть общества. С одной стороны, она способна на многое. Может сделать страну по-настоящему успешной и конкурентоспособной, но требует поддержки, поощрения, создания здоровой жизненной среды и надежных социальных гарантий... Необходимо снять все барьеры для роста, карьерного продвижения молодежи в бизнесе, системе госуправления, в науке, предоставить ей широкие возможности для личностной и профессиональной самореализации»¹. Однако вопрос заключается в том, почему именно коррупционная составляющая российской политической системы стала отправной точкой для массовых акций протеста. Можно привести два довода для ответа на данный вопрос. Во-первых, факт о возможном коррупционном деле Председателя Правительства РФ стал не столько предлогом для выражения массового недовольства, сколько событием (в условиях застойной политической системы), которое мобилизовало тех, кто в иной ситуации вряд ли бы стал участников протестной акции. Во-вторых, благодаря усилению позиций несистемной оппозиции и электронных медиа, информация получила широкое распространение, и для многих митингующих стало делом «чести». То есть сработало чувство оскорбленного достоинства, вызванное неоправданно роскошным образом жизни премьер-министра в условиях экономического кризиса и его призывом к «затягиванию поясов».

Поэтому, говоря об актуальности темы, можно прежде всего сказать, что сам политический контекст создает повестку для исследователей. В качестве доказательства можно привести исследование ВЦИОМ, которое проводится каждый месяц и фиксирует рост протестных настроений в России. Эмпирической базой для исследования служат экспресс-опросы, проводимые в 146 населенных пунктах России и строящиеся на показателях удовлетворенностью жизнью, социального оптимизма, материального положения, экономического положения страны, политической обстановки и общего вектора развития страны. Так был зафиксирован рост протестных настроений в 2017 г. по сравнению с предыдущими годами².

Тема протестов в России не нова по своей сути. Анализом общественных движений, в частности протестных, занимались многие политологи и социологи. Наиболее

¹ В.В. Путин о молодежной политике [Электронный ресурс] // Центр молодежных и предпринимательских инициатив. Поколение 2025. URL: <https://pokolenie2025.com/v-v-putin-o-molodezhnoy-politike/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=176> (дата обращения: 05.03.2019).

известными из них являются В. В. Костюшев, который сосредоточил свое внимание на социальном протесте, его потенциале, репертуаре и дискурсе [3]. В. Я. Гельман в статье «Режим и граждане в условиях российского кризиса: уход, протест или лояльность?» рассматривает протесты в условиях электорального авторитаризма. К. Клейман в книге «От обывателей к активистам» проводит глубокий анализ протестной активности в современной России и выявляет причины зарождения в российском обществе активизма. Коллективная монография «Политика аполитичных» в соавторстве Алюкова М.Л., Ерпылева С.В., Желниной А.А., Журавлева О.М., Завадской М.А., Клеман К., Магун А.В., Матвеева И.А., Невского А.В., Савельевой Н.В., и Туровец М.В. на основе коллективного эмпирического исследования протестного движения в России в 2011–2013 гг., предоставляет анализ характера политической вовлеченности граждан в политические протесты [5].

Тем не менее вопрос об эффективности общественных движений, в частности протестных, встает на повестку дня. Тема эффективности является довольно сложным предметом для рассмотрения, так как примеров однозначных «историй успеха» в России не так много. Более того, намного легче сказать, когда какое-либо политическое движение или компания потерпели неудачу, так как можно проследить то, какие цели были поставлены и что получилось по факту. То есть можно говорить о том, что неудачу идентифицировать довольно просто, в отличие от того, как определить успех той или иной компании. Иными словами, сложно однозначно определить, какие именно изменения повлекла за собой та или иная акция, и как доказать, что именно эти изменения стали возможны благодаря гражданской активности. Кроме того, существует проблема интерпретаций: что одному кажется успехом, другим может трактоваться как поражение. Также необходимо учитывать определенный контекст, специфику режима. В разных политических контекстах разные явления будут достижением. В определенных условиях даже сам факт выживания движения или инициативы уже является успехом, а значит эффективным событием.

Немаловажным фактом в изучении протестной активности в России является региональный фактор, в различных регионах властные элиты реагируют по-разному. В одних регионах протестная активность имеет ярко выраженный характер, в то время как в других гражданский активизм носит довольно лояльный характер по отношению к действующей политической системе.

Существует несколько классических теорий эффективности общественных движений. Одна из самых цитируемых работ по данной теме является книга «Стратегия социального протеста» Уильяма Гэмсона. Исследователь выделил два результата общественных движений: во-первых, это какие-либо приобретения для той группы населения, в интересах которого выступает движение, а во-вторых, признание организации как легитимного актора выражения интересов групп. В зависимости от наличия двух составляющих, деятельность общественных движений приводит к различным результатам. То есть примером эффективности является получение привилегий и признание актора как легитимного игрока, способного выражать интересы различных групп [7]. Другой классической теорией по общественным движениям является книга «Движение бедных людей: почему они преуспевают, как они терпят неудачу» Ф. Пивена и Р. Клоуарда, где вводится понятие «подрывной власти» [9]. Авторы говорят о том, что единственным способом быть эффективным — это вести агрессивную политику путем выхода из системы власти и подрыва несправедливо устроенной системы отношений.

В 80-е годы утвердился другой подход в оценке эффективности общественных движений, который довольно часто используется и современными исследователями. Данный подход зачастую называют структурированным, так как в нем отдается ведущая роль структуре и политическим возможностям. Основателями этого

подхода являются Чарльз Тилли и Даглас МакАдам, которые считали, что для того, чтобы движение было эффективным, необходима определенная конфигурация политических сил и систем — «окно возможностей» [8], иначе движение обречено на поражение. Главной задачей протестующих является своевременное реагирование на появившуюся возможность.

Что касается восприятия политической идентичности молодого поколения России цитата К. Мангейма о том, что примитивные общества не знали интеллектуальных конфликтов молодежи, «поскольку там не было существенных расхождений между нормами поведения в семье и в обществе целом. Более конфликтное самосознание нашей молодежи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а ее замешательство — естественный результат ее неопытности» [4], актуальна и по сей день.

Таким образом, можно говорить о том, что протесты 2017 г. в России не согласуются с классическими подходами в оценке эффективности. С точки зрения классиков протесты были абсолютно иррациональны и бесполезны, однако они имели место. Поэтому необходимы другие теоретические рамки и подходы, и угол рассмотрения для анализа протестной активности в России. Так как результаты протестных акций являются довольно противоречивыми, во многом даже бессмысленными, тем не менее они продолжают происходить, и протестный потенциал российского общества остается высоким. Поэтому необходимо понимать, как можно анализировать и осмыслять такие общественные движения.

Литература

1. Алферова А. Б., Патокина Е. А. Прогнозирование протестных настроений населения в связи с избирательной кампанией 2011–2012 гг. [Электронный ресурс] // Мониторинг. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prognozirovanie-protestnyh-nastroeniy-naseleniya-v-svyazi-s-izbiratelnoy-kampaniey-2011-2012-gg> (дата обращения: 05.03.2019).
2. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М. : Три квадрата, 2010.
3. Костюшев В. В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретического понимания и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
4. Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2010.
5. Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 гг. : коллективная монография / Алюков М.Л., Ерпылева С.В., Желнина А.А., Журавлев О.М. и др.; ред. Ерпылева С.В., Магун А.В. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
6. Саэтгараев А.Д. Политическая идентичность в России // Филология и культура. 2010. № 21. С. 140–143.
7. Социология общественных движений: учеб. курс / сост. В. Костюшев. СПб. : Высш. школа, 2009.
8. McAdam D. 1982. Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970. Chicago : University of Chicago Press.
9. Piven F. F. Poor people's movements: why they succeed, how they fail kindle edition / F. F. Piven, R. Cloward // Pantheon Books, 1978.

Об авторе:

Аюшеева Дарима Амуровна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), dayusheeva@yandex.ru

References

1. Alferova A. B., Patokina E. A. Forecasting of citizens protest moods in relation to elections. 2011–2012, digital resource // Monitoring. 2012. N 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prog->

- nozirovanie-protestnyh-nastroeniy-naseleniya-v-svyazi-s-izbiratelnoy-kampaniey-2011–2012-gg. (In rus)
2. Kleman K., Miryasova O. Demidov A. From an average citizen to an activist. Incipient social movements in modern Russia. M. : Three squares, 2019. (In rus)
 3. Kostyushev V.V. Social protest in politic: potential, program, discourse (Experience of theory realization and empiric verification) // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 4. P. 144–157. (In rus)
 4. Mannheim K., Selected Edition. Identification of our time : translation from English. M. :Center of human initiations, 2010. (In rus)
 5. Nonpolitical politic: Russian civil movements in 2011–2013 : monograph; Alyukov V. L., Erpyleva S. V., Zhelnina A. A., Zhuravlev O. M. at al.; ed. by Erpyleva S. V., Maun A. V. M. : New literature review, 2014. (In rus)
 6. Saegtarayev A. D. Political identity in Russia // Philology and culture [Filologiya i kul'tura]. 2010. N 21. P. 140–143. (In rus)
 7. Sociology of civil society movements: Course of study / content by Kostyushev V. SPb. : High School, 2009. (In rus)
 8. McAdam D. 1982. Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970. Chicago : University of Chicago Press.
 9. Piven F.F. Poor people's movements: why they succeed, how they fail kindle edition / F.F. Piven, R. Cloward // Pantheon Books. 1978.

About the author:

Darima A. Ayusheeva, Post-graduate Student of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), dayusheeva@yandex.ru

Отражение культурной политики в бизнесе на примере Австрии

Бойко Е. И.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; k-boiko@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье поднимается вопрос взаимного влияния национальной культуры и государственной культурной политики и принятых в государстве бизнес-моделей. Исходя из постулата об особой культурной среде, сложившейся в Австрии, автор анализирует, как в этой среде развивается бизнес, как функционируют бренды и фирмы с мировым значением. Большое значение в статье уделяется и таким темам, как социальная ответственность бизнеса, благотворительность, международные экономические связи, история успешных бизнес-проектов. Не обходит автор вниманием и сложные темы о проблемах в экономической и социальной сферах, предлагая искать их решение в той же культурной политике. Основным методом для анализа информации служит контент-анализ, а в качестве источников информации используются интернет — самый динамичный ресурс, отражающий все изменения в исследуемых сферах, русскоязычная публицистика и литература. Основная тема статьи — выведение доказательства возможности сосуществования стратегии сохранения и преумножения культурного багажа с желанием добиться экономической выгоды и личного успеха. Автор приводит различные примеры возможности их сосуществования в рамках единой государственной политики, предлагая, как основной вывод из статьи, следующий тезис: «бизнес формируется в определенной культурной парадигме, которая влияет на него, но который по достижении определенного значения начинает в свою очередь влиять на среду».

Ключевые слова: Австрия, культурная политика, австрийские фирмы, социальная ответственность бизнеса, история Австрии, бренды Австрии, международный бизнес, традиционные ремесла, наследие ЮНЕСКО, авторские права

Reflection of Cultural Policy in Business on the Example of Austria

Ekaterina I. Boiko

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; k-boiko@yandex.ru

ABSTRACT

The article raises the issue of the mutual influence of national culture and state cultural policy and business models adopted in the state. Based on the postulate of a special cultural environment prevailing in Austria, the author analyzes how business develops in this environment, how brands and firms with global significance function. The article also attaches great importance to such topics as social responsibility of business, charity, international economic relations, the history of successful business projects. The author does not ignore the complex topics about problems in the economic and social spheres, offering to look for their solution in the same cultural policy. The main method for analyzing information is content analysis, and the Internet is used as the source of information — the most dynamic resource, reflecting all the changes in the studied areas, Russian-language journalism and literature. The main topic of the article is the proof of the possibility of coexistence of the strategy of preserving and multiplying cultural baggage with the desire to achieve economic benefits and personal success. The author gives various examples of the possibility of their coexistence in the framework of a single state policy, proposing the following thesis as the main conclusion from the article: “business is formed in a certain cultural paradigm that influences it, but which, when it reaches a certain value, begins to influence the environment”.

Keywords: Austria, cultural policy, Austrian companies, social responsibility of business, history of Austria, brands of Austria, international business, traditional crafts, UNESCO heritage, copyright

Австрия — высокоразвитая страна, экономика которой ориентирована не столько на производство и сельское хозяйство, сколько на предоставление услуг: до 75% работающего населения занято в этой сфере. Страна имеет один из самых высоких ВВП в Европе, в совокупности составляющий приблизительно 370 млрд евро, что, учитывая население, не превышающее 9 млн чел. (по данным на март 2018 г.)¹, позволяет с уверенностью говорить о стабильности и процветании экономики государства.

Австрия — это страна с богатой и противоречивой историей, сложным имперским прошлым и значимым культурным наследием. Наверное, каждый слышал: венский бал, венский вальс, венская опера, австрийский штрудель, кофе по-венски. В Вене уже почти два столетия существует отдельная кофейная культура. Кофе, выпитый в венской кофейне за свежей газетой, — это целое событие, отдельная философия, мимолетное прикосновение к элитарному, аристократическому прошлому.

Все эти явления, родившиеся на территории Австрии, прочно вошли в культуру Европы. Однако происхождение их далеко не всегда очевидно. Вспомним известную легенду о происхождении французского круассана. Этот рогалик в форме турецкого полумесяца, ставший неофициальным маркером Франции, привезла австрийская принцесса Мария-Антуанетта, ставшая супругой Людовика XVI. Как утверждает история, впервые это лакомство родилось именно в венских пекарнях, как символ победы над турками, безуспешно осаждавшими Вену в 1683 г.

В настоящей статье представлены некоторые примеры проявления характерной для современной Европы тенденции слияния бизнеса и культуры, наиболее яркие и показательные для Австрийской Республики. Общий обзор того, как австрийский бизнес поддерживает международный имидж страны в самых различных областях культуры и способствует распространению знаний об особенностях государства, наглядно демонстрирует интеграцию этих социальных явлений. Обращаясь к словам российской исследовательницы А. Е. Ловковой, «стороны, раскрывающие положительный и привлекательный образ Австрии с точки зрения экономики: высокий уровень жизни австрийского общества, высокий уровень ВВП, активность и организованность граждан (участие в экономике страны), участие в развитии страны, социальная защита граждан» [3] рассматриваются с точки зрения влияния на культуру и влияния культуры на них.

Актуальность данного исследования и выбор в качестве примера Австрийской Республики обусловлены важностью изучения и заимствования позитивного опыта страны, во многом схожей с Российской Федерацией, как в историческом контексте, так и в политическом развитии. Взаимопроникновение культур, общность отдельных моментов исторического прошлого позволяют не просто изучать успешную европейскую страну, но и органично экстраполировать результаты исследований на российскую почву.

Австрийская государственная политика по сохранению и развитию культурного наследия определенно может рассматриваться как долгосрочный бизнес-проект, далеко выходящий за рамки сувенирного производства и налогов от туристического бизнеса.

Существенное влияние на развитие этого проекта оказало музыкальное наследие Австрии и его важный символ — Венская опера. Это не просто музыкальный жанр, но и известнейшая музыкально-сценическая площадка: Венский оперный театр — воплощение славного музыкального прошлого и настоящего Австрии и популярный туристический объект. Поддержание интерьеров здания в исторически достоверном

¹ Austria. The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/au.html> (дата обращения: 01.12.2018).

состоянии способствует не угасающему интересу посетителей. Также Венский оперный театр можно рассматривать как объект современного искусства — за счет богатой мультимедийной составляющей спектаклей и трансляций спектаклей на большом экране.

Привлекает зрителя в театр и забота о комфорте — Венский оперный театр отказался от не всегда удобного табло с субтитрами, обычно располагаемого над сценой, предпочтя вместо него использовать удобные высокотехнологичные экраны. Вот как описывают нововведение СМИ: «Каждое место в этом театре с 2001 г. было оборудовано небольшим цифровым дисплеем, и на протяжении 16 лет эти устройства транслировали субтитры спектаклей только на немецком и английском языках. Теперь на смену старым дисплеям пришли широкоэкранные интерактивные планшетные компьютеры, с помощью которых можно узнать о сюжете оперы или балета, актерском составе или балетной труппе»¹. Такие новаторские веяния, синтез классического искусства и самых современных технологий привлекают в театр до 600–700 тыс. чел. каждый год и дают до 33,5 млн евро чистого дохода².

Для Австрии в последнее время в принципе характерно органичное слияние исторических традиций, комфортных новаторских находок и современных технологий. Конфеты Mozartkugeln органично ассоциируются с роскошью имперской оперы и современными рекламными технологиями, оставаясь самым популярным памятным сувениром из Вены или Зальцбурга. Эти конфеты из фисташкового марципана в темном шоколаде пытаются своим внешним видом передать все величие Австрии имперского периода. Ало-золотой дизайн их коробочек и тщательно воспроизведенный на фольге каждой конфеты узнаваемый во всем мире портрет австрийского гения Вольфганга Амадея Моцарта позволяет ненадолго погрузиться в мир аристократической роскоши, одновременно наслаждаясь глубоким насыщенным вкусом, гарантируемым современными технологиями. Конфеты эти хорошо известны по всему миру, продаются, в том числе, и в России. Таким образом, даже такой массовый предмет, как сувенирная продукция, традиционно в Австрии несет на себе печать исторического и культурного наследия.

Частью исторического наследия является и австрийская национальная кухня, отнюдь не исчерпываемая марципановыми конфетами. Среди популярных блюд и венский шницель, и блюдо из птицы «бакхун», традиционно подающееся с местным картофельным салатом, а также другие блюда, чье происхождение связано с историческими фактами. Например, «омлет по-кайзеровски», иначе называемый «кайзершмаррен», связывают сразу с несколькими легендами: о забредшем в крестьянский дом императоре Франце-Иосифе, вежливо отведавшем единственное угощение хозяев — разломавшийся во время приготовления сладкий омлет с изюмом, или же о его супруге Элизабет, получившей письмо от шантажиста с фотографическими коллажами самой себя в непристойном виде. Сисси поведала мужу о письме, сглаживая пикантность темы сладким блюдом, похожим на «хворост», кусочки которого она сложила так, чтобы они образовали единое целое и таким образом доказала свою невиновность. Стоит ли удивляться, что десерты составляют значительную часть кулинарной политики Австрии?

В курортном городке Бад-Ишль в 1832 г. была открыта кондитерская «Цаунер», которую любила императрица Елизавета Баварская; кафе регулярно посещали композиторы оперетт Леопольд Фалль и Ференц Легар. Однако подлинная слава

¹ Валеев Д. Венская опера в сезоне 2018–2019 представит шесть премьер [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/kultura/5141132> (дата обращения: 01.12.2018).

² Портал «Новости музыки». Венская опера поставила рекорд посещаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://newsmuz.com/news/2014/venskaya-opera-postavila-rekord-poseshchaemosti-31588> (дата обращения: 01.12.2018).

к кафе пришла позднее, когда его кондитер придумал новый десерт — ишльский торт (1950-е гг.). Этот песочно-шоколадный десерт, украшенный фисташками, был удостоен золотой медали на Всемирной выставке 1958 г. и в честь него был назван вальс Ойгена Брикслея в 1959 г.¹

Еще одной примечательной деталью кулинарной культуры Австрии (и одним из источников ее благосостояния) выступают виноград и вино. Впервые виноградные культуры на землях будущей Австрии начали возделывать еще в бронзовом веке. Во времена Карла I были составлены ранние карты местных виноградников, а к XIV в. виноград и вино прочно вошли в экономику страны и были включены в свод законов, касающихся правил торговли, выращивания лоз и налогообложения такой деятельности. Именно в Австрии написан первый немецкоязычный учебник по виноградарству, принимались первые попытки защитить интеллектуальную собственность — при помощи клейм на бочках. В 1860-м г. была основана школа энологии — первое в мире учреждение, преподававшее науку о выращивании винограда и производстве вина. Примерно в XIX в. на этих землях произошло окончательное разделение виноградарства и виноделия на профессионально-коммерческое и народное².

Результатом профессионально-коммерческого подхода стало принятие ряда сложных законов о поддержании качества австрийской винодельческой продукции. В результате, ежегодный доход отрасли только за счет экспорта продуктов виноделия в первую очередь в Европу (и Россию в том числе) достигает 130–150 млн евро. Среди представленных в России марок особенно выделяются Kracher, Johannahof-Reinisch, Zantho и Tement. Маркетинг такого виноградарства включает регулярный выпуск информационных брошюр на нескольких языках — о культуре подачи и употребления вина, об успехах отрасли; создание официальных органов управления и проведение тонких рекламных кампаний. Сложно счесть простой рекламой авангардную акцию первой скрипки Венского филармонического оркестра и учредителя одного из венских балов, называемую «Вкус филармонии». В рамках проекта, стартовавшего в Японии, Андреас Гроссбауэр предложил свой взгляд на сочетание оформления зала, музыки и вина: «Брамс зачастую имеет мягкое, округлое звучание, равно как и многие великие шардоне. Какая фраза струнного квартета подходит к определенному шардоне — именно это я и хотел узнать, соединив вместе вкус, слух и чувства»³. Этот подход подчеркивает тягу австрийской культуры на современном этапе к роскоши аристократического прошлого, его сдержанности, изысканности и некоторой отстраненности от основной части населения. Именно в Австрийской империи впервые предложили разделить бокалы по форме — в соответствии с их предназначением для конкретного вина. Клаус Ридель, владелец стекольной фабрики, начал производить «функциональные» бокалы с 1756 г., полностью преобразив подход к винному хрусталу. Официальная реклама фирмы гласит: «Конечно, многие могут и не обратить особого внимания на форму бокала, из которого они потягивают хорошее вино. Однако эксперты превозносят разработку Riedel: порой, чтобы поверить в то, насколько может меняться восприятие, нужно попробовать выпить вина из подходящего бокала или поддержать его в профессиональном декантере».

Основным вкладом в культуру народного подхода к виноделию стало появление заведений формата «хойригер» — небольшого семейного ресторана с домашними

¹ Шоентан Г., Грумбах-Пальме Дж. М. Кондитерская Заунер. Бад Ишль и Зальцкаммергут. Немного истории культуры. Голдманн, Мюнхен, 1982.

² Искусство вина. С небес на землю. История [Электронный ресурс]. URL: <https://www.winesfromaustria.ru/nashe-vino/istorija/> (дата обращения: 01.05.2018).

³ Гроссбауэр М. Какое вино Шуберта? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.winesfromaustria.ru/prensa-i-multimedia/press-relizy/2012/news/article/kakov-vkus-shuberta/> (дата обращения: 01.05.2018).

закусками и молодым вином, вызревающим «на месте», — площадки неформальных встреч австрийцев. Равноценной частью народной культуры стали многолюдные праздники в честь окончания сбора урожая, которые в Австрии проходят очень ярко, отмечаются шествиями в национальных костюмах, танцами, народными играми. Один из таких фестивалей в городе Перхтольдсдорф в 2010 г. даже попал в список объектов австрийского Нематериального наследия ЮНЕСКО. То, что когда-то было просто способом отметить окончание трудного календарного периода или возможностью заработать денег, превратилось в часть туризма, став неофициальным символом страны.

Одним из винодельческих регионов страны по праву считается Вена. Столица государства с населением в 2 млн чел. может похвастаться районом Деблинг, в который входит территория Гринцинг, где до 23% территории занимают виноградники и хойригеры. В 2016 г. район начал борьбу за внесение его в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этой борьбе наглядно проявилась современная культурная политика Австрии — в одной из крупнейших австрийских газет «Österreich» была опубликована фотосессия фотомодели и танцовщицы Микаэлы Вульф¹. Одетая модель была только в виноградные гроздья, составляющие главную гордость района. Провокационная реклама поспособствовала сохранению истории региона, а написание моделью книги об этой кампании позволило привлечь к ней еще больший интерес общественности.

Семьдесят процентов территории Австрии занимает горный массив Восточных Альп. Неудивительно, что их влияние на культуру региона прослеживается с древнейших времен. В австрийской части Альп расположены крупнейший ледник Восточных Альп, протяженностью 10 км, и вторая по глубине пещера мира — Лампрехтсофенлох (1634 м). Основное отличие Австрийских Альп от альпийских массивов соседей по Европе — бо́льшая ширина хребта и меньшая высота — не более 4000 м над уровнем моря. Высочайшая вершина страны Гросглокнер — всего 3797 м. Австрийские Альпы покрыты лугами, климат здесь мягче, а ландшафт — скорее долинно-живописный, нежели горно-грознаый [1]. В истории культуры Австрии осталось множество песен, посвященных горам, на территории Альп происходит действие знаменитого мюзикла «Звуки музыки», а сейчас Восточные Альпы — это рекреационная зона, притягивающая людей со всей Европы.

Излюбленный вид отдыха австрийцев — пеший туризм в горах (трекинг). Но подлинную спортивную славу и богатство Австрии принесли горные лыжи. За один только 2017 г. было продано лыж на 4,6 млн евро. Шестьдесят процентов всех проданных лыж предназначены для пунктов проката зимнего оборудования, расположенных на многочисленных зимних курортах [6].

Первая компания по производству спортивной одежды и инвентаря появилась в Австрии еще в 1924 г. и действует до сих пор. Называется она «FischerSports». В компании работает около 1700 сотрудников. В 2015 г. ее оборот составил 145 млн евро в год, что по приблизительным подсчетам составляет 85,5 тыс. евро на человека в год. Именно на лыжах от этой компании на зимних Олимпийских играх 2014 г. в Сочи 39 спортсменов, в том числе россиянин Сергей Ульянов, завоевали 39 золотых, 36 серебряных и 35 бронзовых медалей.

Еще одна спортивная компания «BlizzardSport» была основана сразу после Второй мировой войны, в 1945 г. В 2010 и 2011 гг. эта компания удостоилась Европейской лыжной премии за инновации в конструкции лыжных креплений. На лыжах этой компании были завоеваны такие спортивные победы, как Общий зачет Кубка мира по горным лыжам в 1990 и 2002 гг., серебряная олимпийская медаль в сла-

¹ Grinzing könnte UNESCO-Welterbe sein [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xn--sterreich-z7a.at/chronik/Grinzing-koennte-UNESCO-Welterbe-sein/241739235> (дата обращения: 13.12.2018).

ломе в 2006 г., золотая в слаломе в 2014 г. За 2009 г. среднегодовой оборот компании превысил 32 млн евро.

Являясь важной частью культуры, спорт оказывает влияние на экономику страны, способствуя конкуренции между фирмами-производителями за потребителей, качество продукции, успешность рекламных акций. Даже в условиях экономической конкуренции, австрийские производители продолжают следовать традиционным принципам и правилам своих клиентов, главным из которых по-прежнему является «fair game».

Большая часть населения (до 71%) Австрии занята в сфере услуг: в стране широко развит туризм, вкладываются большие средства в индустрию развлечений — и это порождает определенные сложности. Так, в Австрии один из самых высоких показателей неравенства оплаты труда между мужчинами и женщинами среди развитых государств — до 23%. Уровень безработицы составлял на конец 2018 г. 5%, а около 3% населения продолжает жить за чертой бедности. Среди предприятий сфер экономики Австрии, имеющих отношение к культуре и истории, характерны семейные предприятия и предприятия малого бизнеса. Так, например, в пищевой промышленности почти 90% предприятий имеют штат меньше 9 человек¹.

В своей работе, посвященной исследованиям традиционного австрийского гостеприимства, Е. В. Портнова сформулировала следующий способ существования на стыке бизнеса и культуры: «крестьяне просто переоборудовали свои дома под запросы городского населения: с одной стороны, усадьбы оснащены всем необходимым современным оборудованием для комфорта посетителей, а с другой, интерьер и декор остаются традиционными или имитируют старину. На таких полусовременных-полустаринных фермах крестьяне и начали развивать гостевой бизнес: сдавать комнаты, предлагать свежую здоровую еду, которую сами и производят, а также давать советы по отдыху в горах. А по сути дела они предлагают туристам купить у них свое традиционное гостеприимство, что горожане охотно и делают» [4]. В «Новом Венском журнале» рассказывается о семье Ашбах, живущей в Восточных Альпах. Эта семья уже более двухсот лет бережно сохраняет свой дом, превратив его в туристический центр с гостиницей и старинной купальней с горячей минеральной водой и оставшимися в неприкосновенности интерьерами [5].

Больше всего возможностей для трудоустройства в области культуры дает, конечно, столица. Венский оперный театр предоставляет до 1000 рабочих мест. Действующее в столице ателье предоставляет работу для 150 людей с нарушениями ментального спектра, которые вышивают одежду для австрийских авангардных дизайнеров. Подобная забота об уязвимых слоях населения характерна для современного австрийского бизнеса [2].

Крупные бизнес-проекты поддерживают социальную политику Австрии, сохраняют исторические традиции и становятся достоянием государства, приобретая особое значение, а их продукция приравнивается к произведениям искусства. Самый яркий пример — предметы роскоши, среди которых можно отметить австрийский фарфор и экипировку для еще одного элитарного вида спорта — охоты.

Охота в Австрии — это законный, организованный на уровне государства досуг. До 2% населения имеет зарегистрированные охотничьи билеты, и примерно десятая доля охотников — женщины. Законы Республики запрещают браконьерство, поддерживают популяцию разрешенных к отстрелу животных на должном уровне, охраняют редкие виды. Особенностью охоты в Австрии является поддержание

¹ Торговое представительство Российской Федерации в Австрийской Республике. Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Австрийской Республики в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/economics_review/ (дата обращения: 13.12.2018).

исторических традиций: проживание в подлинных охотничьих домах или даже замках, сохранение искусства охоты с ловчими птицами, соблюдение старинных ритуалов проявления уважения к природе¹. Считавшаяся во времена Габсбургов самой аристократической забавой, охота и сейчас доступна немногим — если не брать во внимание стоимость экипировки, несколько дней в Альпах в охотничьем лагере обходятся в среднем в несколько тысяч евро.

Экипировка, особенно охотничье оружие, произведенное в Австрии, считается настоящим произведением искусства. С 1558 г. семейные фирмы Фанзой и Боровник из города Ферлах создают прекрасные образцы оружия, которые с удовольствием приобретают лидеры государств, в том числе маршал Тито или бывший король Испании Хуан Карлос. С конца XIX в. в городе Ферлах функционирует техническая школа с испытательным полигоном и сейчас считающаяся престижной площадкой для обучения оружейников со всего мира. В том же веке появился один из первых в Европе специализированных музеев охоты и стрелкового оружия. В 2010 г. оружейная промышленность Ферлаха была включена в список Нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, так как в большинстве мастерских до сих пор оружие производят вручную по старинным чертежам, с соблюдением исторических эстетических правил, таких как ручная гравировка по металлу или использование только натурального дерева.

Говорить о значительном вкладе в современную культуру фирм с элитным продуктом, доступным только единицам, довольно сложно, однако, подобные проекты по сохранению эстетики XVI–XVII вв. необходимы для поддержания интереса к истории и развитию международных связей.

Философия сохранения и развития исторического достояния лежит и в основе деятельности фирмы Аугартен, расположившейся в предместьях Вены с 1718 г. В то время это была вторая в Европе фарфоровая мануфактура. Со времени проведения Венского конгресса изделия этой фабрики используются для украшения государственных резиденций, в качестве подарков первым лицам государств. Сейчас статуэтки и посуда, изготовленные в Аугартене, можно встретить в коллекциях музеев не только европейских государств, но и в Японии. Среди уникальных произведений этой фабрики, представленных в ее историческом музее, можно найти единственную в мире фарфоровую почтовую марку, выпущенную в 2014 г. и призванную отметить не только достижения Австрии в области создания художественной керамики, но и подчеркнуть важность для истории страны австрийской почтовой службы.

Стоит заметить, что к почте вообще и к маркам в частности у австрийцев особое отношение. В стране широко развита индустрия коллекционирования, издается множество книг и журналов, посвященных таким популярным хобби, как филателия или филокартия, нумизматика и другие.

Самой влиятельной компанией в вопросах коллекционирования уже много лет является «Austria Netto», занимающаяся производством и печатью каталогов для коллекционеров. С середины XX в. именно этой фирме принадлежит честь знакомить мир с австрийскими почтовыми марками, монетами и телефонными картами, которые в Австрии очень высоко ценятся как часть культурного достояния.

Культурная и историческая ценность самих каталогов также очень велика — благодаря им можно сохранить такие особенности австрийской филателии, как специальные марки для газет, или отследить распространение австро-венгерской почты на государственном уровне до острова Крит и княжества Лихтенштейн.

И все же ни одна из этих фирм в отдельности не стала «лицом» современной

¹ Охота в Австрии — цены, правила, сроки и лицензии [Электронный ресурс]. URL: <https://immigrant-austria.com/blog/hunting-and-safari-in-austria-rates-rules-terms/> (дата обращения: 01.05.2018).

австрийской экономики, ее брендом. Понятие «бренд» можно определить, как «комплекс представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик о продукте либо услуге в сознании потребителя»¹. Таким образом, главное отличие бренда от герба и другой официальной символики является ассоциативность, изменчивость и способность соответствовать меняющимся нуждам фирмы или компании. В политике брендом называют также ассоциативное визуальное выражение идеи или достоинства государства [8].

Целью национального брендинга признается создание, корректировка и презентация трудоспособного положительного имиджа страны, вокруг которого будет консолидироваться само государство-нация и воспроизводиться перспективные векторы международной политики. Бренд и репутация страны являются ключевыми элементами стратегического капитала государства. Для Австрии, страны с имперским прошлым и ролью значимого культурного центра Европы, предсказуема связь ее национального бренда с культурным наследием.

С понятием «бренда» тесно связаны такие экономические показатели, как «узнаваемость» и «ширина представленности». Узнаваемость бренда — это уровень осведомленности потенциальных потребителей о бренде (торговой марке). Измеряется этот показатель количественным исследованием на целевом рынке, как отношение количества осведомленных о бренде потенциальных потребителей к их общему количеству [7].

Одной из самых узнаваемых австрийских торговых марок, способных считаться национальным брендом, можно назвать торт «Захер» — по фамилии его создателя. В 1876 г. в центре Вены был открыт отель с рестораном «Захер» — прямо напротив Венского оперного театра. Вскоре после открытия ресторан из простого места для отдыха и еды стал полноценным социальным явлением, площадкой для встреч политиков и аристократии на высшем уровне: в 1907 г. именно здесь премьер-министр Венгрии вел переговоры об изменении имперской политики в отношении его страны. Отель был новатором во многих отношениях: здесь появился один из первых холодильников в Вене, у сотрудников отеля была беспрецедентная на то время система социального страхования, включающая в себя рождественские премии и оплачиваемые поездки на курорты.

Но самым главным вкладом отеля в культуру страны, как ни странно, стала популяризация шоколадно-абрикосового торта, входящего на данный момент в реестр традиционных продуктов Австрии. Этот, заверяемый ВОИС [2], список характерных только для данной страны продуктов и готовых блюд, имеющих хотя бы 75-летнюю историю приготовления, можно приравнять к кулинарному аналогу списка объектов нематериального наследия ЮНЕСКО. Аналоги этого торта можно обнаружить среди рецептов еще XVIII в., но современная форма с глазурью и несколькими слоями абрикосового конфитюра сложилась только к концу XIX столетия.

Вклад в культуру этого торта это не только создание узнаваемого символа Вены и ее культуры кофейни, но и возможность запечатлеть историю Австрии. Например, в 2003 г., к 200-летию юбилею скандального писателя Захера-Мазоха, компания выпустила торт на смородиновой прослойке, подчеркнувшей сложное отношение к его романам и признание вклада в австрийскую культуру. Характерно, что это было первое в истории торта официальное изменение рецепта. В то же время, бурные перемены, произошедшие в Австрии в XX в., в значительной мере нашли свое отражение в споре о подлинности тортов, связанном, в том числе и с рецептурой. О первенстве в приготовлении десерта долгое время спорили две кондитерских. Спор был вызван тем, что во времена между двумя мировыми войнами

¹ Полиенко Михаил. Онлайн энциклопедия маркетинга. Узнаваемость бренда [Электронный ресурс]. URL: <http://marketopedia.ru/79-uznavaemost-brenda.html> (дата обращения: 13.12.2018).

отель менял несколько раз владельцев, становился государственным учреждением, закрывался на время Второй мировой войны, и торты готовили с нарушением технологии в кондитерской, в которой когда-то работал его автор. Сейчас кондитерские пришли к компромиссу в виде различного оформления своих изделий. Так, в отеле используют круглые шоколадные медальки, а его конкурент украшает «Захер» треугольными шоколадными печатями.

Однако торт не может служить таким ярким символом роскоши и богатства, как драгоценности и ювелирные украшения. В Австрии расположено самое большое в Европе месторождение аметиста. Также из ее недр извлекаются изумруды, гранаты, опалы и лазуриты. Но, что несколько парадоксально, основу ювелирной славы Австрии составило обычное стекло.

«Swarovski» — производитель знаменитых на весь мир стразов. В 1895 г. Даниэль Сваровски, приехавший из Богемии, бывшей тогда частью Австро-Венгерской империи, основал в австрийских Альпах первое производство по обработке стекла, достигнув в этом деле такой точности и тонкости, что стеклянный страз начал походить на ограненный бриллиант. С 1932 г. эти кристаллы начали заменять настоящие драгоценные камни для кинематографа. Первой актрисой, появившейся в Swarovski на экране, стала Марлен Дитрих, ярой их поклонницей была звезда Голливуда Мэрилин Монро, не потеряли они популярность и в наше время, украшая сценические костюмы Мадонны и ряды Николь Кидман.

С середины 1960-х гг. кристаллы Swarovski стали настолько популярными, что их начали красть из магазинов. В какой-то момент кристаллы начинают делать цветными, имитируя не только бриллианты, но и другие драгоценные камни. Со Swarovski работали такие великие модельеры, как Кристиан Диор и Александр Маккуин. Фигурки из кристаллов вручались спортсменам на одной из зимних Олимпиад. Сейчас такие статуэтки становятся объектами коллекционирования по всему миру.

Бренд постоянно развивается, ищет все новые способы применения своих изделий, их начинают использовать для украшения интерьеров. Люстры из кристаллов Swarovski проектировала и ставшая легендой архитектуры и дизайнера Заха Хадид, построившая, кстати, и основной кампус Венского университета.

В настоящее время компания «Swarovski» — это целый комплекс брендов и дочерних предприятий, среди которых и компания по производству высокоточной оптики, и завод по производству инструментов для тонкой работы, химические и физические лаборатории для производства кристаллических тканей или разработки собственной линейки парфюмерии. Также бренду «Swarovski» принадлежит один из самых заметных в современной Австрии объект авангардного искусства, открытый в 1995 г. Это так называемый «Кристалльный мир Сваровски» — площадка, где кристаллические картины и статуэтки соседствуют с природными ландшафтами, мультимедийными картинками, аудио- и видеофрагментами. К его созданию приложили руку такие мастера, как Сальвадор Дали или Ники де Сен-Фалль.

Компания «Swarovski», выручив за 2016 г. 3,4 млрд евро, показала тенденцию к развитию, так как выручка за 2015 г. составила около 3,25 млрд евро. Таким образом, ювелирный бренд оказался на втором месте после пищевого гиганта «Red Bull»¹. Компания с таким ежегодным оборотом осознает свою ответственность перед покупателями и поддерживает ряд социальных проектов по обеспечению образованием, доступом к природным ресурсам и возможности творить для детей и молодежи из развивающихся стран. Своими же главными целями в области сохранения ресурсов компания называет создание искусственных бриллиантов для

¹ Топ-10 австрийских брендовых компаний 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.advantageaustria.org/ru/oesterreich-in-russia/news/local/20150714_Oesterreichs_Top-Markenunternehmen.ru.html (дата обращения: 13.12.2018).

остановки разработки недр земли и обеспечение доступа к «кристально чистой» питьевой воде для жителей стран третьего мира.

Показательной площадкой взаимодействия бизнеса и культуры можно назвать ярмарку современного искусства *Viennacontemporary*, до 2015 г. бывшей частью другой ярмарки — *Viennafair*. Разместившаяся в переоборудованном под выставочный зал здании промышленной архитектуры конца XIX в., *Viennacontemporary* уникальна своими географическими рамками: «одна треть — местные австрийские галереи, одна треть — галереи из Восточной Европы и одна треть — остальной мир, включая Тайвань и Корею»¹. Обращение к Восточной Европе и в первую очередь к России заставляет вспомнить уже не столько культуру, сколько мировую политику, в которой Австрия уверенно держится позиций «моста между Россией и западным миром», что позволяет надеяться на установку добрососедских отношений в бизнесе двух государств и в иных сферах производства и торговли.

Эта ярмарка дает возможность малоизвестным и молодым художникам-авангардистам продать свои работы, а широкой публике — познакомиться с последними тенденциями в современных живописи, фотографии, искусстве инсталляции. Цены на выставленные здесь работы могут колебаться от нескольких сотен до 95 тыс. евро, а среди работ можно найти и первые «пробы пера» уже признанных мастеров, например, Энди Уорхолла. Помимо прочего, *Viennacontemporary* уже успела завоевать признание как одна из самых гостеприимных европейских ярмарок: всем ВИП-гостям предоставляются услуги гидов, бесплатный вход в крупнейшие городские музеи и встречи с художниками, музейщиками и кураторами. Каждый день отмечен проведением круглых столов и лекций о современном искусстве и будущем индустрии.

По мнению критиков, такая масштабная ярмарка и создающийся вокруг нее ажиотаж в прессе может говорить о пугающей тенденции превращения искусства и культурной деятельности в бизнес-проект.

Интересный момент *Viennacontemporary*: это крупнейшая международная ярмарка современного искусства, которой руководят россияне. Неудивительно, что ее деятельность освещают такие крупные российские СМИ, как «Коммерсантъ» и «Российская газета»².

Россия — не самый крупный партнер Австрии в бизнесе и экономике. В 2017 г. Россия заняла только 14-е место в первой двадцатке торговых партнеров Австрии — весь годовой оборот торговли едва достиг 5 млрд евро. Однако число туристов из России, посещающих Австрию, неуклонно растет: в 2017 г. число туристов из России выросло на 24% по сравнению с предыдущими годами, и средний показатель продолжительности пребывания туристов в стране достиг 1,2 млн ночевков. Сами австрийцы отмечают, что зачастую самые дорогие покупки в венских магазинах делают именно россияне, при чем равным интересом пользуются как мировые бренды класса «люкс», так и австрийские бренды того же сегмента³.

Несмотря на широкую социальную и экономическую деятельность, австрийские бренды мало известны в России. В ходе подготовки настоящей статьи было проведено небольшое социологическое исследование. Тридцать россиян от 21 до 35 лет отвечали на вопросы об австрийских брендах. Выборка была социологиче-

¹ Орлова М. Ярмарка эпохи великого переселения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/2127/> (дата обращения: 01.05.2018).

² Семдяева М. Русские в Вене: стартовала ярмарка *viennacontemporary* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/3450/> (дата обращения: 01.05.2018).

³ Россияне изменили облик Вены: бум русских магазинов и сегмента класса «люкс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.inopressa.ru/article/03Dec2012/diepresse/vienna.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen (дата обращения: 01.05.2018).

ски равной по месту жительства (крупные города РФ), среднему доходу и уровню образования. Исследование, проведенное в формате онлайн, показало, что большинство участвующих в опросе знают такие австрийские бренды-гиганты, как «Red Bull» или «Swarovski», но путает австрийские бренды с брендами других немецкоязычных стран. Так, почти 40% ответивших уверены, что бренд «Милка» принадлежит австрийской компании, а еще 20% записывают в австрийские бренды немецкие. Упомянутые в тексте статьи «культурные» бренды и вовсе знакомы только 15% опрошенных. Самая парадоксальная ситуация сложилась с брендом «Сваровски». Несмотря на то, что 95% опрошенных уверенно назвали этот бренд среди австрийских и подтвердили, что знают эту фирму, 67% не смогли опознать ее логотип, лишенный сопроводительных надписей и выглядящий как составленный из кристаллов лебедь.

Такая низкая осведомленность опрашиваемых об австрийских фирмах и брендах может быть связана как с низкой заинтересованностью в конкретных торговых марках — и в слабом знании об австрийской культуре в целом. Это объясняет заинтересованность Австрии в распространении информации о национальных брендах и культурном достоянии, связанном с ними.

Соединение высокотехнологического подхода и стремления к красоте формы не только создает уникальные продукты, но и формирует совершенно особую модель ведения бизнеса, принятую в современной Австрии. Компании бережно сохраняют свою историю, поддерживают социальные проекты, стремятся поддержать свою хорошую репутацию и свое имя не только коммерческой рекламой, но и вкладом в развитие своей страны вообще и популяризацией культурного наследия в частности. Как и многое в Австрии, бизнес в ней — это в том числе изрядная доля искусства, даже если фирма далека от прямого участия в таких традиционных формах, как изобразительное искусство или музыка.

Как и многие другие сферы человеческой деятельности, бизнес нашел свое отражение в культурной политике Австрии. Достижения коммерции становятся частью культурного наследия страны, представления страны на международной арене, привлекают новых туристов, а доходы от продажи предметов роскоши вкладываются в развитие образования, музейного дела, выставочных движений в стране и за рубежом, способствуют сохранению национальной истории и развитию в таких областях, как музыка, спорт или цифровые технологии. Возможно, некоторые элементы такого взаимоотношения культуры и бизнеса могли бы позаимствовать и другие государства — в том числе и Россия.

Для Австрии, чьи бренды зачастую тесно связаны с культурным и историческим наследием, экономически обусловлено стремление заявить о себе как об участнике мировой экономики, повысить узнаваемость своих брендов и тем способствовать повышению дохода страны. Иногда складывается впечатление, что культура становится предлогом для получения прибыли. Часть брендов страны при этом выходит за рамки элитного потребителя, становясь массовой культурой, из предметов уникального спроса превращаясь в востребованный неуникальный высококлассный продукт. Тем не менее очевидно, что до недавнего времени российские рынки не рассматривались Австрией в перспективно-экономическом плане. Ситуация начала активно меняться после определенных политических событий, предоставивших Австрии возможность завоевания российского потребителя.

Литература

1. Глушко А. А., Сазыкин А. М. География туризма. Владивосток, 2002.
2. Как в Австрии работают с людьми с ограниченными возможностями // Новый Венский журнал. 2018. № 11. С. 12–13.

3. *Ловкова А. Е.* Мягкая сила Австрии // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 184–196.
4. *Портнова Е. В.* Гостеприимство австрийских фермеров: между традицией и глобализацией // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 118–128.
5. *Скубилова Н.* Принять ванну — как в Средние века // Новый венский журнал. 2018. № 10. С. 13.
6. *Халепурдина В. В.* Современное состояние и перспективы развития горнолыжного туризма в Австрии // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 8–1. С. 137–139.
7. *Цапенко А. М., Данилина Е. А.* Товарный знак в системе брендинга информационных технологий. М. : ИНИЦ «Патент», 2007.
8. *Штельмашенко А. Д.* Бренд государства как ретранслятор культурного кода страны на международной арене (на примере бренда «Наследие Татарстана») // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 414–419.

Об авторе:

Бойко Екатерина Ивановна, менеджер Центра тестирования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); k-boiko@yandex.ru

References

1. Glushko A. A., Sazykin A. M. Geography of tourism. Vladivostok, 2002. (In rus)
2. As in Austria work with physically disabled people // New Vienna journal [Novyi Venskii zhurnal]. 2018. N 11. P. 12–13. (In rus)
3. Lovkova A. E. Soft power of Austria // Discourse Pi [Diskurs-Pi]. 2014. N 2-3. P. 184–196. (In rus)
4. Portnova E. V. Hospitality of the Austrian farmers: between tradition and globalization // Ethnographic review [Etnograficheskoe obozrenie]. 2012. N 3. P. 118–128. (In rus)
5. Skubilova N. To take a bath — as in the Middle Ages // New Vienna journal [Novyi Venskii zhurnal]. 2018. N 10. P. 13. (In rus)
6. Halapurdina V. V. The current state and the prospects of development of alpine skiing tourism in Austria // Current trends of development of science and technologies [Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii]. 2016. N 8-1. P. 137–139. (In rus)
7. Tsapenko A. M., Danilina E. A. The trademark in the system of branding of information technologies. M. : "Patent", 2007. (In rus)
8. Shtelmashenko A. D. A brand of the state as a repeater of the cultural country code on the international scene (on the example of the Heritage of Tatarstan brand) // Young scientist [Molodoi uchenyi]. 2015. N 5. P. 414–419. (In rus)

About the author:

Ekaterina I. Boiko, Manager of the testing Center of Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation); k-boiko@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустри-

ального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

◆ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

◆ **статьи в научных журналах:**

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ **архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):**

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 6(126)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.06.2019.
Подписано к печати 15.06.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,71. Тираж 200 экз.
Заказ № 6/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97